

Ошо

Великий вызов. Жизнь за пределами обыденности

Глава 1

Полет одинокого к одинокому

Пожалуйста, объясни, что ты имеешь в виду под йогой, йогом и медитацией.

Первое, что необходимо помнить о медитации, — это то, что ее невозможно делать. Во всем мире у людей существует представление, что медитация — это то, что нужно делать. Но это не делание, не действие, это то, что случается. Не *вы* идете в нее, а она приходит к вам и проникает в вас. Она разрушает вас нынешних и воссоздает вас в новом качестве. Это настолько жизненное и настолько бесконечное явление, что оно не может быть частью ваших действий.

Тогда что же нужно делать? Вы можете только создать ситуацию, в которой медитация случится. Все, что вы можете делать, это быть уязвимым и открытым существованию.

Обычно мы похожи на тюрьмы: мы заперты внутри себя, ни окон, ни дверей наружу нет. В некотором смысле мы мертвы. Можно сказать, что мы стали «жизнепроницаемыми» — жизнь не может в нас проникнуть. Мы создали барьеры и препятствия для жизни, потому что жизнь может быть опасной, неконтролируемой — она за пределами нашей власти. Мы научились вести закрытое существование, чтобы чувствовать себя уверенно и безопасно, чтобы чувствовать себя спокойно. Это закрытое существование удобно, но в то же время оно лишает нас жизни. Чем больше мы закрываемся, тем меньше в нас жизни. Чем больше мы открываемся, тем жизни в нас больше.

Медитация — это открытость во всех направлениях, открытость всему. Но быть открытым ко всему опасно, потому что это, безусловно, делает нас незащищенными. Мы беспокоимся, потому что может случиться все что угодно. Ум, который стремится к безопасности, стремится к покою, стремится к определенности, не может быть медитативным умом. Только ум, который открыт всему, что предлагает жизнь, принимая абсолютно все, что происходит, даже смерть, может создать такую ситуацию, в которой случится медитация.

Так что единственное, что можно сделать, — это быть восприимчивым к медитации, быть тотально восприимчивым — не к частному событию, а ко всему, что происходит.

Медитация — это не какое-то определенное измерение, это существование вне измерений, существование, открытое абсолютно всем измерениям без каких-либо условий, без каких-либо желаний, без каких-либо ожиданий. Если есть хоть какие-то ожидания, ваша открытость не будет полной. Если есть хоть какие-то условия, какие-то желания — если есть хоть какие-то «если» — открытость не может быть тотальной. Ни одна ваша частичка не должна оставаться закрытой. Если вы не открыты полностью, вы не сможете принять никакое действительно живое, полное энергии, бесконечное событие. Оно не сможет стать вашим гостем, вы не будете хозяином.

Медитация — это только лишь создание принимающей ситуации, в которой что-то может случиться, и все, что вы можете делать, — это просто ждать.

Ум, который ждет... Ждет неизвестного, потому что невозможно знать заранее, что должно произойти; вы не можете ничего себе даже представить. Вы могли что-то слышать о том, что случается, но это не *ваше* знание; то, что может произойти, остается для вас неизвестным. Ум, который ждет неизвестного, — медитативный ум.

Когда ждешь неизвестного, знание становится барьером, потому что чем больше знание, тем надежней его тюрьма. Вы не должны быть в «знающем» настроении, вы должны быть полностью невежественны; только тогда неизвестное может к вам прийти. В тот момент, когда ваше неведение осознает себя, в тот момент, когда вы знаете, что не знаете, вы начинаете ждать неизвестного.

Существует два типа невежественных людей. Люди первого типа не осознают своего неведения, они автоматически думают, что обладают знанием. Это невежественное знание. Люди второго типа — те, кто сознают свое неведение. Это осознанное неведение. В тот момент, когда вы осознаете свое неведение, вы достигаете точки, в которой начинается истинное знание.

Пандит, человек, думающий, что он обладает знанием, никогда не будет религиозным человеком. Человек, который думает, что что-то знает, обречен быть нерелигиозным, потому что эго, наполненное знаниями, — самая трудноуловимая вещь. Но в тот момент, когда вы осознаете свое неведение, эго растворяется, потому что исчезает пространство, в котором эго могло бы существовать. Самый большой удар по эго — это осознать свое неведение; самая большая поддержка для эго — заявлять о своем знании.

Это второе, что я хотел бы сказать о медитации. Ваш ум должен полностью осознавать свое неведение. А осознать свое неведение можно только тогда, когда вы поймете, что все накопленное, заимствованное знание — на самом деле незнание. Это не знание, это просто информация, а информация — еще не знание, как бы вам ни казалось по-другому.

Человек, который знает, не настаивает на своем знании; он колеблется. Но человек, который думает, что знает, непоколебим и настойчив. Он абсолютно уверен.

Вы должны осознать следующий факт: то, что вы не познали сами, не может стать вашим знанием. Вы не можете позаимствовать знание: в этом разница между богословским и религиозным умом. Богословие — одна из самых нерелигиозных вещей в мире, а богословы — самые нерелигиозные люди, потому что все, что было заявлено ими как знание, заимствовано.

Знание не может быть заявлено. Его природа такова, что в тот момент, когда кто-то обретает знание, его «я» исчезает. В тот момент, когда кто-то обретает знание, его эго больше нет. Знание приходит, когда эго нет, поэтому эго не может обладать знанием. Эго может только собирать информацию; оно может накопить множество фактов, оно может цитировать священные книги.

Идти в медитацию — значит выйти за пределы накопленных вами знаний. В тот момент, когда вы выходите за пределы знаний, начинается познание. И познающий — это нечто совсем иное: он никогда не скажет, что он знает, он всегда осознает свое невежество. И чем больше он его осознает, тем более восприимчивым ко всему новому он становится.

Как только вы что-то узнали, сразу же забудьте об этом. Иначе очень велика вероятность, что оно станет частью вашего знания, частью ваших накоплений. Если знание исходит из вашего прошлого опыта, оно тоже заимствованно, потому что вы уже другой человек. Не имеет значения, откуда заимствован опыт: из прошлого или от другого человека.

Вчерашний я далеко в прошлом; тот, кем был, уже мертв... его нигде не найти, кроме как в моей памяти. Вчерашний я такой же «другой» для меня, как и вы. На самом деле, он даже еще более «другой», потому что вы ближе ко мне во времени. Сейчас, если вы можете быть молчаливыми, каждый из вас ЕСТЬ я, неотъемлемая часть меня.

Если я буду рассказывать вам о том, что произошло со мной вчера, это не я буду говорить с вами: я буду мертвым человеком, мертвой записью. Я перестану жить в данный момент, не буду на него откликаться. Нечто, что уже мертво, будет утверждаться через меня. А полагаться на то, что мертво... невозможно.

Если я все еще живу в воспоминаниях о вчера, тогда я не способен жить сегодня. Но если вчерашнее я прожил вчера, то и сегодняшнее я должен проживать в этот самый момент, сейчас, и то, что я говорю, должно проходить через меня сегодняшнего. Если отклик приходит из мертвого прошлого, он заимствован. Даже если он исходит от меня, из моего собственного прошлого, это мертвый груз, это не *знание*.

Знание всегда спонтанно, тогда как все утверждения — из прошлого, из памяти. Когда вы черпаете что-то из памяти, вы не находитесь в текущем моменте. Не нужно ничего заимствовать,

даже из своего собственного прошлого. Нужно жить от момента к моменту, и жить так, чтобы все, что происходит с вами, становилось частью вашего знания.

Когда я смотрю на вас, мой взгляд может быть знанием только в том случае, если между нами нет моей памяти. Если я смотрю на вас через воспоминания наших предыдущих встреч, тогда, на самом деле, я смотрю не на вас. Но если я могу посмотреть на вас, оставив в стороне любые воспоминания, отбросив груз прошлого, взгляд становится медитативным. Если я могу прикоснуться к другому рукой, не обремененной каким бы то ни было опытом, прикосновение становится медитативным. Все, что невинно, спонтанно, становится медитативным.

В-третьих, я хотел бы подчеркнуть, что медитативный ум живет от момента к моменту. Он ничего не накапливает, он лишь проживает каждый момент. Медитативный ум никогда не выходит за пределы здесь и сейчас, он всегда в настоящем, восприимчивый к каждому приходящему мгновению.

То, что мертво, — мертво; то, что прошло, — прошло. Прошлое ушло, а будущее еще не наступило. Лишь момент между прошлым и будущим — вот единственное, что существует.

Прошлое — это часть памяти, а будущее — часть стремлений. И то, и другое исходит от человека и не существует само по себе, а создано человеком. Если бы на земле не было человечества, не было бы ни прошлого, ни будущего. Было бы только настоящее — сейчас, только сейчас — без какого-либо течения времени, ненаступающее, неуходящее. Медитативный ум живет в этом «сейчас», для него это единственно возможная форма существования.

Дзэнский монах был приговорен к смерти. Его вызвал к себе король и спросил:

— У тебя есть только двадцать четыре часа, как ты собираешься их прожить?

Монах засмеялся и ответил:

— От момента к моменту — так же, как я жил всегда! Нет ничего большего, чем настоящий момент, так какая разница, есть ли у меня двадцать четыре часа или двадцать четыре года? Это не имеет значения. Я всегда жил от момента к моменту, так что одного момента для меня более чем достаточно. Двадцать четыре часа — это слишком много, одного момента вполне достаточно.

Королю это было непонятно. Тогда монах добавил:

— Позвольте вас спросить, сэр: можете ли вы проживать два момента одновременно?

Никогда ни у кого не получалось. Каждое мгновение вы можете проживать лишь один момент, нет другого способа жить. Два момента никогда не приходят к вам одновременно; в вашем распоряжении всегда только один момент. И этот момент настолько мимолетный, что если вы поглощены прошлым или очарованы будущим, вы не сможете его уловить. Он пройдет мимо вас, вы его упустите. Только ум, который пребывает здесь и сейчас, только восприимчивый ум может создать ситуацию, в которой случается медитация.

Четвертое, о чем нужно сказать, — это серьезность. Люди, которые думают и говорят о медитации, воспринимают ее серьезно. Они относятся к ней как к работе, а не как к игре. Но если вы воспринимаете медитацию серьезно, вы не сможете создать ситуацию, в которой она случится. Серьезность — это напряжение, а в напряженный ум не приходит медитация.

Вам нужно воспринимать медитацию как игру, детскую игру. Людям, которые медитируют, следует быть игривыми — играть с существованием, играть с жизнью — легко, без напряжения; не делая, а расслабляясь. Только в момент расслабления, только в момент игры что-то может случиться.

Серьезный человек не может быть религиозным. Но ваши религиозные люди так серьезны! Можно подумать, религией интересуются только больные люди с вытянутыми лицами. Но медитация не подразумевает никаких ожиданий, это нечто абсолютно бесцельное. Результат медитации и есть сама медитация. Нет ничего, что должно быть достигнуто с ее помощью или посредством нее — она не может быть средством.

Но насколько я вижу, люди, которые начинают интересоваться медитацией, на самом деле ищут не медитацию. Они ищут что-то другое, а медитацию используют как средство поиска. Они могут быть заинтересованы в тишине или в достижении расслабленного состояния ума — они могут стремиться к чему угодно. Но они не заинтересованы в медитации как таковой, поэтому для нее они закрыты.

Медитация приходит только к тем, кто заинтересован в ней как в конечной цели. Приходит тишина — это нечто другое. Приходит покой — другое. Приходит божественное — все это другое. Это все следствия, производные; к ним нельзя стремиться, потому что само это стремление создает напряжение.

Приходит божественное, или, лучше сказать, все становится божественным, все становится блаженным. Это происходит не напрямую, без стремления к нему, это тень медитации. Это одна из тайн жизни: того, что красиво, что подлинно, что прекрасно, невозможно *добиться*. Вы не можете гоняться за медитацией, вы не можете достичь ее напрямую, потому что при таком подходе — через стремление к счастью, к божественному или к чему-либо еще — вы упустите ее; она не придет и не переполнит вас. Ее нельзя делать средством, она не может быть средством. И серьезность — препятствие для нее.

Медитация — это возвращение к игре. Детство ушло, но теперь вы можете вновь обрести его игривость. Играйте с цветными камушками, с цветами; играйте с чем угодно. Вы можете пригласить игривое настроение и просто расслабиться, даже играть необязательно. И расслабление создаст нужную ситуацию, создаст экстаз, и тогда для чего-то откроется дверь: храм превращается в сад, где каждый, словно ребенок, играет с существованием.

Ты спрашиваешь меня, что такое йога, и кто такой йог. Йог — это медитативный человек; человек, который живет медитативно, ест медитативно, купается медитативно, спит медитативно. Вся его жизнь, все, что он делает, медитативно. Он относится к существованию не как к бремени, а как к игре. Йог не беспокоится о прошлом, не беспокоится о будущем; он живет только в настоящем. Жизнь для йога — это непрерывный поток без какой-либо цели и без ее достижения, у игры ведь нет никакой цели.

Но мы, даже когда играем, создаем цель; мы разрушаем игривость и превращаем игру в работу. Работа не может существовать без цели, игра же умирает, если появляется цель. Но мы стали такими серьезными, что даже играя, мы создаем цель: что-то завоевать, чего-то достичь. Мы не умеем делать что-то просто ради радости это делать — искусство ради искусства. В тот момент, когда вы творите лишь ради искусства, вы медитативны. Если вы поете ради пения, оно становится медитативным. Когда вы любите ради любви, ваша любовь становится медитацией.

Когда средство и результат сливаются, случается медитация. Но если средство — это начало, результат — это цель, а между ними существует некий процесс, тогда это становится работой, к которой нужно относиться серьезно. Тогда возникают напряжения, конфликты и ощущение бремени, а ваша невинность разрушается.

Результат — это средство. Средство — это результат. То, что воспринимается в таком ключе, становится медитативным. Начало — это конец. Ваш первый шаг — это последний шаг. Ваше рождение — это ваша смерть. Встреча — это расставание. Все эти пары — два полюса одного целого, они — единство. Если вы воспринимаете их единство, ваш ум становится медитативным. Тогда нет никакого бремени: жизнь становится просто *лилой*, игрой.

Крест Иисуса — это серьезно, но Кришна жил игриво. Танец Кришны качественно отличается от того, что делал Иисус. Крест, который он нес, несомненно был ношей: его *нужно* было нести. То была совсем не игра, это было серьезное дело. Христиане утверждают, что Иисус никогда не смеялся. Как он мог смеяться, если ему нужно было нести крест? И он не просто нес его для себя, он должен был нести крест для всего человечества — для тех, кто ушел, и для тех, кто еще

должен был прийти. Но я не думаю, что это истинный образ Иисуса. Это христианский образ, я не могу представить себе Иисуса, который никогда не смеялся. Тот, кто не способен смеяться, не может быть религиозным.

Конечно, существуют разные виды смеха. Когда вы смеетесь над другими, ваш смех не имеет к религии никакого отношения, но когда вы начинаете смеяться над собой, вы становитесь религиозны. Человек, который умеет смеяться над собой, не может быть серьезным: он игрив, и его жизнь похожа на игру без какого-либо результата, без какой-либо цели. Ничего не нужно достигать, все, что только возможно, есть в настоящем.

Ум, нацеленный на достижение, не может отделить себя от будущего, достигающий ум вынужден быть ориентированным на будущее. И, кроме того, такой ум основан на прошлом, потому что будущее — это не что иное, как проекция прошлого. Мы проецируем воспоминания прошлого на представления о будущем. Наши мечты о будущем — всего лишь наш прошлый опыт, представленный более эстетично, более привлекательно.

Медитативный человек живет в настоящем, потому что нет другого способа *действительно* жить. Но если вы хотите отложить жизнь на потом, то можете жить в прошлом или в будущем.

Йога — это не метод медитации, а способ создания ситуации, в которой медитация случается. И человек, который начал жить в настоящем и не озабочен никакими жизненными целями, — это йог, отрешившийся, саньясин.

Обычно мы думаем, что саньясин — это человек, который оставил жизнь. Полная чепуха! Саньясин — единственный человек, который действительно живет. Саньяса — это не отречение, а посвящение в жизнь. Это отречение от мертвого прошлого и от нерожденного будущего. Это отречение от суицидальных тенденций и откладывания жизни. Это причащение к жизни. И йога — это не что иное, как посвящение в тайны жизни и метод создания ситуаций, в которых может случиться медитация.

Индия — не единственная страна, где возникла йога: где бы и когда бы вы ни находили по-настоящему живого человека, одновременно вы могли найти и созданную им йогу. У Будды была своя йога, у Махавиры и Иисуса — своя. Так что могут быть тысячи и тысячи различных йог.

У каждого человека, у каждой личности есть свой собственный путь, своя собственная дверь в реальность. Поэтому никто ни за кем не может следовать. Пока ты следуешь, ты не можешь стать йогом. Последователь никогда не будет йогом, потому что следование означает, что ты опять стремишься к безопасности: ты хочешь быть уверен, что достигнешь, поэтому повторяешь путь того, кто уже достиг. Но то, что кому-то помогло, не обязательно поможет и тебе. Вернее, точно не поможет, потому что каждый человек уникален, каждый должен создать собственный путь.

Нет готового пути, который нужно преодолеть, чтобы куда-то прийти; ваша собственная жизнь и есть путь. Вы создаете путь и идете по нему, и чем активнее вы его создаете, тем дальше продвигаетесь. Путь одного человека не может быть пройден кем-то другим, потому что путь йоги — внутренний. На этом пути нет внешних обозначений и указателей, нет вообще никаких видимых знаков. Будда прошел определенный путь, но то был внутренний путь, и существовал он только для одного Будды. Никто другой не может пройти путь Будды.

Никто не может занять место другого человека. Вы не можете умереть за меня. Вы можете умереть *ради* меня — это другое дело — но вы не можете заменить меня в моей смерти. Даже если вы умрете ради меня, это будет ваша, выбранная вами смерть; это не будет моей смертью.

Точно так же вы не можете за меня любить. Не может быть никакого заменителя, не может быть никакой помощи, не может быть никакой альтернативы. Моя любовь будет только моей любовью, и моя смерть будет только моей смертью. Так как же моя жизнь может быть вашей

жизнью? Моя жизнь — это моя жизнь; никто другой не может сделать ее своим способом жить. Она всецело моя, и настолько индивидуальна, что не может быть никем повторена.

Так что у каждого человека своя собственная йога. Каждый должен сам ее создать. Каждому придется вести поиск в полном одиночестве, в полной темноте. Но сам этот поиск будет светом, потому что осознание одиночества разрушает одиночество и создает храбрость.

Если ты точно знаешь, что одинок, то страх исчезает. Когда ты знаешь, что присутствие другого рядом с тобой невозможно, тогда нет страха. Страх приходит вместе со стремлением, с мечтой, с представлением о возможности, что кто-то может разделить с тобой твой путь. Но если ты полностью осознаешь тот факт, что ты одинок, страха нет. В таком случае ты понимаешь, что одиночество неизбежно.

Именно в момент осознания своего тотального одиночества ты становишься йогом и выходишь за пределы нате, значит, вы скучны самому себе. Один скучающий человек идет к другому скучающему человеку, и вместе они пытаются преодолеть скуку. С математической точки зрения результат должен быть как раз противоположным: скука удвоится. Каждый скучающий человек начнет скучать вдвойне и думать, что в этом виноват другой. Они будут обвинять друг друга, и возникнет конфликт.

Йог или человек, который пришел к йоге, осознает тот очевидный факт, что природа каждого человека — абсолютное одиночество, и с этим ничего не поделаешь. Но как только это осознание достигнуто, происходит взрыв. Теперь незачем убегать, потому что с осознанием становится очевидно, что возможности для бегства нет никакой. Человек остается наедине с самим собой, и он может жить один, но не чувствовать себя одиноким. Он не пойдет в горы, не отправится в пещеру, потому что знает, что где бы он ни был, даже на базарной площади, даже в толпе, он всегда одинок. Теперь он смотрит на всех по-другому — каждый одинок! И в нем возникает сострадание, сострадание к абсолютному одиночеству каждого человека.

Когда есть сострадание к другим, йог переживает опыт медитации. Этот опыт — стрела о двух концах: один конец направлен на медитацию, другой — на сострадание. В вашем внутреннем мире случается медитация, ваши внешние отношения наполняются состраданием.

Будда использовал два слова: *праджна* и *каруна*, потому что религия в основном оперирует только этими двумя словами. Праджна означает медитацию, пик знания, каруна означает сострадание. Праджна, медитация — это пламя, а каруна, сострадание — это свет, который распространяется и заполняет весь мир. Оба они возникают одновременно — они едины.

Не нужно мыслить в понятиях этой йоги или той йоги, этой религии или той религии; подобное мышление по сути своей неверно. Мыслите в понятиях жизни, существования. Начните проживать каждый момент, который к вам приходит: проживайте его тотально, проживайте его в полном одиночестве. Проживайте жизнь от момента к моменту. Будьте открыты: открыты неизвестному. Принимайте все так, как есть. Отрицание и неприятие — вот единственный атеизм. Принятие — соглашающийся дух, который говорит «да» всему, который принимает все безусловно, — это религиозность.

Создайте ситуацию, и все будет происходить само собой. Не все можно предсказать. Ничто действительно ценное предсказать нельзя; предсказать можно только механичные вещи. Мы можем заранее знать, как будет работать машина, но мы не можем предсказать жизнь; жизнь непредсказуема. Нужно просто создать ситуацию и ждать, позволяя происходить всему в свое время, своим особым образом.

Допустим, я подготовил дом к приему гостя, но подготовка — это не гость. Он может прийти, а может и не прийти. Индийское слово гость, *атитхи*, очень красиво: оно означает человека, чей приход не имеет даты, время его прихода остается тайной. Он может прийти в этот самый момент, а может быть, вы будете ждать его всю жизнь. Ожидание — это единственная проверка:

если вы способны ждать, и ожидание вам не надоедает — это единственный показатель вашей любви. Более того, вы должны ждать с трепещущим сердцем, и ждать каждое мгновение, потому что любой момент может оказаться моментом взрыва.

Вам следует быть осознанными, вы должны непрерывно ждать, очень хорошо понимая, что, вполне вероятно, ничего и не произойдет, гость может не прийти.

И вот люди, которые не способны ждать, создали всевозможные виды определенности. Они говорят: «Делай так, и нечто произойдет». Это немыслимо! Если вы уверены, что гость обязательно придет, тогда вы не ждете — определенность убила ожидание. Если гость *должен* прийти, тогда ни о каком ожидании речи быть не может.

С полным осознанием возможности, в полной неопределенности, сердце становится ожидающим. Сам его трепет есть ожидание; теперь само дыхание становится ожиданием. Каждый момент вы осознаете все, что происходит, — дождь, цветы, звезды. Вы внимательны ко всему, потому что никто не знает, как гость придет. Никто не знает, когда он придет и как постучится в дверь.

Итак, йог — это человек, который всегда ждет и всегда бдителен. Даже во сне он ждет, потому что — кто знает? — гость может прийти ночью, никого не застать и уйти. Поэтому йог пробужден каждый момент — ожидая каждую минуту, надеясь вопреки всем неоправданным надеждам, неsgiбаемый перед лицом всех неопределенностей. И даже если один-единственный момент вы можете быть полностью поглощены ожиданием... Но это не гарантия. Я могу только сказать, что это случается, и это уже случалось.

Ожидание — очень трудная часть, потому что мы все время спешим. Спешка современного человека совершенно нерелигиозна: она привела все современное общество к материализму. Мы так спешим, что не можем ждать, а ожидание — единственная проверка. Мы движемся так быстро, что не можем остановиться и обнаружить божественное. Мы постоянно бежим, а ожидание не может существовать в бегущем уме.

Человеку в ожидании следует сидеть, ожидающий человек не может бежать.

Если вы заняты делом, вы лишены ожидающего сознания.

В Японии слову *дхиана*, медитация, соответствует слово *задзен*. *Задзен* означает просто сидеть и ждать, ничего не делая. Это не значит, что вы должны сидеть в одной позе пять часов; вы можете быть чем-то заняты и все-таки просто сидеть. Если вы спите, просто спите и ждите, и ничего больше не делайте. Если вы едите — ешьте. Но тогда просто ешьте — ничего больше не делайте — и ждите. Тогда жизнь может продолжаться, и все-таки есть неподвижность, все-таки есть ожидание, и все-таки нет делания. Это — медитация. Это — йога.

Это не отречение от жизни, а инициация в жизнь. Я против всех способов так называемого отречения, потому что все они жизнеотрицающие, жизнеотвергающие, все они идут против бога. Люди, которые кажутся такими влюбленными в бога, на самом деле не принимают его тотально, потому что они отрицают жизнь, созданную им. Они говорят: «Мы принимаем тебя, Господи, и отрицаем жизнь». Они говорят: «Мы выбираем между тобой и миром». Но в действительности выбора нет: жизнь божественна, жизнь сама по себе есть бог.

Не из чего делать выбор, нет нужды выбирать. Проживайте жизнь, глубоко в нее погрузитесь, будьте вовлечены в нее — и осознавайте свое одиночество. *Каждый* *одинок*. Что-то будет приходить, что-то — уходить, но ваше одиночество не может быть нарушено никогда, потому что это часть человеческой природы. Одиночество — это основа, фундамент. Из одиночества растет медитация, через одиночество происходит инициация в йогу, благодаря одиночеству, в конечном итоге, человек становится йогом и подлинной индивидуальностью.

Подлинность вырастает только из индивидуальности, так что не верьте в мертвые формулы — *карма-йога*, *бхакти-йога*, *джнана-йога*, *раджа-йога*. Существует столько же йог,

столько же путей, сколько и людей, по ним идущих. Каждый человек должен создать свою собственную йогу, только тогда его подлинное существо может быть реализовано; иначе возможно только заимствование, ложь.

И огромное количество людей становятся жертвами заимствования. Все чьи-то последователи достигают ложного бога, не истинного; они не могут достичь истинного бога, потому что теряют собственное подлинное существо где-то в пути. Они — подражатели, а подражателю не суждена истинная реализация, судьба подражателя — иллюзии. Путь последователей прост, но он не поможет найти себя. Он приведет лишь к поддельному богу.

Есть только один истинный бог, а ложных богов много: христианский, индуистский, джайнский, мусульманский. Все пути, посредством которых религии предлагают достичь бога, ложные. Подлинный путь всегда индивидуален. Нужно быть достаточно мужественным, чтобы быть собой, принять себя и прыгнуть в неизвестное, отбросив все, что было познано, отбросив все знания.

Бог — это абсолютное одиночество. Когда вы говорите: «Единство с богом», вы опять создаете другого. Бог для вас — средство уйти от себя. Раньше спасительным другим была ваша жена, ваши друзья. Теперь вы хотите стать едиными с богом, теперь бог является спасительным другим.

Но вы не можете стать едиными с ним, потому что с ним вы уже едины. Ваше тотальное одиночество — это осознание того, что вы и есть божественное, что вы не отделены от него. Не может возникнуть никакого единства с богом, не может произойти никакого объединения, потому что объединение возможно только тогда, когда есть двое. И осознание своего полного одиночества означает не то, что теперь вы соединяетесь с божественным; оно означает понимание того, что вы и есть божественное, что вы — божественны! Сама терминология единства — пережиток дуализма.

Как только вы осознали свое тотальное одиночество, ума больше нет; ум — это ваше прошлое, ум — это другой. Обычно, когда вы остаетесь одни, ум продолжает говорить, он играет роль другого; между вами и вашим умом происходит диалог. Но когда вы тотально одиноки, вы действительно одни. Тогда нет ума, и нет бога; вы — божественны.

Поэтому невозможно сказать, что вы становитесь едиными с богом, потому что это предполагает двойственность: бог — нечто одно, а вы — нечто другое. Даже говорить, что существование божественно, значит его разделять; не может быть небожественного существования. Есть божественность, она же есть существование; нет необходимости использовать два термина. Сказать: «Есть существование» — достаточно. Сказать: «Есть божественное» — достаточно. Когда мы говорим божественное существование, мы создаем разделение. Тогда существование божественно, а что-то еще не божественно. Но это не так: нет ничего, что не было бы частью существования, ничего, что не было бы божественным.

Есть одно лишь существование, поэтому даже говорить о единстве неправильно. Вот почему в Индии мы предпочитаем слово *адвайта*, что означает «не два». Оно не означает, что есть одно, оно просто отрицает «двойственность»: оно говорит, что нет двух. Даже использовать слово «один» значит создавать целый ряд «двух», потому что один не может существовать без «два», «три» и прочего. Этот ряд должен продолжаться. Но как только вы осознали свое тотальное одиночество, в этот самый момент вы узнаете, что двух нет, что двух никогда не было.

Я не могу сказать, что вы станете едиными с божественным, потому что вы всегда им были; разделения не было никогда. Разделенность — ваша иллюзия; и из-за этой иллюзии вы создаете еще одну иллюзию — единства. Разделенность сама по себе иллюзия, умственная концепция, и теперь, чтобы отвергнуть ее, вы создаете другую концепцию — единства. Но если разделенность ошибочна, то и единство ошибочно.

Вы — один, а не единство. Нет никого другого; другой должен исчезнуть, все другие должны раствориться. И в тот самый момент, когда другие исчезают, ум останавливается. Ум — это другой, и когда нет ума, нет и другого.

Представьте, что вам нужно на реке соорудить преграду из земли. Река одна, она всегда была одним целым, но теперь есть земляная стена, которая ее разделяет. Этот земляной барьер — единственный другой: река одна, речной поток один — он всегда был одним, и он по-прежнему один — когда преграда устранена, река вновь становится одним целым.

Именно преграда вносит путаницу. Наличие преграды заставляет создавать философии, которые опровергали бы ее существование. В этом различие между религией и философией: философия создает учения о том, что преграды нет, а религия преграду разрушает, устраняет ее.

Философия говорит, что нет двух, что двойственность ложна, а единство истинно. Против двойственности создана концепция единства. Но религиозный человек спрашивает: «Какой один? Какой другой?» Другого никогда не было. Другой — это концепция, единство — тоже концепция; и то и другое — концепции.

Реальность — это свободное от идей, неконцептуализированное существование. Так что не говорите «божественное», не говорите «бог» и не говорите, что теперь вы стали с ним едины. Есть только одиночество, есть только целое. Есть вы; нет никого, с кем быть разделенным, и нет никого, с кем быть единым. Вы в тотальном одиночестве — в *самадхи*.

Сон — это одиночество?

Нет. Сон, как он есть, — не одиночество. Это не единство, это не двойственность, это просто бессознательность. Вы ничего не осознаете. В обычном бодрствующем состоянии вы осознаете себя и других. В обычном сне вы не осознаете ни единства, ни двойственности. Но в истинной пробужденности — в медитации, в *самадхи* — вы осознаете одиночество.

Какое-то сходство есть, но есть и некоторое различие. Во сне вы не осознаете двойственности, но вы также не осознаете и целое; в *самадхи*, в медитации, вы его осознаете. Если вы можете стать полностью осознанными, и при этом так же, как во сне, нет двойственности, тогда вы *исцелены*.

Во сне ум засыпает. В *самадхи* ум умирает. Так что сон и *самадхи* кажутся похожими, но на самом деле они различаются, потому что в *самадхи* ума больше нет. Когда вы просыпаетесь утром, ваш ум более крепок, более свеж, и вы снова воспринимаете двойственность. Но из *самадхи* нет возврата. Это точка, из которой нет обратной дороги: вы не можете вернуться назад. Теперь целостность будет вечной.

Так что *самадхи* и *сушупти*, сон без сновидений, имеют некоторое сходство. Можно сказать, что *самадхи* — это пробужденное *сушупти*, или можно сказать, что *сушупти* — это спящее *самадхи*.

Глава 2

Динамическая медитация

Что такое Динамическая медитация?

Во-первых, Динамическая медитация — это метод, который использует напряжение для создания ситуации, приглашающей медитацию. Если все ваше существо полностью напряжено, то единственное, что еще возможно, — это расслабление. Просто расслабиться довольно трудно, но если все существо достигает пика напряжения, то следующий шаг происходит автоматически, спонтанно — возникает тишина.

Первые три стадии этой техники выполняются для того, чтобы достичь высшей точки напряжения на всех уровнях вашего существа. Первый уровень — это физическое тело. За ним следует *прана шарир*, витальное тело — это второе тело, эфирное. После него идет третье тело,

астральное.

Витальное тело в качестве пищи использует дыхание. Если изменить привычный характер потребления кислорода, то и витальное тело неизбежно изменится. Глубокое, частое дыхание в течение десяти минут на первой стадии Динамической медитации служит изменению химии витального тела.

Дыхание должно быть глубоким и частым — настолько глубоким и настолько частым, насколько возможно. Если вы не можете одновременно выполнять и то, и другое, то дышите часто. Используя частое дыхание, вы как бы ударяете по витальному телу, и тогда то, что спит, начинает пробуждаться: резервуар ваших энергий вскрывается. Дыхание похоже на поток электричества, пронизывающий всю нервную систему.

Так что первый шаг следует выполнять настолько энергично, настолько интенсивно, насколько это возможно. Вы должны отдаться дыханию тотально; ни одна ваша частичка не должна оставаться вне дыхания. На первой стадии все ваше существо должно только дышать.

Вы как будто сама анархия: вдох, выдох. Включите в этот процесс весь ум: воздух выходит, воздух входит. Если вы будете тотальны, течение мыслей прекратится, потому что не останется свободной энергии, которая поступала бы в мысли, не будет ни капли энергии, чтобы поддерживать мышление.

Затем, когда электричество тела пришло в движение, начинается вторая ступень. Когда биоэнергия активизировалась и циркулирует в нервной системе, для тела многое становится возможным. И вы должны позволить телу свободно делать все, что оно захочет.

Эта вторая ступень должна быть не просто позволением и свободой, но также — и состоянием позитивного сотрудничества. Вам следует прислушиваться к телу и сотрудничать с ним, потому что язык тела — символический, и, как правило, он бывает утрачен. Если ваше тело хочет танцевать, то, вполне возможно, вы даже не почувствуете этого. Так что, если на второй стадии у тела появляется хоть малейший импульс к танцу, сотрудничайте с ним, поддерживайте его; только тогда вы поймете послания вашего тела, его язык.

Что бы ни происходило на этой десятиминутной стадии, делайте все с полной отдачей. В течение всей практики вы должны быть, как минимум, тотальны. Вы можете начать танцевать, прыгать, смеяться или плакать. Что бы ни происходило с вами, как бы энергия ни захотела себя проявить, сотрудничайте с ней, дайте ей развитие и выход. Вначале энергия может дать о себе знать неким предощущением, просто слабым побуждением — настолько слабым, что если вы захотите его подавить, то даже не осознаете его. Оно может быть подавлено неосознанно. Так что, если есть хоть какой-то намек, какая-то вспышка, какой-то знак в уме или теле, сотрудничайте с ним и делайте это по максимуму, на самом пределе своих возможностей.

Напряжение возникает только на пределе, не иначе. Если танец не будет тотальным, он не будет и эффективным, он окажется бесполезным; люди так много танцуют, но это никуда не ведет. Так что максимально вложите в танец, и пусть он будет не запланированным, а инстинктивным, интуитивным; ваш разум, ваш интеллект не должен вмешиваться.

На втором этапе просто станьте телом, объединитесь с ним, отождествитесь с ним — точно так же, как на первом этапе вы были дыханием. И как только вы станете тотальны в выражении своей энергии, в вас поднимется новое, свежее чувство. Что-то вскроется: вы увидите свое тело как нечто отдельное от себя; вы станете просто свидетелем по отношению к нему. Не нужно пытаться быть свидетелем, нужно просто полностью отождествиться с телом и позволить ему делать то, что оно хочет, и идти туда, куда оно хочет.

В тот момент, когда вы абсолютно тотальны, — вы танцуете, плачете, смеетесь, ведете себя безрассудно, совершаете любые глупости — нечто случается: вы становитесь свидетелем. Теперь вы просто наблюдаете: нет отождествления, просто свидетельствующее сознание, которое

возникает салю по себе. Вам не нужно думать об этом, это просто случается.

Такова вторая стадия техники. Только когда вы максимально, тотально вложились в первую стадию, можно переходить ко второй. Это как переключение скоростей в машине: вторая скорость может быть включена только тогда, когда первая доведена до максимума, не раньше. Со второй скорости можно переключиться на третью, только если вторая достигла предела. В Динамической медитации мы имеем дело с «переключением скоростей» нашего ума. Если физическое тело — первая скорость — доведена до максимума с помощью дыхания, тогда вы можете переключиться на вторую скорость. И вторая стадия также должна быть пережита с полной интенсивностью: с полным вовлечением, преданностью, безоглядно.

Когда вы будете практиковать Динамическую медитацию в первый раз, вам будет трудно, потому что всю жизнь вы так сильно подавляли собственную энергию, что это стало для вас естественным. Но подавление неестественно! Посмотрите на ребенка: он выражает себя. Если он плачет, он плачет интенсивно. Плач ребенка приятно слышать, но плач взрослого безобразен. Даже в гневе ребенок прекрасен; в нем есть тотальная интенсивность. А когда злится взрослый, он безобразен; он сдерживает и подавляет свою энергию. Интенсивность в чем бы то ни была прекрасна.

Вторая стадия трудна лишь потому, что ваше тело, ваша энергия подавлены. Но если вы будете прислушиваться, сотрудничать с телом, то вспомните его забытый язык. Вы станете как ребенок, в вас возникнет новое ощущение: вы окажетесь невесомым — неподавляемое тело становится невесомым.

Когда телу разрешено жить, все накопленные в нем подавления отбрасываются. Это — катарсис. Человек, который прошел через катарсис, никогда уже не сможет стать безумным; это невозможно. И если безумного человека убедить пройти через катарсис, он снова станет нормальным. Тот, кто прошел через этот процесс, выходит за пределы безумия: потенциально опасное семя убито, сожжено посредством катарсиса.

Эта вторая стадия — психотерапевтическая. Медитация может случиться только с теми, кто прошел через катарсис. Вы должны полностью очиститься; все сумасшествие должно быть отброшено. Наша цивилизация научила подавлять, удерживать пережитое внутри себя, так что весь мусор попадает в подсознание и становится неотъемлемой частью души, создавая большой беспорядок внутри существа.

Малейшее подавление является семенем сумасшествия. Оно должно быть отброшено. По мере того, как человек становится более цивилизованным, он становится потенциально более сумасшедшим. Нецивилизованный человек потенциально менее сумасшедший, потому что он все еще понимает язык тела, он все еще сотрудничает с ним. Его тело не подавлено; его тело — это цветение его существа.

Вторая стадия должна быть выполнена тотально. Вы не должны быть вне тела, вы должны быть в нем. Когда вы что-то делаете, делайте это с полной отдачей: будьте действием, а не делающим. Именно это подразумевается под тотальностью: будьте действием, станьте действием, не будьте делающими. Делающий всегда находится вне своего действия, он никогда не бывает в нем. Когда я люблю вас, я в этом, но когда я действую с любовью, я вне действия.

На второй стадии многое возможно — с каждым будет происходить что-то свое. Один начнет танцевать, другой — плакать. Один обнажится, другой начнет прыгать, а кто-то будет смеяться. Может случиться все что угодно.

Двигайтесь изнутри, двигайтесь тотально, и тогда вы сможете перейти к третьей стадии.

Третья стадия является результатом естественной последовательности. На первой стадии пробуждается электричество тела, *кундалини*. Оно начинает двигаться и циркулировать внутри вас. Только после этого вы можете достичь состояния полного позволения и услышать тело, не

раньше. Внешнее движение возможно, только если началось внутреннее движение.

Когда катарсис второй стадии доведен до высшей точки, до предела, начинается третья десятиминутная стадия. Начните энергично повторять суфийскую мантру: «Ху! Ху! Ху!» Энергия, которая была пробуждена с помощью дыхания и выражена через катарсис, теперь начинает двигаться внутрь и вверх; мантра распределяет энергию по новым каналам. До этого энергия двигалась вниз и наружу, теперь она начинает двигаться внутрь и вверх.

Продолжайте отбивать звук внутри: «Ху! Ху! Ху!» — пока все ваше существо не превратится в один только звук. Полностью истощите себя; только тогда может наступить четвертая стадия, медитация.

Четвертая стадия — это *ничто*, только тишина и ожидание. Если в первых трех стадиях вы участвовали тотально, полно, ничего не удерживая, тогда на четвертой стадии вы автоматически глубоко расслабитесь. Тело истощено; все, что было подавлено, высвобождено, все мысли отброшены. Теперь расслабление наступает спонтанно — вам ничего не нужно делать, чтобы оно случилось. Это начало медитации.

Ситуация создана: *вас* нет. Теперь медитация может прийти. Вы открыты, восприимчивы, полны ожидания. И нечто случается.

Люди, которые приходят ко мне за духовным руководством, это люди дисциплинированного ума. Как такие люди могут практиковать Динамическую медитацию с ее безудержным выражением эмоций?

Такие люди придерживаются дисциплины, однако основная потребность беспокойного ума — быть анархичным, только тогда он может себя превзойти. Дисциплину можно установить насильно, но дисциплина — это просто внешняя обусловленность, внутреннее существо остается тем же. Внутри анархия, снаружи дисциплина; анархия остается в душе, в то время как дисциплина формирует часть культурной личности. Так что сначала позвольте напряжению, смятению, анархии достичь предела. Тогда произойдет взрыв, и в результате установится истинная дисциплина.

Расскажите людям, которые приходят к вам за духовным руководством, об этом методе. Они сами почувствуют изменение, которое с ними произойдет, — трансформацию. Пусть они практикуют Динамику в качестве эксперимента — с их беспокойным умом, с их сомнениями — и если в результате этого что-то произойдет, практика будет продолжаться сама по себе; их уже не нужно будет убеждать.

Внутренняя анархия должна быть взорвана. Ее не нужно успокаивать или подавлять, она должна быть выражена с полной интенсивностью. Тишина, безмятежность, нирвана приходят не через успокоение ума, а через взрыв. Тогда тишина устанавливается сама собой; это не культивируемое самообладание.

Вы должны выразить себя полностью. Конечно, это будет безумие, потому что вы безумны. Если вы позволите себе выразить то, что содержится внутри вас, это будет выглядеть как безумие. Возможно, вам станет от этого не по себе: то, что проявится, будет неизвестно даже вам. Но это выражение ваших тайников — подлинное выражение того, что накопилось внутри вас.

Очень многое из того, что должно быть выражено, подавлено в подсознании. Подавление продолжалось веками, на протяжении многих прошлых жизней. Анархичное существо внутри каждого из нас неизвестно даже нам самим. Его нужно выпустить наружу, призрак, находящийся внутри нас, должен выйти. А он может выйти только с помощью выражения, и только если он выражен с полной интенсивностью из самой глубины существа. Чтобы преодолеть свое внутреннее безумие, нужно сначала стать безумным.

Пусть те люди, которые приходят к тебе, попробуют Динамическую медитацию в качестве

эксперимента. Скажи им, что главное не в том, чтобы в нее верить, а в том, чтобы ее делать, тогда они увидят, что произойдет. А что-то обязательно произойдет, потому что безумие, о котором я говорю, есть в каждом человеке.

Присутствует ли в этой технике некоторого рода гипноз?

Когда человек начинает экспериментировать с этим методом, не может быть и речи о вере или неверии, не может быть и речи ни о каком гипнозе. Все как раз наоборот: мы загипнотизировали себя убеждением, что мы нормальные, разумные человеческие существа. Вот это действительно гипноз! Весь мир — это огромный сумасшедший дом, но мы внушили себе мысль, что мы разумные, нормальные. Безумие же скрыто у нас внутри. Оно все время пытается найти выход наружу, прорываясь, извергаясь из нас в сновидениях.

Оно также вырывается из нас, когда мы опьянены. ЛСД и мескалин^[1] вызывают взрыв сумасшествия, но взрыв происходит не из-за ЛСД или мескалина; и сны тоже не вызывают сумасшествия. Наркотики и сновидения просто обнажают ваше «я», подлинное существо, которое находится внутри вас. Вот почему многие древние традиции включали как часть практики для *садхаку*, ищущих, познание себя с помощью наркотиков: известны различные токсические вещества, которые использовались для познания своего внутреннего существа, для познания того, что внутри.

Попытки дисциплинировать ум окажутся абсолютно бессмысленными. Если, не познав своего настоящего нутра, вы попытаетесь поддерживать дисциплину снаружи, то станете дисциплинированным, но внутри вас сохранится сумасшествие. В конце концов, это приведет к шизофрении: в вас одновременно будут жить два существа, ваша целостность будет нарушена. Внутри постоянно будут присутствовать нерешительность и конфликт. А имейте в виду, что конфликт истощает вас и снижает в вас уровень энергии. Так что первым шагом к гармонии и единству существа является не дисциплина, а познание того, что находится у вас внутри.

Внутреннее настолько подавлялось веками, тысячелетиями, что само подавление стало частью вашего существа. И не только вы, но все человечество подавляет собственную внутреннюю жизнь; вы просто часть процесса. Вы подавляете то, что внутри, не сознательно, не намеренно, такое поведение — часть вашего наследия.

Вот почему эта техника вызывает страх. Сдерживаемый, подавленный коллективный ум является основой всего существующего сумасшествия, всех напряжений, конфликтов, всей дисгармонии. Если мы позволим себе прекратить подавление и отпустим себя, то накопленное веками неизбежно вырвется изнутри наружу. Бессознательное человечества боится этого, этот страх рождает сомнения по поводу Динамики, и сами сомнения становятся еще одним орудием подавления.

Так что скажи своим ученикам, пусть они не верят в технику, но просто делают ее в качестве эксперимента в течение пятнадцати дней. Пусть они практикуют ее по часу в день, начиная с десяти минут глубокого, частого дыхания, — и что-то придет в движение.

Дыхание должно быть более глубоким и более частым, чем дыхание *бхастрика*. И дыхание не должно быть ритмичным. Если вы попытаетесь установить какой-нибудь ритм, то на второй стадии взрыва не произойдет, потому что вы по-прежнему дисциплинируете себя. Пусть дыхание будет настолько анархичным, насколько возможно: единственный акцент — на скорости, интенсивности и глубине. И не оставайтесь вне дыхания. Все существо должно быть вовлечено — полная самоотдача без какого-либо сдерживания.

Когда вы полностью вовлечены в дыхание, все ваше тело и ум начинают вибрировать, электричество тела приходит в движение. Если вы чувствуете в теле то, чего никогда раньше не чувствовали, это значит, что техника на вас подействовала. Нет никаких сомнений, потому что вы получили опыт того, чего раньше с вами не случалось.

Обычно мы не чувствуем электричества своего тела. Это тоже следствие подавления: подавлен не только ум, подавлено также и тело. Мы не чувствуем свое тело настолько, насколько это предписано природой; мы подавили мудрость тела.

Когда в результате глубокого, частого дыхания на первой стадии Динамической медитации человек начинает ощущать внутри себя вибрацию, это значит, что электричество тела пришло в движение. В этот момент человек выходит из-под власти общества: его биоэнергия становится настолько мощной, что заставить его подчиняться невозможно. Если ваша энергия разбужена, то вы больше не раб своего положения, вы уже не просто существуете. Вы чувствуете себя безграничным, беспредельным, могущественным. В такие моменты люди ощущали себя божественными: *«ахам брахмасми, я — брахман»*.

Это чувство — *«ахам брахмасми, я — бог»* — возникает в результате ощущения движения электричества, обычно дремлющего в теле, а теперь стимулированного глубоким, частым, интенсивным дыханием. Теперь любой опыт, приходящий через тело, становится подлинным.

Мы называем что-то реальным, потому что каким-либо образом чувствуем это телом. Я говорю, что вы реальны, потому что могу вас видеть, могу к вам прикоснуться. Если я не могу прикоснуться к вам, тогда вы — галлюцинация; я не могу в вас поверить. Если я не могу дотронуться до вас, я не могу показать вас другим. Наша реальность — это то, что может быть подтверждено посредством тела.

Мы верим в любую технику, если с телом происходит что-то новое. А когда больше нет сомнений по поводу техники, можно двигаться дальше.

Вот почему на первой стадии я уделяю особое внимание дыханию. Если дыхание было правильным, то на второй стадии оно продолжится само по себе. При этом в теле будет происходить множество разных вещей; это может быть все, что угодно, но все это будет *случаться*., это не будет результатом дисциплины. И *случится* многое!

Как нужно сидеть во время Динамической медитации?

Сидеть можно в любой позе, но лучше, если вы будете стоять. Глаза должны быть закрыты, выполнять технику следует на пустой желудок.

На второй стадии расслабьте тело. Дайте ему свободу, не подавляйте его. Продолжайте дышать и позвольте телу двигаться, вибрировать, танцевать, плакать, смеяться. Позвольте случиться всему, что захочет случиться: следуйте за телом, и многое начнет происходить. Затем, на третьей стадии, все еще продолжая интенсивно дышать и позволяя телу делать все, что оно хочет, начните повторять суфийскую мантру: *«Ху! Ху! Ху!»* — без пауз между звуками. Это нужно делать как можно более энергично, так, чтобы вы осознавали, что нисколько не сдерживаете энергию. Будьте тотально вовлечены. Постепенно повторение звука будет становиться все более и более энергичным, более и более интенсивным.

На первой стадии все внимание должно быть сконцентрировано на дыхании. И когда вы глубоко дышите, вторая стадия наступает как результат первой: тело начинает двигаться. Вам нельзя расслабляться ни на мгновение, непрерывно вкладывайте усилия в то, что делаете. А на второй стадии расслабьтесь, дайте телу свободу, позвольте ему выразить все, что было сдержано в прошлом. Тело начнет двигаться, танцевать или делать что-то еще, и вскоре вы почувствуете, что вы — нечто, отдельное от тела. Вы так ясно будете видеть тело плачущим, смеющимся, кричащим, что не сможете отождествлять себя с тем, кто все это делает. Вы будете видеть себя прыгающим, танцующим: что-то происходит механически. Вы начнете видеть тело как отдельное существо. Раньше вы всегда были отождествлены с телом.

Почему обычно мы не способны чувствовать себя неотожествленными с телом?

Вы полностью отождествляетесь с телом, потому что обычно между вами и вашим телом нет никакой дистанции. То, что вы делаете, делает и тело, и наоборот. Вы и действия вашего тела

воспринимаются как одно и то же. Но когда тело получает свободу действия, оно становится отдельным механизмом. Начинает происходить то, что вы никогда не планировали, чего вы даже допустить не могли. «Неужели это делаю я? Неужели я это чувствую?» И вы знаете, что это делаете не вы. Вы не хотите этого, но танец все равно продолжается — и к тому же энергично.

Вот что такое дистанция. Делающий и действия разделены, теперь не вы совершаете действия. Теперь тело — отдельный механизм.

Сознание не может отождествиться с автономным механизмом. Вы не можете отождествлять себя с машиной, если машина не работает согласно вашей воле. Если я прикажу этому микрофону двигаться, и он начнет двигаться, то отождествиться с ним я смогу вполне. Теперь он стал неотъемлемой частью меня: он движется, когда я велю ему двигаться. Рука движется, когда я приказываю ей двигаться, а когда я приказываю ей не двигаться, она не движется. Это основа отождествления: через движение двигающий и движимое становятся одним.

Но когда тело движется без вашего сознательного усилия, оно превращается в отдельный механизм. И так вы понимаете, что отделены от тела. И это такое отчетливое чувство, что никаких сомнений не остается.

Поэтому я придаю особое значение движению тела. Позвольте телу двигаться. Что бы ни случилось, пусть это случается. Вы увидите, что ваше тело ведет себя как сумасшедшее, или как животное, или как машина, и не сможете с ним отождествиться, — теперь вы остаетесь в стороне. Теперь вы — свидетель.

На второй стадии наблюдайте все, что происходит. Тело двигается, руки поднимаются, образуя всевозможные *мудры* — мудры, которых вы никогда раньше не знали или не собирались делать. Внутри вас просыпается свидетель. Вы начинаете видеть происходящее как что-то вне вас; теперь вы не делающий, а просто наблюдающий. Теперь нет и речи, что вы что-то делаете; вы только наблюдатель.

В начале вы, может быть, еще отождествлены с телом, но по мере того, как вы позволяете себе отдаваться технике все больше и больше, действие исчезает. С какого-то момента, если тело упадет на землю, вы не будете думать, что вы упали, вы будете думать, что упало тело.

На третьей стадии вы должны кричать «Ху! Ху! Ху!» с максимальной интенсивностью. Вы должны стать совсем безумными. Погружайтесь в звук глубже и глубже. Доведите свои усилия до пика, потому что только с высшей точки вы сможете упасть в глубины своего существа. Чем более безумными вы станете, чем более высокого пика интенсивности вы достигнете, тем глубже внутри себя вы окажетесь, тем большее здравомыслие в себе откроете.

Подлинное здравомыслие приходит после трансценденции безумия. Расслабление наступает только тогда, когда достигнуто предельное напряжение. После наивысшего напряжения идет четвертая стадия. Ум становится тихим, спокойным.

Теперь, пройдя через три предыдущие десятиминутные стадии, вы должны просто расслабиться на пятнадцать минут. Прекратите делать все, что вы делали на первых трех стадиях, и просто упадите или остановитесь, будьте неподвижными в той позе, в которой вас застала четвертая стадия. Ничего не нужно делать. Теперь не может быть речи о том, чтобы что-то делать, потому что вы полностью истощены, все ваше существо утомлено. Теперь энергия течет автоматически.

Эта техника — последовательность стадий, каждая из которых логично вытекает из предыдущей. Если вы будете делать технику без четвертой стадии, она наступит сама как естественное следствие того, что произошло до нее. Это неизбежно — неизбежно наступает момент, когда все исчерпано, и вы падаете. Вам больше ничего не остается.

Четвертая стадия — это момент не-делания. Это то, что я называю *дхианой*, медитацией. Первые три стадии — это только ступени, четвертая стадия — дверь. Сначала есть вы. Потом

больше нет ни действий, ни дыхания, ни движения, ни звука — только тишина.

Предыдущие три стадии должны быть в некотором смысле «сделаны», но четвертая стадия наступает сама по себе. На четвертой стадии происходит то, что не является вашим действием, а приходит как милость: вы стали вакуумом, пустотой, и нечто вас заполняет. Нечто духовное вливается в вас, когда вас нет.

Вас нет, потому что нет действий; когда нет делающего, эго исчезает. Делающий — это эго. Так что на первых трех ступенях *вы* можете быть, потому что вы что-то делаете: дышите, двигаетесь, кричите, — но теперь, на четвертой стадии, вас быть не может, потому что нет действий.

Эго — это не что иное, как копилка воспоминаний о ваших прошлых действиях, поэтому чем больше человек сделал, тем более он эгоцентричен. Даже если ваше действие является благом для общества или религиозного служения, все, что вы делаете, становится частью эго. В действительности, эго не существует, существует лишь память о ваших действиях, поэтому в те моменты, когда нет действий, нет и вас. И в эти моменты что-то происходит. Вы ничего не делаете, но вы полностью осознаны. Безмолвны, но осознаны. Истощены, но осознаны. Есть только осознание: осознание глубокого позволения, осознание того, что теперь все исчезло.

Когда четвертая стадия завершена, когда она стала частью прошлого, вы можете о ней вспоминать. Но в самый момент четвертой стадии нет ничего, есть только сознание. Позже вы понимаете, что это была пауза.

Ваш ум работал до определенного момента; потом была пауза, и потом ум опять заработал. Вы осознаете эту паузу позже, тогда лишь, когда она становится частью вашей памяти.

Наша память записывает события, а эта пауза — великое событие, великий феномен. Ум — это механизм. Он записывает все; он подобен магнитофону, который мы здесь используем. Магнитофон записывает две вещи: когда мы говорим, записываются слова; когда мы не говорим, записывается тишина, пауза. Даже когда мы не говорим, что-то все равно записывается — тишина, пауза. Точно так же механизм ума постоянно все записывает. На самом деле он даже более чувствителен, более восприимчив в отношении пауз. Магнитофон может нечетко записать то, что я говорю, но он не может сделать нечетким мое молчание. Пауза будет записана более отчетливо; в ней не может быть ошибки.

Так что пауза запоминается — и она благословенна. В некотором смысле событие, которое откладывается в памяти, — это груз, напряжение, в то время как пауза — это интервал покоя, блаженства. Эта пауза и есть *дхиана*, медитация.

Возможно ли, что на четвертой стадии люди получают разный духовный опыт?

Опыт как таковой принадлежит личности. А такого понятия как «духовный опыт» вообще не существует. Это просто пауза в жизни вашего эго. Переживающего опыт нет, поэтому сам опыт невозможно как бы то ни было классифицировать. Вы переживаете момент, существующий вне опыта. Если вам нужны определения, то я могу сказать лишь то, что это — пауза.

Любые слова оказываются бессмысленными. Язык предназначен для описания событий, он не предназначен для выражения тишины. Если я буду пытаться с помощью языка выразить то, что происходит в момент медитации, термины, которые я использую, будут зависеть от меня — и все термины будут одинаково бессмысленными, потому что тишину невозможно передать словами. Вы можете назвать ее брахманом, вы можете назвать ее нирваной, или как вам нравится, но это будет просто выбор между разными названиями.

Эти названия так же бессмысленны, как и любые другие, поэтому любой вид религиозного языка: христианский, индуистский или буддийский — оказывается одинаково бесполезным. Единственное сходство, основная общность всех религий состоит в том, что их языки в равной степени вводят вас в заблуждение. Это неизбежно. Это не осуждение, это факт — потому что

паузу нельзя выразить, ее можно только почувствовать. А у чувств нет языка; у них нет слов.

Если на четвертой стадии эго исчезает, тогда что происходит после завершения четвертой стадии и возвращения из медитации?

Эго возвращается, потому что поддерживающий его механизм все еще существует. Он не умер, все прошлое по-прежнему с вами. Какое-то время вы не были его частью, на несколько минут вы вышли за пределы ума, эго. Вы были вне вашего опыта. Вы покинули дом; теперь вы вернулись. Но вы не можете вернуться тем же человеком, который его покинул, потому что вы узнали что-то за его пределами. Вы не можете снова стать прежним, но все же вы возвращаетесь.

Со временем выходить и входить становится легче, и возникает вероятность, что начнется новая стадия, когда вы ни снаружи, ни внутри: вы за пределами и того, и другого. Это высшая точка, потому что вы можете выйти, когда хотите быть снаружи, и можете войти, когда хотите быть внутри. Вы ни внутри, ни снаружи; вы за пределами и того, и другого. Это — *самадхи*.

Когда я могу приходить или уходить по собственному выбору, когда я могу быть внутри и снаружи, когда мне становится все легче и легче по своему усмотрению приглашать ум или останавливать его, тогда и внутреннее и внешнее могут быть превзойдены. Только тогда достигается глубочайшее ядро. Это и есть *самадхи*. То, что происходит на четвертой стадии, — лишь проблеск. В дзэн-буддизме этот проблеск называется *сатори*. *Сатори* — это не *самадхи*, *сатори* — это всего лишь проблеск, потому что вы еще можете вернуться. Но из *самадхи* вы не можете вернуться: это точка, из которой нет возврата.

Что происходит с теми, кто достигает самадхи?

Если вы говорите «кто-то достигает», это означает, что кто-то есть. Но только когда этого кого-то нет, когда он отсутствует, он действительно достигает. Кто-то входит в медитацию, кто-то выходит из медитации — это переживания отдельной души. Но никто не достигает *самадхи*, потому что когда *самадхи* достигнуто, никого нет.

Многие религии остановились на точке, к которой приводит четвертая стадия Динамической медитации. Эти религии говорят, что есть лишь душа, *атман*, потому что все, что они узнали, — это приход и уход души. Но четвертая стадия — это только проблеск. Вы выходите — оставляете тело, ум, эго — и снова возвращаетесь. Это не та точка, из которой нет возврата; у вас есть все шансы вернуться.

Вы возвращаетесь, потому что механизм эго все еще поджидает вас. Вы возвращаетесь, и он начинает работать.

И тогда все, что остается, — это воспоминание о паузе. Но пауза зовет вас снова и снова.

Некоторые религии, например дзэн, ошибочно приняли *сатори*, этот проблеск, за предельный опыт, *самадхи*. Но это не *самадхи*, потому что все еще существует возможность возвращения к прошлому. Эго не умерло, вы только временно выпрыгнули из него. На мгновение вы были свободны от его хватки, но потом снова вернулись. *Сатори* — это просто прыжок. Не привязывайтесь к нему.

К прыжку наружу очень легко привязаться, потому что в нем столько блаженства. Каждый раз, когда вы переживаете этот опыт, он дает вам некоторую свежесть, он создает в вас волнение. И вы начинаете повторять опыт вхождения в медитацию, переживания блаженства и возвращения назад. Вскоре это входит в привычку, и, возвращаясь, вы думаете, что достигли предельно возможного опыта, потому что ваш опыт был таким блаженным. Но вы еще не познали чего-то за пределами блаженства, так что опыт каждой медитации становится частью все той же самой повторяющейся, механической, привычной рутины. Теперь даже пауза, даже медитация становится частью механического действия.

Некоторые религии остановились на этой точке; они говорят, что есть душа,

индивидуальная душа; они не могут постичь брахмана. Брахман появляется только после того, как вы превзошли четвертую стадию, — когда вы можете выйти за пределы ума и вернуться обратно и не привязываетесь к блаженству паузы. И когда вы начинаете свидетельствовать этот выход и возвращение, медитативное состояние ума и немедитативное состояние ума, вы достигли самого тонкого момента. Тогда вы знаете, что момент медитации — тоже привычка, которую вы можете поддерживать многие жизни. Это не *самадхи*, не предельная осознанность, это — *сатори*.

Когда вы начинаете наблюдать это, на вас нисходит безмолвная осознанность. Безмолвная осознанность, невыбирающая осознанность возможна только в этой точке, не раньше.

Осознанность возможна только после сатори?

Да. Только после *сатори*, не раньше. Когда вы безмолвно осознаете уход и возвращение эго, может случиться окончательный взрыв. Вы выходите за пределы внутреннего и внешнего; вы растворяетесь во взрыве.

Это точка нирваны, *брахма-упалабдхи*, *мокши*, или называйте ее, как хотите. Она не была записана в уме; она не может быть записана в уме, потому что в ней сам механизм ума растворился.

Продолжает ли человек жить после этого в теле?

Конечно, потому что работа тела — это другой процесс. У тела свой собственный процесс; вы можете быть в нем, а можете и выйти из него. Окружающим кажется, что вы все еще живете в теле, в доме, но для вас этого дома больше нет. Вся вселенная стала телом.

Продолжает ли существовать индивидуальное тело?

Нет. Так только кажется другим. Если я попытаюсь говорить об этом, выразить это словами, возникнет проблема. Когда мы обсуждаем то, что происходит, когда человек выходит за пределы медитации, возникает парадокс. Это невозможно объяснить, потому что любое объяснение будет создавать новые парадоксы, новые противоречия.

Пятая стадия — это взрыв всего, что было. На пятой стадии ничего не остается. Это взрыв всего, чем вы были: вашей памяти, вашего интеллекта, вашего эго, вашей личности, вашего существа, вашей души. Того, чем вы были, теперь нет; вы выходите за пределы всего себя. Вас нет; вы становитесь существованием. Это точка брахмана, космического сознания.

Динамическая медитация может довести вас только до четвертой стадии, до *сатори*. Пятая стадия лежит за пределами любого метода. Руководство возможно только до четвертой стадии. Вот почему Кришнамурти говорит о не-руководстве. Пятая стадия находится за пределами руководства. Никакое руководство не может привести к безмолвной осознанности. Она либо случается, либо нет.

Пятая стадия — это само существование.

Каждый день Будде задавали один и тот же вопрос:

«Что происходит с просветленным человеком? Куда он отправляется? Существует он или нет?»

Когда Будду спрашивали об этом изо дня в день, он отвечал:

«Это не имеет отношения к делу. Не спрашивайте. Это вопрос, который не следует задавать».

Он перечислил одиннадцать вопросов, которые ему нельзя было задавать, и этот вопрос был одним из них. Дело было не в том, что Будда не знал ответа; он не отвечал, потому что любое объяснение неизбежно создало бы новые проблемы.

Какова цель жизни? Почему нам следует практиковать йогу или какую-либо медитационную технику или дисциплину? Какой должна быть миссия человека в жизни?

Жизнь — это тайна, которую невозможно объяснить. Если бы ее можно было объяснить, она не была бы тайной. У жизни нет никакой миссии, потому что у тайны не может быть миссии;

существует просто игривость, *лила*.

Вся вселенная — просто игра энергии. Игра означает нечто бесцельное, или нечто, что является целью само по себе. Достигать нечего; само действие является достижением. У жизни нет никакой миссии, потому что жизнь сама по себе является достижением. Так что вы можете жить многими разными способами, вы можете делать всевозможные вещи.

Жизнь — это просто выражение энергии, бесцельная космическая игра. Именно это создает тайну.

Запад больше стремится к открытию нового, чем Восток. Запад более любопытен, более пытлив, но ему не дано развить религиозное сознание, потому что он не может воспринимать жизнь как не имеющую цели. На Востоке мы смогли увидеть смысл в бессмыслице, смогли понять отсутствие цели как цель саму по себе, как нечто имеющее собственную внутреннюю ценность. Жизнь есть, и это все. Существование есть; этого достаточно. Зачем просить большего? Как может быть что-то большее, чем существование?

Когда вы достигаете *сатори*, ощущение бесцельности жизни начинает пробуждаться в вас: жизнь становится игрой. Вот почему дзэнские монахи веселы, а не серьезны. Если человек серьезен, значит, он никогда не переживал чудесного, таинственного, и поэтому серьезный человек не может быть религиозным. С приходом *сатори* вы становитесь игривым. Жизнь оказывается просто шуткой; в ней нет никакой серьезности. Вы можете смеяться над ней. Дзэнский монах может смеяться даже над Буддой. И это прекрасно, действительно прекрасно — не случилось ничего, подобного этому.

Люди боятся входить в сатори, потому что знают, что это будет нарушать систему общества.

Это действительно нарушает систему общества, потому что общество создано людьми, страдающими от болезни, которая называется серьезностью. Все общество охвачено этой болезнью. Она овладела всей жизнью: все вогнано в систему, распределено по категориям, разграничено.

Игру нельзя ограничить. Когда я люблю кого-то, это игра. Но когда любовь сковывают узами брака, игры больше нет; это стало серьезным делом. Любовь всегда игрива, именно поэтому она всегда мимолетна: она приходит и уходит. Но брак — это нечто статичное; его заключают, и он никогда не уходит. Это план, ограничительная линия, фиксированная система.

Ты хочешь сказать, что брак не может быть духовным?

Не может. Брак не может быть духовным, потому что это нечто фиксированное. Но я привел брак просто в качестве примера. На самом деле само общество не может быть духовным, потому что оно основано на правилах. Правила всегда серьезны; они не позволяют быть игривым.

Бодхидхарма пришел в Китай, надев один ботинок на голову, а другой — на ногу. Император спросил:

— Что ты делаешь? Что это за глупость?

Бодхидхарма ответил:

— Я развлекаюсь.

— Мы никогда не думали, что саду может смеяться, шутить, — удивился император.

— А разве саду может быть серьезным? — возразил Бодхидхарма. — Бог несерьезен, он так игрив!

Творчество возникает из игривости; вот почему так много творчества рождается в *сатори*.

Приносит ли сатори внутреннее знание?

Желание внутреннего знания, желание какого бы то ни было опыта является неотъемлемой частью болезни серьезности. Серьезный ум пытается разделить на категории даже религиозный опыт; серьезный ум хочет стать авторитетом: «У меня есть внутреннее знание. Я знаю, а ты не знаешь. Я научу тебя». Ум пытается воссоздать модель серьезного общества. Вы это понимаете?

Религиозные общества были созданы для поддержания собственного авторитета. Секты, ашрамы, монастыри и прочее — это альтернативные общества.

Духовный человек всегда игрив. Его жизнь — просто игра, он никогда не относится серьезно к тому, что делает.

Из серьезности не рождается ничего нового. Серьезность может лишь повторять старое, потому что она мыслит языком безопасности, языком правил, а правила происходят из старого, из традиции — их нельзя придумывать каждый день. Игривый ум спонтанен. У него нет правил, поэтому он всегда в опасности; он всегда рискует потерять все, потому что безопасности *не существует*.

Как только человек получает опыт *сатори*, любая серьезность становится вздором. Игривость — единственный признак того, что медитация случилась, и именно поэтому человек, переживший *сатори*, становится бунтарем. Другой причины нет. Он становится бунтарем, потому что ему приходится восставать против всех видов серьезности.

Но если люди становятся бунтарями, как общество может их контролировать?

Именно идея контроля привела мир в беспорядок. Когда вы мыслите в терминах контроля, вы начинаете подавлять, вы начинаете разрушать индивидуальности и создавать типы. И, как это ни парадоксально, когда вы разрушаете индивидуальности и создаете модели и типы, возникает огромный беспорядок. Но причина этого беспорядка не в бунтарских умах, это просто реакция на мертвый порядок.

Если бунтарский ум победит хотя бы на один день, беспорядка не будет, потому что не будет порядка; порядок и беспорядок — две стороны одной медали. Человек, который пытается создать порядок, создает беспорядок: внутренняя установка, ум, который пытается установить дисциплину, создает также недисциплинированность.

Ваше эго противодействует человеку, который пытается дисциплинировать вас, но это противодействие, реакция, это не бунт. Бунт рождается после опыта *сатори*, так что бунтарей не так уж много — только Иисус, Будда, Сократ, очень немного. А реакционеров много. Например, коммунисты, такие люди как Маркс, Бакунин, Ленин или Мао — все реакционеры, не бунтари. Бунтарь — это феномен: только бунтующий человек действительно жив. И если бы весь мир стал бунтующим...

Любое изобретение, любое открытие всегда рождается в игре. Эйнштейн, Архимед, Ньютон и другие — все они играли. Когда вы несерьезны, не сосредоточены, когда ваш ум расслаблен в позволении, с вами начинают случаться разные вещи.

Ньютон сидел под яблоней. Упало яблоко — и что-то произошло. Архимед лежал в ванной — и что-то случилось. Он выскочил из ванной, крича: «Эврика! Эврика! Нашел! Нашел!» Эйнштейн очень любил играть с мыльными пузырями. Теория расширения вселенной пришла к нему, когда он играл с мыльными пузырями, наблюдая, как они расширяются и исчезают.

История человечества — это не история масс, конформистов, серьезных людей, законодателей, правителей и рабов. Массы не создали ни одного шедевра — ни изобретений, ни картин, ни стихов, ни музыки. Творческими были немногие развитые люди, которые не относились к жизни серьезно. Открытия делали неизвестные играющие с жизнью личности. Если бы они были серьезными, они предпочли бы заниматься бизнесом, открыть фабрику или что-нибудь еще.

Так что самое главное в жизни — игра. Тогда случаются феноменальные вещи. Духовность, наука, искусство — все возникает из несерьезного, игривого ума.

У жизни нет никакой цели, нет миссии. Самой жизни достаточно! Более чем достаточно. Любое представление о миссии должно исчезнуть, потому что оно антижизненно: вся пропаганда смысла жизни — это не что иное, как политика в одеянии религии, миссии, идеала. Руководство,

гуру, ученики — все это чепуха. Если вы практикуете Динамическую медитацию, если вы позволяете себе пройти через катарсис и даете своей энергии полную свободу, потребность в концепции жизненной миссии неизбежно исчезает.

Так что практикуйте Динамическую медитацию. Делайте это на пределе своих возможностей, достигните пика. Вы должны стать совершенно безумными; только тогда вы соединитесь с подлинным разумом, и только тогда вы сможете начать помогать другим.

Глава 3

Йога: спонтанное событие

Полезна ли для медитации практика традиционных асан?

Личность человека — это не тело и не ум, но и то и другое одновременно. Или даже правильнее будет сказать, что личность — это «телоум». Между телом и умом нет дистанции, так что все, что происходит на физическом уровне, вызывает вибрацию на ментальном уровне, и наоборот. Философы привыкли думать о человеке только как о теле или только как об уме, или что тело и ум параллельны, но разделены, но не как о едином целом. Что касается меня и современной науки, тело и ум — одно.

Видимый ум — это тело, а невидимое тело — это ум. Это две полярности одного существования. Под умом подразумевается то, что выходит за пределы наших чувств и находится вне их контроля. Под телом подразумевается то, что нашим чувствам подвластно. Разделение между телом и умом обусловлено чувствами и их ограничениями.

Личность — это и тело, и ум одновременно. Даже сказать «одновременно» будет неточно. Они — одно и то же. Разница только в вибрациях. Тело — это грубые вибрации, которые можно воспринять с помощью чувств, а ум — это тонкие вибрации, которые превосходят возможности чувств.

Зачем я это говорю? В западной психологии существует знаменитая теория, известная как теория Джеймса-Ланга. Здравый смысл всегда говорил, что тело следует за умом: когда вы напуганы — тело убегает; когда вы разгневаны — тело готовится к драке. Но психологи Джеймс и Ланг предложили совершенно противоположную точку зрения: не страх вызывает бегство, а бегство вызывает страх.

По их мнению, тело действует первым; ум следует за ним. Их доводом служит то, что вы не можете испытывать страх или гнев, если в вас не создано соответствующее телесное состояние. Они утверждали, что доказать первичность ума можно, только если кто-то испытывает гнев без соответствующей реакции тела. Они заявляют, что в человеке невозможно обнаружить гнев, если у него не красные глаза и не сжаты кулаки.

Но Джеймс и Ланг неправы, хотя их теория и кажется очень правдоподобной. Телесные реакции действительно *существуют*, — и без участия тела никакие состояния ума не могут быть выражены, — но это не значит, что без телесных реакций ментальные состояния не могут существовать.

Вы можете выражать гнев с помощью тела и все же не испытывать его, — как актер. Актер может безупречно изобразить гнев: на уровне тела гнев есть. Но внутри актера гнева нет. Точно так же актер может внешне проявлять все признаки любви и все же ее не чувствовать. Тело может выражать все что угодно без участия ума.

В уме тоже может жить что-то невыражаемое телом. Грубое подвластно нашему контролю, а тонкое — нет. Всегда, когда мы наблюдаем гнев, мы наблюдаем его через тело, не только гнев другого человека, но и свой собственный. Но гнев может существовать и в форме семени, он присутствует в нас как потенциал, но мы даже сами не можем обнаружить его в себе до тех пор, пока он не проявится на грубом уровне тела.

Теория Джеймса-Ланга верна только на пятьдесят процентов — здравый смысл всегда прав на пятьдесят процентов, — но то, что открыли Джеймс и Ланг, йоге было известно веками. Именно поэтому были разработаны *асаны* и *мудры*. Йога давно пришла к пониманию того, что любому состоянию ума соответствует определенное положение тела, и когда что-то меняется в уме, тело тоже меняет форму и принимает соответствующие позы, мудры.

Йога также учила, что возможно противоположное: если тело примет определенную позу, в уме будет вызвано соответствующее состояние. Но это так же неверно, как и теория Джеймса-Ланга. Вы можете просто играть роль: человек может сидеть в той же позе, что и Будда, но это не значит, что в нем возникло внутреннее спокойствие Будды. С другой стороны, если кто-то обладает внутренним состоянием Будды, его тело само по себе примет позу Будды.

Вот почему я против практики всяких асан. Либо ваше тело само примет одну из них, либо не стоит их делать. Если вы будете их практиковать, нет никакой гарантии, что за этим последует соответствующее состояние ума. Но совершенно точно это станет жестом, притворством — для вас это не трудно. Вы можете сидеть как Будда или стоять как Махавира — без проблем, но это бессмысленно, так вы ничего не достигнете.

Откуда взялись эти асаны? Всякий раз, когда возникает состояние ума как у Будды, тело сопровождает его определенной позой. Должно сопровождать, вынуждено сопровождать. Это было известно на протяжении веков — что определенным состояниям ума соответствуют определенные внешние жесты, — поэтому было высказано предположение, что если воспроизводить эти позы и жесты в теле, непременно последуют соответствующие изменения ума. Но это не обязательно так. Напротив, это очень опасное предположение, потому что вы можете продолжать притворяться, и не только другие будут обмануты, но и вы сами тоже будете обмануты. В этом настоящая опасность.

Если вы сядете в позу Будды, она вызовет в вас чувство спокойствия. Тогда вы придете к заключению, что достигли спокойствия, вы будете чувствовать покой, тишину. Но этот покой, эта тишина — просто обман. Не они пришли к вам, вы их себе навязали; это не ваша внутренняя правда, а внешнее давление. Это может быть очень приятно, но это вызванный, обусловленный покой, который был создан и спроецирован телом.

Вы делали это в течение многих жизней и продолжаете делать по сей день. Вы просто улыбаетесь, не чувствуя радости; это только гримаса. Но когда вы улыбаетесь, приходит чувство. Оно ложное, но вы сами им обмануты. Не чувствуя любви, вы можете демонстрировать любовь, и другие тоже будут обмануты. И вполне возможно, в конце концов вы забудете, что это была просто гримаса, и сами будете думать, что любите. Тогда подлинная любовь — революция, смерть, полная трансформация — окажется невозможной из-за вашей гримасы, вашей подделки.

Так что я совершенно против асан и мудр — их нельзя практиковать. Если они приходят, хорошо. Они *придут*, но позвольте им прийти самим, тогда они будут важными знаками. Тогда они будут не обманом, а скорее ориентиром, символом, показывающим что-то вам и другим.

Но позвольте им прийти изнутри, не навязывайте их извне. Если вы их себе навяжете, вряд ли они будут именно тем, что необходимо и требуется в вашей конкретной индивидуальной ситуации, потому что они — лишь обобщенные формы. Если вы достигните состояния Будды, последует определенная асана, определенный жест. Но это будет не точно такая же асана, как у Гаутамы Будды, что-то будет существенно отличаться. В общем, она будет похожа, но вы не Гаутама Будда, — ваша индивидуальность, механизм вашего ума и тела другой, — поэтому поза будет не той же самой. Если вы навяжете себе позу Будды, она не будет соответствовать вашему индивидуальному состоянию. Существует так много разных асан, все они не приходят к каждому.

Махавира достиг *самадхи*, сидя в совершенно иной позе — *годухасан*, в такой позе доярка доит корову. Никто другой не достиг *самадхи* в этой позе — никто так не сидит! Но так можно

сидеть целую вечность! Когда речь идет о *самадхи*, не бывает ничего неразумного и нелогичного.

Почему Махавира так сидел? Поза Будды не вызывает недоумения, но поза Махавиры совершенно нелепа. Он не практиковал ее, она просто пришла. Что-то произошло внутри него, и его тело приняло определенную позу, хотя и очень нелепую. Если бы он практиковал асаны, он сидел бы точно как Будда, потому что это традиционная поза для медитации. Но он позволил своей энергии самой найти дорогу, и *самадхи* пришло и создало позу, которая была необходима именно для его тела и его индивидуальности.

Каждому нужно будет выразить себя индивидуально. Ни один человек не похож на другого — и не может быть похож. Каждый человек уникален, поэтому все, что хочет в вас расцвести, расцветет индивидуальным и уникальным образом. Если вы навязаете себе что-то снаружи, это будет обобщенной концепцией и не сможет соответствовать и гармонизировать с вашей ситуацией.

Поэтому, когда я говорю, что я против асан, это означает не то, что они бессмысленны или абсурдны; я имею в виду только то, что их абсурдно практиковать. Позвольте им прийти, они придут, и когда они придут сами по себе, в них будет особый, индивидуальный смысл. Это будет работа вашего тела, и с их помощью ваше тело состроится с новой ситуацией.

Вы не можете спать, стоя на голове. Вы не можете, потому что для сна телу нужно принять определенную позу. Если вы ляжете, это не значит, что сон обязательно придет, но когда сон придет, вы будете лежать. Именно об этом я и говорю. Вы не должны начинать снаружи; начало находится внутри. Цветение будет снаружи, но корни находятся внутри вашего существа. Вы должны начать с медитации и позволить всему остальному последовать за ней. Когда потребуется определенная асана, она придет. А когда она будет уже не нужна, она уйдет сама по себе.

Иногда на второй стадии Динамической медитации я начинаю делать асаны. Я не могу сказать, делаю ли я их, потому что хочу их практиковать, или они приходят сами по себе. Как это различить?

Не думай о различии; просто позволь асанам приходить. Когда они приходят сами по себе в медитации, пусть приходят, и тогда они уйдут сами по себе. Но если они приходят, потому что ты их практикуешь, они никогда не уйдут.

Когда потребность будет удовлетворена, когда потребность исчезнет, они прекратятся сами собой. Так что не думай об этом. Невозможно узнать заранее, приходят они по привычке или нет. Если они подлинные, то, выполнив свою работу, они уйдут. Пока ты делаешь асаны, ты не узнаешь, подлинные они или нет, ты не сможешь определить разницу, но вскоре разница проявится.

Если ты практикуешь определенную асану, это существенно отличается от того, когда она приходит к тебе спонтанно. Различие тонкое, но всегда есть. Когда ты делаешь асану, это всегда дисциплинарное действие, следующее определенному шаблону, форме, порядку. Когда асана приходит сама по себе, в ней нет дисциплины, нет порядка, это всегда хаотическое действие. И только хаотичное действие полезно.

Дисциплинарное действие бесполезно, потому что является функцией сознательного ума; оно никогда глубоко не проникнет. Только хаотичное действие может быть глубоким и достичь бессознательного, потому что бессознательный ум — это хаос, великий хаос.

Бессознательное очень похоже на начало мира. Бессознательное — это лишь потенциал без определенного облика, без очертаний; все неясно, туманно, неопределенно. Попытки навязать этому какую-то определенную структуру бесполезны. Вы будете вращаться в сознательном уме, потому что только сознательное можно подвергнуть дисциплине, а бессознательное принудить к дисциплине нельзя никак. Но бессознательное — это корень, бессознательное — это источник.

Медитация означает вхождение в бессознательное: погружение в него, пребывание в нем. Она означает отсутствие структуры среди хаоса. Отсутствие формы внутри бесформенного. Вам придется отпустить себя на свободу, парить в облаках без каких-либо ограничений; позволить себе выйти на неизведанную территорию, в неведомое море. Не идите в медитацию с дисциплинированным умом, иначе она никогда с вами не случится.

Вы ходите по кругу в сознательном уме: вы многократно повторяете одно и то же, и это входит в привычку; вы стали заодно с сознательным умом. Дисциплинированный ум — всегда ограниченный ум, потому что в нем нет места для хаоса. Он никогда не был за пределами сознательного, он никогда не превосходил сознательное; бесконечность его не интересует.

Человек с дисциплинированным умом может быть великим человеком, подобно Ганди, но у него маленький ум, потому что его интересуют только сознательный ум и дисциплина. Ему неведомо недисциплинированное, он никогда его не коснется.

Сознательный ум подобен саду, растущему рядом с вашим домом, он никогда не станет лесом. А бессознательное похоже на густой лес, которому нет конца и края. Вы никогда не узнаете, где границы бессознательного, поэтому не исключена возможность заблудиться. Остаться в сознательном уме — безопасно; нет никакого риска. Идти в бессознательное рискованно. Для этого нужна храбрость.

Так что не дисциплинируйте тело и не дисциплинируйте ум. Живите с недисциплинированным, живите с хаотичным, живите с опасностью. Именно это означает для меня медитация: жить в небезопасности, жить в хаосе, жить в безграничном.

Но это не значит, что дисциплина к вам не придет. Она придет, но она придет как свобода. Это будет живая дисциплина изнутри — всегда соприкасающаяся с безграничным, всегда потенциально хаотичная, всегда взрывная, всегда неожиданная — дисциплина от момента к моменту. Снаружи она будет казаться очень непоследовательной, но она будет обладать собственной структурой, она будет пронизана внутренней логикой.

Если вы будете дисциплинировать себя снаружи, скорее всего, вы никогда не узнаете бессознательное. А сознательный ум — это еще не ум, это — не жизнь. Это просто инструмент, развитый для нужд общества; это не вы. Но поскольку мы должны жить с другими людьми, в нас должно быть что-то предсказуемое, на что можно было бы положиться: дисциплина, определенный характер. Сознательный ум делает возможными отношения между вами и другими людьми. Это просто связь между вами и теми, с кем вы общаетесь, но она не помогает вам в общении с самим собой, в познании самого себя.

Я помню такую историю.

Царь Ашока отправил своего сына на Цейлон, чтобы передать послание Будды. Тот встретил цейлонского царя и задал ему вопрос:

— В мире есть люди, с которыми ты связан отношениями, и люди, с которыми ты не связан отношениями. Это две категории. Остался ли кто-нибудь еще, кто не относится ни к одной из этих двух категорий?

Король ответил:

— Да, это я.

Сын Ашоки сказал:

— Теперь тебе можно передать послание. Ты разумный человек, поэтому тебе можно кое-что сказать. Я задал свой вопрос, чтобы выяснить, знаешь ли ты, что существует нечто, кроме связанного и несвязанного отношениями, и не думаешь ли ты, что все принадлежит к одной из этих двух категорий?

То третье, про которое нельзя сказать, что оно связано с вами отношениями, и нельзя сказать, что оно не связано с вами отношениями, — это ваша бессознательная часть; это область

медитации. Сознательный ум полезен только в том, что касается ваших отношений или отсутствия отношений с миром, но он не может быть полезен в том, что касается *вас* самих.

Медитация — это не специальное действие; это свободный от усилий прыжок в себя. Используя дисциплину, вы можете идти шаг за шагом, но невозможно дисциплинировать прыжок. Первые три ступени Динамической медитации в действительности не ступени медитации, это шаги, которые ведут вас к месту, откуда вы можете попасть в медитацию.

Настоящая медитация — это прыжок, прыжок в неизвестное. Так что не дисциплинируйте тело; позвольте ему двигаться, как оно хочет. Позвольте себе идти в неизвестное. Что-то будет происходить, будут и асаны, но только те, которые требуются вам. К вам могут прийти асаны, которые обычно не изображаются, которые до сих пор не были описаны, потому что возможности тела бесконечны, а описания асан, которые существуют, — это просто описания наиболее часто возникающих поз. Мудр тоже бесчисленное множество. Они тоже последуют.

Пусть асаны приходят и уходят; не практикуйте их и не цепляйтесь за них. Пусть они придут сами собой, и пусть они уйдут сами по себе; не заботьтесь об этом. Именно это я имею в виду, когда говорю, что я против всяких асан — вам совершенно не следует о них беспокоиться.

И еще одно: асаны имеют катарсическое значение. Обычно ум приходит в движение в связи с каким-то человеком или ситуацией. Это значит, что ум только реагирует на что-то, но никогда не действует. А если человек начинает действовать без конкретного стимула, мы помещаем его в сумасшедший дом, потому что его действия кажутся бессмысленными, абсурдными. На самом деле, если человек начинает *действовать*, это означает, что он не реагирует на какую-то ситуацию, а действует изнутри.

В нас так много подавлено, потому что мы не можем просто действовать, нам всегда нужно ждать ситуаций и реагировать именно на них. Если вы злитесь, вы не можете просто злиться, вам нужно дождаться подходящего момента: кто-то должен создать ситуацию, в которой можно выражать гнев. Если вы начнете злиться без провокации, вас назовут сумасшедшим. Даже когда вы реагируете, вы выглядите сумасшедшим, но если вы реагируете на происходящее, то у вас есть оправдание для себя и для других. Когда же ваше действие не является реакцией на какую-то ситуацию, тогда кажется, что ему нет никакого оправдания; вы просто выглядите сумасшедшим.

Очень многое внутри вас требует выражения и никогда не выражается, потому что подходящий момент так и не приходит. Вы продолжаете подавлять то, что живет внутри вас, боретесь с этим. Вы не можете выражать любовь в пустоту, поэтому, не найдя «оправдания» своей любви, вы ее подавляете. Это странное явление. Вы полны любви, но не можете выразить ее в пространство. Тогда вы кого-то находите — по отношению к другому вы можете быть любящим, — но на самом деле вы любите не его... и начинаете представление. Настоящее подавлено, а ненастоящее разыгрывается. Таким образом жизнь становится запутанной.

Вам необходим катарсис по двум причинам. Во-первых, подавленные вибрации, позы, настроения, действия и мудры должны быть высвобождены — не как реакции, а как автономные действия; не в связи с кем-то или чем-то, а просто как выход энергии. В Динамической медитации они могут быть высвобождены, не адресованные ни к кому...

Вы начинаете плакать, вы начинаете смеяться. Только когда это не адресовано ни к кому, выражение может быть полным. Вам больше не нужны оправдания: движение вашей энергии оправданно само по себе. Что бы вы ни выражали, вы можете выразить это полностью, ничего не подавляя. Сейчас вы говорите с небесами, любите пустое пространство, злитесь в существование. Безотносительно, не адресуя это ни к кому. Тогда вы становитесь тотально экспрессивным, и подавленный ум исчезает. Это катарсис. Вам нужно научиться выражать накопленное внутри, не дожидаясь «подходящего момента». Человеческий ум подавлен

настолько, что если вы будете жить только тогда, когда для этого есть подходящая ситуация, вы никогда не избавитесь от подавления.

Во-вторых, если вы позволите катарсису случиться, то перестанете играть, притворяться. Лицемерие — это неотъемлемая часть подавления. Обстоятельства вашей жизни и потребности вашего существа не совпадают. Когда есть потребность, обстоятельства неблагоприятные, а когда обстоятельства благоприятные, потребность давно прошла. Вы вынуждены быть неподлинными, вынуждены притворяться.

Когда с вами случится катарсис, вы почувствуете, что внутри вас поднимается новая жизнь. Вы уже никогда не сможете лгать. Теперь у вас будет достаточно смелости, чтобы смеяться без причины, и достаточно смелости, чтобы без причины злиться. Затем последует второй уровень смелости: вы будете достаточно храбры, чтобы *не* притворяться. Это один из главных признаков храбрости: не притворяться. Тогда ваша личность становится подлинной. И эта подлинность может прийти к вам только после катарсиса.

Настоящие асаны и мудры — это катарсис, выражение, выход. И чем больше вы выражаете, тем более невесомыми становитесь. Однажды наступает день, когда вы полностью невесомы; наступает момент, когда вы не связаны гравитацией. Невесомы! Только в этой невесомости возможен полет одинокого к одинокому.

Если вы будете практиковать асаны, катарсис не случится, будет только подавление. В этом основное различие: если практиковать асаны, они будут способствовать подавлению, но если они придут к вам спонтанно, то помогут выразить подавленное, случится катарсис.

Когда вы навязываете себе асаны, это является частью общей привычки подавления. Когда вы практикуете асаны, к которым ваш ум еще не готов, вы заставляете тело принять определенную позу, и тело следует вашей воле. Если подобное упражнение будет доведено до своего логического завершения, то создаст расщепление личности. Вы станете двумя: тем, кого подавляют, и тем, кто подавляет.

Для меня йога означает стать одним, а не двумя. Смысл йоги в интеграции, а не в расщеплении. Я называю асану *йогасаной*, только когда она возникает сама по себе. Навязанная асана не имеет никакого отношения к йоге. Логические упражнения — это гимнастика, а не йога. Именно поэтому я не использовал слово *йога*, а использовал слово *асана*.

Йогасана — это асана, которая пришла к вам, которая случилась с вами; в противном случае асана ничем не отличается от чего-то навязанного вам, от любой физической дисциплины. Она может быть полезной для здоровья, но никогда не будет духовной; она не поможет интеграции. Польза для здоровья, которую вы получите, обойдется вам очень дорого, потому что ваша личность будет расколота. В целом, природа опыта людей, практикующих асаны, со временем становится все менее и менее духовной и все более и более физической.

И это странное явление: казалось бы, асаны ориентированы на медитацию, — во всяком случае, должны быть на нее ориентированы. Тем не менее, где бы в мире ни заходила речь об асанах, — о *дхиане*, о медитации, говорится при этом меньше всего. Так, все оказалось перевернуто с ног на голову: медитации учат наряду с асанами, как будто медитация — это просто одна из асан. Но это совсем не асана. Медитация — это основа, это фундамент, это семя. Все должно быть ориентировано на медитацию, потому что медитация первична, а все остальное следует за ней.

Практикуя Динамическую медитацию, смогу ли я со временем достигать большей глубины?

Со временем вы начнете достигать большей глубины. Вы сможете идти глубже и глубже, подобно человеку, который копает колодец. Он продолжает работать теми же инструментами, с той же скоростью, тем же способом. Мало-помалу он извлекает все больше и больше земли, и колодец становится глубже, глубже и глубже — пока не наступит момент, когда хлынет вода.

Вечные воды там, в глубине — вам нужно только полностью удалить слои земли. Продолжайте копать тем же образом, тем же методом, теми же инструментами. Не беспокойтесь ни о каких изменениях, слои земли все одинаковы; просто тщательно удалите их. Там, глубоко внутри, воды ожидают вас, воды глубокого бессознательного. Между вами и вашим бессознательным умом находятся толстые залежи подавленных вибраций, подавленных мыслей. Для защиты от непредсказуемости и агрессии бессознательного вы сами создали внутри себя преграду, так что вы должны продолжать копать.

Какое-то время вы можете не чувствовать, что продвигаетесь, потому что продвижение становится очевидным, только когда обнаружена вода, только когда внутренние источники пробились. До тех пор вы будете копать сухую землю. И все же это не пустое занятие, потому что того, что вы выкопали и выбросили, уже нет. Но еще есть земля, которую нужно выкопать.

Это копание принадлежит только вам и вашей медитации, оно не имеет отношения к самому взрыву. Взрыв приходит как кульминация, он происходит в один момент. Взрыв происходит внутри вас, внутри вас взрывается все. Это событие вне времени.

Так что просто продолжайте копать. Это скучная и монотонная работа. Когда достижения возможны на каждом этапе, работа не бывает скучной — вы получаете результаты, и амбиции подгоняют вас, чтобы вы могли достичь еще большего. Но в медитации до определенной точки все скучно, все монотонно. Все кажется одинаковым, хотя это не так. Каждую секунду вы продвигаетесь глубже и глубже, но не можете понять, на какой вы глубине, пока глубина не взорвется внутри вас.

В тот момент, когда это произойдет, вы будете знать, что процесс завершен. До этого момента вы просто идете на ощупь, в темноте, надеясь вопреки всему, и вам кажется, что ничего не происходит. Внезапно — взрыв. Глубина не достигается шаг за шагом — если точно описывать медитацию. Она либо есть, либо ее нет.

Так что вам придется набраться терпения. И, естественно, каждому искателю требуется разное время. Неизвестно, сколько земли скрывает от вас вашу глубину. Слой земли может оказаться очень тонким, и первая же попытка вскроет его. А может оказаться, что слой толстый, и вы потратите многие жизни, извлекая его. Так что все зависит от каждого индивидуального случая.

Но важно одно: терпение. Терпение и работа без надежды на результат. Работа без надежды на результат означает терпение. Если вы стремитесь к результатам, если вы жаждете их, то цель потеряна. На самом деле, само ваше нетерпение потребует результата. Но если вы терпеливо продолжаете выполнять технику медитации, это само по себе вызовет изменение. Настойчивость без ожидания сама по себе приведет к значительной трансформации. Даже если с вами и не случится медитация, вы изменитесь, ибо в том, чтобы быть терпеливым и делать что-то, не ожидая результатов, уже заключен рост. Он требует большой выносливости, большого запаса прочности. И ваша выносливость постепенно будет увеличиваться.

Из-за того слоя подавлений, который заслоняет от вас вашу глубину, потребуется время, прежде чем будет создана возможность для взрыва. И если вы не достаточно терпеливы и тверды в своей решимости, вы не сможете перенести шок взрыва. Взрыв блаженства настолько интенсивен, что требует огромного внутреннего пространства, чтобы пережить его; он требует сильной внутренней воли.

Вам нужна очень сильная воля, так что, даже если слой подавлений тонкий, потребуется время, чтобы ваша воля окрепла. Человек, которому подвластна жизнь без результатов, становится способным к самым великим достижениям; по-другому готовность к кульминационному моменту не обрести. Если блаженство придет к вам, когда вы к нему еще не готовы, оно будет невыносимо. Вы сойдете с ума и навсегда потеряете равновесие. Это великий

феномен, космический феномен. Это море, вливающееся в каплю! Вы должны быть к этому готовы, и подготовка происходит, когда вы трудитесь терпеливо, непрестанно.

Не ожидайте никаких результатов; просто будьте терпеливы и открыты. В этом подлинное значение слова *шраддха*. Это вера не во что-то определенное, это вера в себя. Это вера не в кого-то другого, это вера в самого себя.

С течением времени вы сможете идти глубже. Не из-за того, что время прошло, а благодаря вашему терпению, — потому что вы упорно работали, несмотря на монотонность, не ожидая результатов. Ничего не получая, вы все же продолжали идти, вы все же двигались с неослабевающим усердием. Ваша воля развивается и делает вас способным выдержать взрыв, когда он произойдет. Чтобы вместить в себя космическое, требуется определенная зрелость, — так же, как определенная зрелость требуется для беременности. Взрыв — это духовное зачатие, в котором к вам приходит космическое: это ваше второе рождение.

В Индии говорят, что *брамины*, *кшатрии* и *вайшьи* — дважды рожденные, а *шудры* — единожды рожденные. Я говорю: тот, кто единожды рожден, — это шудра; человек, который не достиг второго рождения, возрождения, — шудра. Так что все мы шудры, неприкасаемые, потому что божественное нас еще не коснулось. Но если быть терпеливым и искренним, второе рождение произойдет. Ждите этого, молитесь об этом, надейтесь на это, но не спешите.

Необходимо ли пройти через стадии развития психических способностей, прежде чем случится взрыв?

Нет, проходить через них не обязательно. Но это не значит, что вы не будете через них проходить. Вы можете миновать их с такой скоростью, что даже не заметите их, или двигаться медленно, совершая возможные шаги в исследовании своего внутреннего пространства. Вам придется пройти через мир психических возможностей, потому что он лежит между вами и вашей самой сокровенной глубиной — между вами такими, какие вы есть, и вами такими, какими вы станете. Но вы можете проскочить его на такой реактивной скорости, что ничего о нем не узнаете, а можете ползти со скоростью воловьей повозки. Если вы хотите рассмотреть пейзаж, то лучше ехать на воловьей повозке.

Существуют методы «воловьей повозки» и «реактивные» методы. Метод, о котором я говорю, Динамическая медитация, это реактивный метод: вы пройдете через области психического, но ничего о них не узнаете, потому что будете двигаться с огромной скоростью.

Но если вы стремитесь исследовать и обрести психические силы, пусть даже неосознанно, тогда, даже пользуясь реактивным методом, вы будете вести себя так, как будто едете в воловьей повозке. Если у вас есть сильное желание развить психические силы, то, встретившись с ними, вы будете ими захвачены.

У каждого из нас есть внутренние устремления, которые мы даже не осознаем. Ум, по сути своей, стремится к власти: он может искать силу во внешнем мире или во внутреннем, но он всегда к ней стремится. Нужно быть бдительными, чтобы не искать силу. Область психических возможностей перед вами, и если вас интересуют силы, то в какой-то момент вы будете ими захвачены.

Внешний мир не даст вам столько силы, сколько внутренний — во внутреннем пространстве заключен огромный потенциал. Фактически, одно человеческое тело содержит так много атомной энергии, что если бы оно взорвалось и высвободило эту энергию, мир со всем его населением был бы уничтожен.

Физики говорят об атомной энергии, йоги говорят о психической энергии, но энергия одна и та же, только источники разные. Источник физической энергии — атомы материального, источник йогической энергии — атомы психического. Эти источники — два полюса одного и того же.

Источник йогической энергии находится во внутреннем мире, поэтому йоги говорят о психических силах. Они есть, но если вы к ним стремитесь, вы будете пойманы ими. И это очень печально, достойно сожаления, потому что, развивая психические возможности, вы оказываетесь очень близки к космическому, к абсолютному блаженству. Вы рядом с цветком, но вы закрыли его своими руками. Так что нужно быть бдительными.

Практикуя Динамическую медитацию, вы не должны обращать внимание на то, что приходит в движение в вашем психическом мире, потому что Динамика — реактивный метод: он настолько быстрый, что вы пройдете область психического, не заметив ее. Но все же, поскольку то, что мы когда-то читали и слышали, откладывается, накапливается и ждет своего часа, мы должны остерегаться психических сил. Они есть, но сами по себе они не так важны.

Ум, стремящийся к власти, не бывает спокойным, потому что ум, стремящийся к власти, по своей сути насильственный. Насилие нуждается во власти: мы хотим быть выше других, мы хотим престижа и превосходства. Всего этого можно достичь с помощью атомной энергии или энергии психической, став политическим лидером либо духовным наставником. Но насильственный ум не станет духовным. Самый низкий уровень развития личности сопровождается силой физической, самый высокий уровень — сила психическая. Но если вы стремитесь к истине, к блаженству, если вы стремитесь к божественному, тогда сила вам не нужна. Вам следует избегать силы, вы должны быть кроткими. Как сказал Иисус:

«Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю».

Но вы должны быть кроткими не для того, чтобы унаследовать землю. Если причина лишь в этом, если это ваше желание, тогда вы не можете быть кроткими. Кроткий человек — это смиренный человек, он не стремится к власти, его совершенно не привлекает это измерение. В этом смысле он беден: он никто. Только тот, кто является никем, может стать всем.

Не нужно искать власти, не нужно к ней стремиться. Когда она встает на вашем пути, просто наблюдайте ее и идите дальше. Не задерживайтесь ни на секунду, потому что даже остановка, даже одно мгновение рядом с ней окажется для вас губительным. Власть развращает. Власть развращает не потому, что она сама по себе плоха, а потому, что она увлекает. Говорят, что «абсолютная власть развращает абсолютно». Власть, основанная на внешних силах, не может развратить настолько, насколько может развратить внутренняя сила. В некотором смысле власть над внутренним гораздо более неограниченная, гораздо более независимая от других, так что она может оказаться великим оплотом для эго.

Власть, основанная на внешних силах, всегда зависит от других. Такая власть не абсолютна; вы не суверенны, вы зависимы. Кто-то очень далекий от вас легко может стать причиной вашего падения. Гитлер достиг огромной власти, полностью основанной на внешних силах. Такие люди, как он, выстраивают огромную пирамиду и стоят на ее вершине. Но они полностью зависят от этой пирамиды, поэтому всегда находятся в страхе. Стоит одному кирпичу выпасть из пирамиды... и они низвергнуты.

Власть, основанная на внутренних силах, является абсолютной в том смысле, что вы ни от кого не зависите. Вы — единственный ее хозяин, поэтому она оказывается более эгоцентричной. Власть над внешним развратила человека, но власть над внутренним развратила его еще больше. Однако развращает не власть сама по себе, потому что божественное — это тоже власть; скорее, развращает ищущее, жаждущее эго. Если мы развращены, то, когда придет власть, наше развращение проявится. До тех пор оно остается скрытым. Чтобы быть развращенным, нужна власть.

Поэтому нужно остерегаться внутренних психических сил. Они существуют, но не смотрите на них. Просто проходите мимо, будьте только свидетелем. Они будут с вами, они будут действовать в вас, но они будут подобны теням — они будут следовать за вами. Вокруг вас

начнет что-то происходить, но не придавайте этому значения; тогда вы не будете укреплять это.

Используя этот метод, вы минуете область психических сил на огромной скорости. Все, что находится между вами и вашей сокровенной глубиной, существует, но только как тень, следующая за вами. Будут *сиддхи*, что-то будет происходить, что-то начнет меняться, но ваша сила будет ощущаться другими — не вами. Если кто-нибудь скажет, что с ним благодаря вам что-то произошло, посмотрите вверх и скажите: «Благодаря ему — не мне. Я никто». Когда Иисус узнал от людей, что они исцелились от его прикосновения, он сказал:

«Не благодаря мне, но благодаря ему. Я — никто. Я просто слуга. Я просто его инструмент».

Тогда ваши внутренние силы не станут эгоцентричными: они будут ориентированы на божественное, сконцентрированы на божественном. Но вы не должны ими интересоваться. Когда они проявятся, просто пройдите мимо, сказав им «до свидания».

Глава 4

ЛСД: короткий путь к ложному самадхи

Экспериментируя с ЛСД, я переживал состояния, которые кажутся похожими на прочитанные мною описания самадхи. Я чувствовал, как поднимается кундалини и мои чакры открываются. Я ощущал единство со всем космосом. Было ли это истинным опытом самадхи? Возможна ли самореализация через использование ЛСД? Вредно ли использовать ЛСД как помощь в медитации?

Твой опыт был ложным. Это было не *самадхи*, это были просто химические изменения. Ум может спроецировать все, что он хочет, — даже бессознательное желание *самадхи*. Все, что вы узнали или прочитали о *самадхи*, может быть спроецировано в сознание при химическом посредничестве ЛСД.

ЛСД или любой другой химический наркотик — это не что иное, как средство, помогающее оживить все, что находится у вас внутри. Все препятствия, все обычные препятствия устраняются. Разум устраняется, сознательный ум устраняется; вы оказываетесь полностью во власти бессознательного. Но само по себе бессознательное в результате использования ЛСД не приведет вас к *самадхи*; подобный опыт возможен, только если бессознательное было снабжено определенными предварительными описаниями: цвета, определенные переживания, то и это. В бессознательном может ожить все что угодно, но если вы до этого ничего не знали о *самадхи* или *кундалини*, их невозможно пережить при помощи ЛСД.

Человек, страдающий от фобии, встретится с предметом своей фобии; человек, подавивший страх по поводу чего-либо, почувствует, что происходит именно то, чего он боится. Так что разные люди получают разные переживания от ЛСД. Наркотик может лишь помочь ожить тому, что уже есть в вашем бессознательном в зачаточной форме. Если это любовь, вы переживете любовь; если это ненависть, вы почувствуете ненависть. ЛСД — это наркотик, расширяющий ум, — что бы ни находилось внутри вас в виде семени, вырастает в дерево.

Ты мог почувствовать кундалини, ты мог почувствовать чакры, ты мог почувствовать гармонию или единство со вселенной только потому, что семена этого уже находятся в твоём бессознательном уме. Если бы их там не было, то ЛСД не вызвала бы всего этого.

Это не истинный опыт *самадхи*. Источник такого *самадхи* в твоём бессознательном желании *самадхи*. ЛСД может помочь всему бессознательному проявиться физически. Поэтому то, что ты пережил, было спроецированным на физический экран желанием. Это не духовное откровение, не *самадхи*, это не истинное переживание. Это не что иное, как сон; это просто сновидение.

Вы видите ночью сны, потому что барьеры сознательного ума сняты. Все, что было подавлено, все, чего вы желали, к чему стремились, начинает обретать очертания и форму; вы

начинаете это воображать. Но пока вам снится сон, вы не понимаете, что это сон. Он такой живой, такой реальный, что невозможно представить, что это лишь сон.

ЛСД — это химический способ видеть сны, неестественный способ. С помощью ЛСД вы можете увидеть то, чего не видели, осуществить то, что никогда не осуществляли. Но все эти осуществления — лишь кажущиеся осуществления; они нереальны. Они прекрасны, они обладают своеобразным очарованием, как и приятный сон.

ЛСД может вызывать также и кошмары. Это зависит от вас, а не от ЛСД. Если ваш ум истерзан, расщеплен, и в нем подавлено множество негативных образов, тогда именно это и будет проявляться. Некоторые люди во время ЛСД-путешествия видят ад, некоторые — демонов. Все зависит от человека. Химический наркотик может вызвать на экран переживаний лишь то, что внутри уже есть.

Не принимайте переживания под воздействием ЛСД за *самадхи*. И не цепляйтесь за подобные переживания, иначе они станут помехой в медитации. Вы так много всего пережили через ЛСД-сновидения, что когда с вами случится настоящая медитация, по сравнению с ними она покажется вам блеклой. Опыт истинной медитации будет не настолько ярким, вы не ощутите такого огромного подъема энергии, как при ЛСД-сновидениях. И тогда вас ждет депрессия, потому что нечто важное будет утрачено. Вы познали что-то впечатляющее не через медитацию, ум может сказать: «ЛСД лучше». И, продолжая принимать ЛСД, вы будете становиться все менее и менее медитативными, а медитация и ее переживания будут для вас тускнеть все больше и больше.

Так что не принимай больше ЛСД. Это могло быть просто экспериментом, но оно оставило отпечаток в твоём уме. Этот отпечаток опасен, потому что теперь ты будешь сравнивать: истинная медитация будет казаться тебе ложной, потому что ложное ты уже принял за истинное.

Кроме того, имейте в виду, что невозможно точно вспомнить, что вы видели во время ЛСД-путешествия, так же, как вы не можете точно вспомнить сон после того, как проснулись. Когда вы пытаетесь восстановить сновидение, вы многое к нему добавляете. И когда воздействие ЛСД закончилось, вы не можете точно вспомнить, что с вами происходило; остается лишь смутное ощущение блаженства. Тогда вы пытаетесь вообразить и пережить весь опыт заново, но это не в точности тот опыт, который у вас был. Вспомнить его невозможно. У вас есть чувство, что вы что-то видели, что вы что-то познали. Но это чувство иллюзорно.

В результате употребления химического наркотика вам может открыться определенное блаженство. Под воздействием наркотика вы полностью расслабляетесь; все напряжение временно отступает. Оно не исчезает, оно вернется к вам, но сейчас ваше внимание не на нем, поэтому вы полностью расслабляетесь. Блаженство, которое при этом приходит, настолько велико, что вы будете продолжать испытывать его и позже, как послевкусие. В этом блаженном чувстве вы снова захотите представить себе то, что увидели и пережили, но теперь на девяносто процентов это будет вашей фантазией.

Чем больше временной промежуток между опытом и памятью о нем, тем более прекрасным, более блаженным будет он вам представляться. Он превратится в незабвенное воспоминание. А каждый опыт медитации будет для вас сравнительно блеклым, потому что медитация реальна, это не сновидение. Ее развитие идет шаг за шагом, она не так внезапна. Она вами не овладевает. Снова и снова вы будете сравнивать, так что продвижение будет очень медленным.

В реальном мире существует время, но в ЛСД-переживаниях или в обычных сновидениях время течет не так, как в период бодрствования. В одно мгновение вам могут присниться события, которые в реальности заняли бы много лет. И это происходит вдруг, это вас ошеломляет; это разбивает вдребезги вашу память. На какое-то мгновение исчезают все напряжения. Вы расслаблены и ощущаете космическую гармонию. Границ нет: вы не

существуете как «Я»; вы и мир становитесь одним. Это так блаженно, что каждый раз, когда вы будете сравнивать это незабвенное воспоминание с реальностью, вы будете добавлять к нему какие-то штрихи. Воспоминание будет становиться все более и более прекрасным, а реальность — тускнеть.

Не сравнивайте медитацию с тем, что происходит под воздействием ЛСД. Во-первых, эти два разных состояния сознания вообще нельзя сравнивать, и поблекшее воспоминание об одном состоянии не может быть приложено к другому. Во-вторых, когда вы сравниваете то, что произошло в прошлом, сравнивает все тот же бессознательный ум, который спроецировал переживания. Вы тот, кто принимал ЛСД, и вы тот, кто медитирует: в обоих случаях присутствуют одни и те же семена бессознательного.

Следующее, что нужно помнить: не создавайте никаких концепций о медитации, не собирайте о ней готовых сведений и не думайте о том, каким должен быть результат. Идти в медитацию — значит идти в неисследованное море: вы не можете заранее знать, что произойдет. Если вы знаете, что должно произойти, это начнет случаться, но это будет просто проекцией ваших ожиданий. Ожидания осуществляются под воздействием ЛСД и также могут осуществляться во время медитации. Бессознательное само по себе превосходный проектор.

Знания о кундалини, знания о чакрах, все приобретенные вами знания должны быть забыты, потому что даже и без участия химических веществ обычный ум может их проецировать. Во время медитаций вы можете оживать то же самое, что и под воздействием ЛСД. Без помощи химии процесс будет медленным, но явление то же самое.

Я говорю не о том, что не существует таких вещей, как кундалини или чакры. Я говорю не о том, что никаких реальных переживаний не возникает; реальные переживания *есть*, но вы не должны знать о них заранее, иначе вы просто будете их воображать. Вы должны быть совершенно незнающим, вы должны пребывать в неведении: это основное условие для продвижения. Каждое явление должно быть познано и пережито непосредственно вами; ничто не должно приниматься на веру. Не принимайте информацию за знание.

Так что откажитесь от любой информации. Забудьте о знаниях и двигайтесь, как будто в вакууме, двигайтесь в неведении. Вы ничего не знаете, так что все будет для вас неожиданностью. Все и должно быть неожиданностью. Если с вами происходят обычные вещи, если вы говорите: «Да, я уже знаю это, так уже случалось раньше», — значит, вы не вошли в неизведанное, вы не вошли в медитацию.

Вероятность самообмана велика. Ум обманчив, и бессознательное продолжает играть с вами шутки. И заблуждения возможны не только под действием ЛСД, но даже и в обычной медитации, потому что и в том, и в другом случае вы имеете дело с одним и тем же бессознательным умом. Если вы хотите идти в медитацию, вам придется изменить бессознательное. Оно должно стать пустым, незнающим. Оно должно быть открытым, восприимчивым, готовым встретиться с неизвестным, потому что медитация означает движение в неизвестное.

Чтобы создать возможность для медитации, необходимо пройти очищение, чистку, произвести в бессознательном полную ревизию. Бессознательное не должно быть ничем обременено, в нем не должно быть никаких семян. *Сабидж самадхи* — это *самадхи* с семенем. *Самадхи* с семенем означает *самадхи* со всеми вашими проекциями. По сути, это вовсе не *самадхи*; это только название.

Есть другой термин: *иирбидж самадхи*, *самадхи* без семени. Только *самадхи* без семени является подлинным, потому что в нем нет ничего готового. Вы не проецируете; что-то пришло к вам, вы с чем-то встретились. Вы познали что-то совершенно новое, свежее, такое, о чем раньше не знали. Вы не могли себе этого даже представить, потому что все, что вы можете представить, вы можете спроецировать.

Знания являются препятствием к *самадхи*, так что знающий человек никогда не сможет достичь *самадхи*. Вы не должны идти в медитацию, обремененные знаниями. Вы можете достичь *дверейсамадхи*, только если вы ничего с собой не несете, если вы совершенно открыты, обнажены, пусты. Только тогда происходит нечто действительно подлинное; иначе вы будете медитировать со всеми своими проекциями.

Вы фантазируете в медитации, и вы фантазировали в своих ЛСД-переживаниях; и то и другое — проекции. Вы должны себя разгрузить. Поймите это; забудьте все, что вы знали, никак не представляйте себе *самадхи*. Забудьте любые предварительные представления, не концептуализируйте. Просто невинно, как ребенок, вступите в неведомую страну, где язык неизвестен, где вы ни с чем не знакомы, где все ново, и у вас нет с собой путеводителя. Только при таком подходе может возникнуть что-то подлинное.

Иначе пройдет много времени, прежде чем в медитации с вами случится что-то настоящее. Вы будете полностью игнорировать реальность, и проекции будут продолжаться. Тогда опыт ЛСД будет казаться более сильным, более живым, а медитация покажется слабой. Но если вы сбросите с себя груз знаний, если вы забудете эти названия — кундалини, чакры и все остальное, если вы отложите их в сторону и пойдете вперед как ребенок, тогда медитация произойдет. В противном случае медитация тоже будет воображаемой, сновидением.

Различие очень тонко. Увидеть, в чем заключается это различие, трудно, но различие есть. Вы можете понять это так: если нечто происходит согласно вашим знаниям, согласно тому, что, *по вашему мнению*, должно происходить, тогда не принимайте это за истину. Медитация никогда не происходит согласно вашим знаниям. К каждому человеку она приходит так по-разному, что никакое писание, никакой гуру не может точно сказать, что произойдет. Все, что уже сказано, является просто обобщением; медитацию все переживают по-своему. Опыт семи чакр или подъема кундалини настолько различен для каждого человека, что если нечто происходит по шаблону, то это снова проекция; вы это воображаете. Для вас все будет иначе, никогда не будет так же, как с кем-то еще. То, что действительно случается, — индивидуально, и здесь нет никаких общих правил.

Опыт каждого человека индивидуален, несравним. Все, что сказано о медитации, является обобщением. А обобщения нереальны. К примеру, здесь двадцать человек. Мы можем высчитать средний возраст всех присутствующих, но среди нас может не оказаться ни одного человека именно такого возраста. Среднее — это миф; обобщение — это миф. Мы можем определить средний рост присутствующих, но никто не будет точно ему соответствовать. Мы можем вывести знание об общем возрасте, но никто не будет им обладать.

Все обобщения являются мифами. Они помогают что-то сформулировать, но мешают прийти к реальности жизни. Они помогают создавать системы, они помогают составлять писания, они помогают делать карты, но не следует принимать карту за саму страну. Вы могли видеть карту Индии, но в Индии вы не найдете того, что видели на карте. Когда вы приедете в Индию, вы не сможете увидеть эту карту на земле — это просто обобщение. Оно помогает сформировать некоторое представление об Индии, но никак не помогает познать саму страну. Скорее, оно становится препятствием. Непосредственный опыт оказывается скрытым за формулировкой, за предубеждением.

Можно накапливать знания, не зная, что знания опасны. Если знания касаются внешней информации, тогда все в порядке, не важно, что они есть и как вы их получили. Но если они касаются внутреннего опыта, то разница велика, потому что ум искажает реальную картину.

Начните медитировать так, как будто бы вы никогда ничего не слышали о кундалини или чакрах. Идите в медитацию, отложив в сторону любую информацию. Пусть это будет первым условием для вашей медитации: ничего не знать. Вы должны быть просто восприимчивы,

открыты всему, что происходит. Ожидать нечего, не с чем сравнивать.

Во-первых, должны уйти предвзятые идеи. Не цепляйтесь за них. Если вы не будете за них цепляться, они уйдут, они умрут. Семя сгорит и погибнет. Но если вы цепляетесь за него, оно будет казаться знанием, оно будет казаться помощью, путеводителем. Не цепляйтесь за знание, и оно не сможет в вас жить. И тогда вам нечего будет проецировать.

Во-вторых, забудьте о ЛСД-переживаниях, как будто это был сон; иначе они и дальше будут стоять между вами и медитацией, и вы будете сравнивать. Это сравнение суицидально. Если вы будете продолжать сравнивать, медитация прекратится, а вы все более и более будете расположены к применению ЛСД. Но химическое средство может создать только психический феномен, но никогда не подлинную самореализацию. Осознанность не может с вами случиться, вам нужно самим прыгнуть в нее.

С ЛСД вы никуда не идете; вы остаетесь там же, где были, и в результате химических изменений с вами что-то происходит. Благодаря химическому веществу ваш обычный ум, ваш обычный рассудок отключается; ограничения, которые вы наложили на бессознательное, застывают. Они заморожены, а бессознательное оживает. Но регулятором являетесь не вы, регулятором является химическое вещество. Вы находитесь под его влиянием, вы не свободны. Теперь полномочия действовать внутри вас находятся у ЛСД. Это значит, что не вы действуете, а на вас действуют: что-то происходит с вами, а не вы на что-то влияете.

Осознание означает, что вы встретились с чем-то: вы прыгнули, вы где-то оказались. Вы уже больше не тот человек, которым были, вы изменились. Это изменение — сознательное изменение, совершенное с полным пониманием. Это изменение состоялось благодаря вашему усилию. Вы что-то сделали, вы совершили путешествие, вы поднялись на вершину.

Существует два способа увидеть себя на вершине Эвереста. Первый — это вообразить, что вы на Эвересте, но при этом никуда не ходить, а просто лежать в кровати. Второй способ — действительно подняться на вершину. Уже само восхождение породит в вас изменения. Приложенные усилия изменят вас, так что достигнутая вершина будет не только вершиной Эвереста, но также и вершиной вашего роста. Достигнув пика Эвереста, вы достигнете Эвереста своей внутренней силы.

В сновидениях вы никуда не двигаетесь. Вы в одном и том же состоянии, в том же времени, что и раньше. Единственное изменение заключается в том, что к вам пришел сон. Сон может прийти двумя путями: через медитацию или с помощью ЛСД. Именно поэтому переживания в обоих случаях кажутся похожими, — потому что вы можете создавать их и тем, и другим способом. Истинная медитация возможна, только если бессознательное не загружено, не наполнено желаниями и запретами, которые стремятся осуществиться.

Еще одно различие заключается в том, что когда вы принимаете ЛСД, сознательный ум засыпает, а бессознательный ум берет власть в свои руки и начинает работать. Но в медитации сознательный ум не спит; скорее, сознательный ум расширяется настолько, что включает в себя бессознательный. Свет сознания движется глубже и глубже в бессознательное, вплоть до того момента, когда разделение между сознательным и бессознательным исчезает; теперь весь ум един. Тогда медитация случилась.

Находясь под воздействием ЛСД, я видел определенную последовательность цветов: шафрановый, затем желтый, затем белый, затем темно-синий. Что означают эти цвета?

Цвета имеют определенное значение, но их порядок для разных людей всегда разный. И все же они имеют значение. Цвета, запахи, звуки — все имеет значение.

Во-первых, погружаясь глубоко внутрь себя, вы обнаруживаете там проявления каждого из ваших чувств. Например, зрения. Глаза видят то, что находится снаружи, но если вы закроете глаза, то увидите то, что внутри. Внутри содержится сущность каждого внешнего переживания;

все чувства имеют в уме хранилища своего опыта. Когда вы идете внутрь, вы встречаетесь с этими хранилищами. Приближаясь к хранилищу цветов, вы начинаете видеть прекрасные цвета, которых в действительности никогда не видели. Эти цветы являются сущностью всего вашего прошлого опыта восприятия цветов.

Так художник рисует красивую женщину. Он рисует не какую-то конкретную женщину, — он видел так много красивых женщин. Его картина изображает сущность их всех. Все, что он когда-либо видел, все, что он познал, отображено в одном образе. Что-то в его женщине взято от одной красавицы, что-то от другой, но непосредственно именно этого образа нигде не найти. Он не воображаемый, и все же его нигде нет. Он подлинный, потому что взят из опыта, и все-таки это просто образ: он одновременно реальный и нереальный.

Наши чувства хранят опыт не только этой жизни, но и всех наших прошлых жизней. Сущность, эссенция любого опыта остается в нас. Глаза хранят цвета, свет и тому подобное; уши сохраняют звуки, созвучия, тишину... все, что могут слышать. Все чувства имеют внутри хранилища.

Теперь даже наука подтверждает это: если к отдельной клетке головного мозга прикоснуться электродом, она предъявит свое содержимое. Когда человек падает, он может увидеть звезды, если падение затронет те клетки мозга, в которых содержатся переживания света. Прикосновением электрода можно подействовать на ваши воспоминания. Если я прикоснусь к клетке, в которой хранится память о вашем детстве, вы вновь станете ребенком, и все, что вы переживали в детстве, вновь окажется на экране ума.

Когда вы идете внутрь, эссенции вашего опыта вскрываются в вас, и вы переживаете многое такое, что во внешнем мире не встречается в чистой форме. Внешний мир относителен и загрязнен, но внутреннее переживание — это чистая эссенция; это электрическое явление. Поскольку это явление — просто энергия, оно чисто. Ничто не загрязняет его; оно прозрачно.

Но не придавайте этим переживаниям слишком большого значения. Они важны только в том смысле, что свидетельствуют о вашем движении вглубь. Они — лишь часть пейзажа на вашем пути, это не сама цель. Когда вы действительно проникнете глубоко внутрь, никаких переживаний не будет — ни света, ни звука, ни чего-либо еще.

Пока все эти переживания не прекратятся, вы не выйдете за пределы ума. Эти переживания — просто проявление накоплений психики, которые она собрала за бесконечное число жизней. Вот почему у каждого человека будут разные переживания: у каждого свой багаж прошлого, так что у каждого будет индивидуальная ориентация внутренних переживаний.

Два дня назад я встречался с человеком, который лишен вкусовой чувствительности. Он понятия не имеет, что такое вкус, поэтому он не может испытать вкус в глубине себя. Есть люди, которые не видят или не различают цвета, — по сути, каждый двенадцатый человек страдает дальтонизмом: он видит все, кроме одного определенного цвета.

Бернард Шоу, например, не мог различать желтый и зеленый. Он был дальтоником в отношении желтого цвета, поэтому в своих внутренних переживаниях не мог видеть желтый цвет. Внутри него не было хранилища желтого цвета, не было эссенции желтого. Он никогда не видел его, поэтому этот цвет для него не существовал.

Мы не видим всех цветов. Семь цветов, которые мы способны видеть, далеко не все существующие цвета; но за пределами семи цветов мы дальтоники. А во вселенной бесконечный спектр цветов. Мы не различаем других цветов, поэтому в своих внутренних путешествиях нам не дано их переживать. Все, что мы испытываем или переживаем внутри, мы вобрали в себя из внешнего мира.

Если музыкант войдет в медитацию, он услышит звуки, которые совершенно незнакомы немусыканту.

Художник будет переживать цвета, которые совершенно незнакомы не-художнику. Если бы кто-то, подобный Ван Гог, вошел в медитацию, мы не можем себе даже представить, какие цвета он увидел бы или какие их новые сочетания узнал.

Внутренние переживания различаются от одного человека к другому. Только одно несомненно: когда вы идете глубоко внутрь по своему собственному пути, что-то начинает происходить. Вы начинаете переживать цвета, звуки, запахи, и это все накопленные вами переживания. Весь ум — это хранилище, и каждая клетка — это скопление переживаний, готовых прорваться. Идите внутрь, прикоснитесь к источнику, и он проснется.

Эти переживания имеют значение лишь потому, что они указывают на ваше движение внутрь. Но поскольку чувства, которые вы испытали, так прекрасны, ум будет стремиться их удержать. Вам захочется повторить их, и это станет препятствием для дальнейшего продвижения.

Нужно достичь такого состояния ума, в котором нет никаких переживаний. Можно даже сказать не «состояние ума без переживаний», а «состояние ума, в котором вы переживаете *ничто*». Переживание само по себе является последним препятствием. Вы должны прийти к такой точке, где есть вы, но нет никаких переживаний.

Только когда исчезает переживание как таковое, исчезает двойственность. Пока вы переживаете что-то, двойственность все еще с вами. Есть *вы*, так что есть и переживание — есть что-то внешнее. Даже если вы переживаете единство с миром, это переживание является частью двойственности.

Когда медитация достигнет полного расцвета, не останется совсем никаких переживаний. Вы просто *есть*, и переживанием будет лишь само бытие. Ничего нет, только ваше бытие, только ваше существование. А когда нет переживания, переживающий исчезает. Он проявляется только в противостоянии к какому-то переживанию. Когда нет объекта, исчезает и сам субъект; нет субъекта, нет объекта.

Только тогда экзистенциальное достигнуто. Только тогда вы можете сказать, что бог есть. Вас нет, и мира нет. Только божественное! Сама эта бытийность и есть бог.

Но переживания будут приходить. Они не существенны, но они будут приходить.

Я пытаюсь медитировать уже давно, но не получаю никаких явных результатов. Что со мной не так?

Причин может быть много. Возможно, ты используешь неправильный метод медитации, или метод правильный, но ты его неправильно практикуешь. Или, может быть, с методом и практикой все в порядке, но неправильно то бессознательное желание, которое стоит за твоими попытками. Тогда нужно изменить бессознательное.

Если вы используете какой-то метод в течение многих лет и получаете лишь поверхностные результаты, смените метод. Существует так много методов медитации, что не стоит держаться за один. С методом может быть все в порядке, но вам он может не подходить.

Так что смените метод. Перемены всегда идут на пользу. Если вы привыкнете к методу, то опыт, получаемый с его помощью, станет поверхностным. А когда ничего нового не происходит, но вы продолжаете повторять технику, она превращается в рутину, и вы никогда ничего с ее помощью не достигнете; ничего существенного *не может* случиться среди рутины.

Моя Динамическая медитация никогда не станет рутиной. Она настолько беспорядочна и хаотична, что вам не удастся превратить ее в обыденность. А методы медитации, основанные на упорядоченной и последовательной системе, рано или поздно всегда оборачиваются рутиной. Вы должны использовать хаотичный метод, так чтобы у вас не было возможности привыкнуть к нему и застрять. Он всегда будет свежим, непредсказуемым, и вы будете сталкиваться с чем-то новым каждый день.

Метод, о котором я говорю, Динамическая медитация, помогает, потому что он хаотичен.

Никакой упорядоченный метод не может быть полезен современному уму, потому что современный ум сам по себе хаотичен, он постоянно меняется.

Раньше ум был стабильным, фиксированным. На протяжении жизни человек практически не менялся. Два века назад тот, кто рождался христианином, христианином и умирал. Сегодня это не так: человек, рожденный христианином, может стать индуистом. Все хаотично. В детстве у человека один ум, а в юности он может стать совсем другим. Сегодня кто-то может быть коммунистом, а завтра он отправится в Гималаи и начнет медитировать.

Современный ум не фиксирован, он хаотичен. Так что прежние методы, которые были предназначены для стабильного ума, устарели. Для хаотичного ума нужен хаотичный метод; только с ним есть возможность пойти глубоко, иначе результаты ваших усилий неизбежно будут поверхностными. Стоит вам усвоить какую-то технику, как вам становится скучно, и если вы будете продолжать ее практиковать, это будет самоубийство. Не продолжайте делать технику, которая вам не помогает. Не вы существуете для метода, а метод для вас. Если какой-то метод для вас не работает, смените его.

Практикуйте Динамическую медитацию и осознанное дыхание. Очень скоро вы почувствуете, что внутри вас происходят изменения. Но вам нужен хаотичный метод — такой, который не станет рутиной.

Глава 5

Жизненный баланс

В нашей цивилизации люди умственного труда, и я в их числе, сталкиваются с определенной проблемой: мы чрезмерно используем свой интеллект; настолько, что начинаем рассматривать жизнь исключительно с интеллектуальной точки зрения, пренебрегая всеми другими способами восприятия. Это делает жизнь скучной, однообразной и лишает ее свойственного ей блеска.

Невозможно чрезмерно использовать интеллект. Это настолько великая сила, с таким огромным потенциалом, что вы не можете использовать ее чрезмерно. Вы не только не используете ее чрезмерно, вы никогда даже не используете ее в полной мере. Обычно вы используете не больше десяти-пятнадцати процентов своего общего интеллектуального потенциала.

И еще одно: когда вы выполняете интеллектуальную работу, это не обязательно означает, что вы используете свой интеллект. Интеллектуальная работа тоже может быть механической. Как только вы приобретаете навык, интеллект больше не нужен; ум работает подобно компьютеру.

На самом деле, проблема заключается не в чрезмерном использовании интеллекта, а в недостаточном использовании эмоций. В современной цивилизации эмоции совершенно игнорируются, и это ведет к нарушению внутреннего баланса и развитию односторонней личности. Если бы эмоции тоже использовались, дисбаланса бы не было.

Баланс эмоций и интеллекта нужно поддерживать в правильном соотношении, иначе личность заболевает. Это все равно, что использовать только одну ногу. Вы можете упорно ею двигать, но вы никуда не придете, вы только утомите себя. Нужно двигать и другой ногой. Эмоции и интеллект подобны двум крыльям: если мы пытаемся летать только с одним крылом, итогом будет разочарование. И мы никогда не достигнем блаженства баланса и гармонии, если не расправим одновременно оба крыла.

И не бойтесь использовать свой интеллект чрезмерно. Только когда вы максимально используете интеллект, вы действительно соприкасаетесь с глубиной; только тогда пробуждается ваш потенциал. Интеллектуальная работа не означает, что используется ваш интеллект.

Интеллектуальная работа обычно поверхностна и не предполагает ни соприкосновения с глубиной, ни вызова. Это порождает скуку; такая работа не приносит наслаждения. Наслаждение возникает лишь тогда, когда вашей индивидуальности брошен вызов, и вы должны испытать себя и ответить на него. Откликаясь на вызов, интеллект и эмоции рождают блаженство.

Когда работает только одна часть личности, а другая мертва, человек похож на шизофреника. При этом живая часть не может работать нормально, поскольку она перегружена. Личность — это целостность; в ней не должно быть никакого разделения. По сути, личность является потоком энергии. Когда энергия используется логически, она становится интеллектом, а когда она используется эмоционально, она становится сердцем. Это просто два разных проявления одной и той же энергии, текущей по разным каналам.

С одним лишь интеллектом, без сердца, вы совершенно не можете расслабиться. Расслабление означает, что течение энергии внутри вас сменило русло. Расслабление вовсе не означает бездействие, оно означает действие в другом русле. А то измерение, которое было перенапряжено, расслабляется.

Человек, который постоянно занимается интеллектуальной работой, никогда не расслабляется. Он не переводит энергию в другое русло, так что его ум продолжает работать без какой-либо необходимости круглые сутки. Это порождает скуку. Мысли, одни только мысли приходят и уходят; энергия рассеивается, тратится впустую. Этим невозможно наслаждаться; напротив, вы будете разочарованы и почувствуете отвращение к такому ненужному бременю. Но ни ум, ни интеллект не виноваты. Просто внутри вас нет второго русла, нет другой открытой двери, и энергия просто продолжает циркулировать по кругу.

Энергия не может стоять на месте. Энергия — это то, что не стоит на месте, это то, что всегда течет. Расслабление не означает, что энергия остановилась или заснула; если говорить научным языком, расслабление означает, что энергия теперь течет по другому каналу, в другом измерении — она перешла в другое пространство.

Например, если вы работали над научной проблемой, то можете расслабиться, читая роман. Это разные виды работы: заниматься научной проблемой — значит быть активным; это абсолютно мужской вид деятельности, в то время как читать роман — значит быть пассивным, что является полностью женским видом деятельности. Хотя вы и используете тот же самый ум, вы расслабляетесь, потому что теперь задействован противоположный полюс ума. Вы ничего не решаете, вы не активны; вы просто принимаете, что-то получаете. Измерение то же самое, за исключением того, что теперь задействован противоположный полюс, эмоции.

Когда мы любим, совсем не включается в действие интеллект. Происходит совершенно противоположное: начинает действовать иррациональная часть личности. Интеллект должен быть уравновешен любовью, а любовь должна быть уравновешена интеллектом. Обычно этот баланс не соблюдается.

Если человек влюблен и пренебрегает любыми интеллектуальными занятиями, в конце концов он начинает скучать. Даже любовь превращается в напряжение, если продолжается все двадцать четыре часа в сутки. Когда вызова нет, наслаждение утрачивается: игры нет, любовь становится просто работой. То же происходит с интеллектуалом, который пренебрегает эмоциональной стороной своей жизни.

Эти две части, эти два полюса должны находиться в равновесии, только тогда рождается гармоничное и самобытное человеческое существо. Иначе, эмоциональная или интеллектуальная, но это будет болезнь. Восток нездоров, потому что был слишком озабочен сердцем, в то время как Запад помешан на интеллекте. И то и другое привело к катастрофическим результатам.

Сейчас на Западе новое поколение восстало против интеллекта, против рассудка. Ум

современной молодежи тяготеет к иррациональному. Природа всегда берет свое. Природа очень мстительна: она никогда не прощает, ничего не забывает. Если какая-то ее часть подавляется или не реализуется, она обязательно возьмет реванш. На Западе сейчас реванш берет иррациональное. На Востоке же всеобщее внимание обращено к рациональному, научному: коммунизм пользуется большой популярностью, а религия утратила свою привлекательность. Иррациональное больше не привлекает Восток, потому что слишком долго подавлялся разум.

На мой взгляд, ни человек, ни культура не могут быть здоровыми без внутреннего равновесия между рациональным и иррациональным. Для меня это не два разных явления. Я рассматриваю их как два полюса одной и той же энергии.

Энергия может двигаться только между двумя противоположными полюсами; энергии нужно напряжение, чтобы воссоздавать себя, чтобы течь. Полюса могут быть отрицательным и положительным — как в электричестве, или северным и южным — как в магнетизме, или мужским и женским — как в биологии, но энергия не может существовать на одном полюсе. Для вызова, для стимула, для напряжения нужна противоположность.

Но в человеческом обществе второй полюс всегда подавлен — подавлен либо интеллект, либо эмоции. Целостная культура до сих пор не возникла, потому что существовавшие цивилизации основывались либо на интеллекте, либо на эмоциях. Культура, или такая цивилизация, в которой два полюса функционировали бы одновременно, еще не родилась.

Всегда уравнивайте полюс его противоположностью. Тогда чем больше будет использоваться один полюс, тем ярче будет проявляться второй, для которого это будет расслаблением. Ум должен быть способен так же легко переключаться с одного полюса на другой, как мы переходим от бодрствования ко сну. Нужно уметь быть закрытым по отношению к одному измерению и оставаться открытым по отношению к другому. Когда это случается, жизнь уже больше не бывает скучной; она становится блаженством.

К сожалению, мы склоняемся к знакомой нам полярности. Откуда возникло это пристрастие к одной крайности? Мы придерживаемся чего-то одного, потому что мы ему обучены. Это проще, привычным способом можно действовать безо всякого сознательного усилия, не нужно никакого сознания. Если же вы переходите от одного полюса к другому, если вы полностью меняете перспективу, то в новой области становитесь дилетантом. Здесь вы не эксперт; вы плохо ориентируетесь. Поэтому вы пытаетесь избежать второго полюса и начинаете перегружать ту сферу, в которой являетесь специалистом.

Из-за этой перегрузки возникают проблемы. Человек не должен быть экспертом двадцать четыре часа в сутки, он должен также делать что-то такое, в чем он — никто, о чем он ничего не знает. Иногда нужно быть ребенком: играющим, незрелым, невежественным, незнающим.

Внутри каждого гения живет ребенок; ни один гений не состоялся бы без ребенка внутри, — этот ребенок является источником его энергии! Благодаря внутреннему ребенку гений иногда может быть новичком, может быть совершенно невежественным: он прикасается к таким областям, о которых ничего не знает. Когда математик обращается к поэзии, он ничего не теряет. Он возвращается к своей математике с более ясным умом, с новыми переживаниями, неизвестными математике.

Ничто никогда не изобреталось и не открывалось профессионалами. Открытия всегда совершаются людьми, которые подходят к предмету как посторонние, с умом ребенка. Только ребенок изобретателен, старик — никогда. Старик является экспертом, а эксперт не способен изобретать. Он будет продолжать повторять одно и то же, делая и переделывая известное заново; он сделает что-то более совершенным, но никогда — новым. Профессионал не может добавить к знанию ничего нового, потому что он знает слишком много; он не способен на свежий взгляд, открытия проходят мимо него. Профессионалы всегда ортодоксальны, они не бывают

революционерами. Они не могут ими быть — часть их личности перегружена.

Когда бы ученый ни обращался к поэзии, или поэт — к математике, или бизнесмен — к живописи, или живописец — к саньясе, всегда рождается что-то новое. А давать рождение чему-то новому — это блаженство; иначе повседневная работа становится скучной и безрадостной. Человек не может работать как машина, не может постоянно механически производить одно и то же, не может бесконечно повторять одни и те же привычные действия. Если ему приходится это делать, он становится мертвецом задолго до своей смерти. Он узнает, что был жив, только когда наступит смерть.

Если вы действуете механистически, как робот, не исключена возможность, что вас заменят роботом, и вы никогда не сможете обрести веру в себя, потому что вы способны делать только то, что может быть более эффективно сделано механическим устройством.

Обществу не нужны индивидуальности, ему нужна эффективность. Поэтому чем более человеческим становится человек, тем менее он полезен для общества — и тем более опасен. Структура нашей цивилизации и, фактически, всех прошлых цивилизаций призвана сделать из человеческого существа автомат. Послушный, эффективный и неопасный. А изобретательный, пытливый, любознательный, ищущий что-то новое и всегда стремящийся исследовать неизвестное ум неизбежно создает беспокойство. Социально-бюрократический аппарат не может чувствовать себя с ним в безопасности.

Как только ребенок рождается, общество начинает убивать его индивидуальность. К семи годам его индивидуальность полностью уничтожена. Только по случайному недосмотру социально-бюрократического аппарата человек может стать индивидуальностью. Но это редкость.

Все виды социальных институтов являются средством уничтожения индивидуальности и превращения человека в машину. Все наши университеты — это фабрики по уничтожению спонтанности, по уничтожению искры, по уничтожению духа и превращению человека в автомат. Только превратив людей в автоматы, общество чувствует себя спокойно. На них можно положиться. Общество знает, что они могут сделать, что они будут делать, — автоматы предсказуемы. Мы можем предсказать мужа, жену, врача, адвоката, ученого. Мы знаем, кто они, и как они будут себя вести; мы можем быть в них уверены. Но с живым, спонтанным человеком невозможно чувствовать себя спокойно, потому что мы не знаем, как он себя поведет, — он непредсказуем.

Непредсказуемость всегда источник небезопасности. Жена не может чувствовать себя спокойно с непредсказуемым мужем. Непредсказуемый, он неуправляем; им невозможно манипулировать. Никто не чувствует себя спокойно с непредсказуемым человеком, — даже отец с непредсказуемым сыном.

Но только непредсказуемый человек может быть счастливым, может переживать счастье как никто другой. Жизнь сама по себе непредсказуема, неуправляема. Жизнь как таковая всегда движется к неизвестному мгновение за мгновением. Жизнь — это дверь в неизвестное, ни больше, ни меньше.

Если вы открыты — как открыта сама жизнь, то вы непременно живете в каждом из своих измерений: физическом, интеллектуальном, эмоциональном, духовном. Тогда вы живете тотально: нет раздвоения, нет разделения. Ваша энергия течет, как будто из одной комнаты в другую, и затем в следующую. Ваша энергия не встречает преград; она не удерживается в каком-то одном канале, она подобна текущей реке. Тогда вы всегда свежи и расслаблены. Каждый раз, возвращаясь к определенной деятельности, вы приступаете к ней с новизной, свежестью, которая возможна только в результате отдыха в противоположном измерении.

Проблема, насколько я понимаю, заключается не в чрезмерной интеллектуальной работе, а

в недостатке или отсутствии активности в других измерениях, особенно в эмоциональном. Рассудок уравнивается эмоциями. Если вы можете решать логические задачи, но не можете плакать, у вас неизбежно возникнут проблемы. Если вы можете спорить, но не можете смеяться, вас ожидают неприятности.

Но всякий раз, когда появляется человек, жизнь которого подобна текущей реке, его трудно понять, потому что он живет вне любых структур, вне категорий.

Есть одна история дзэн...

Умер известный монах, великий учитель. Хотя он был известен благодаря его главному ученику. Тысячи людей пришли отдать дань уважения умершему и, к своему удивлению, увидели главного ученика рыдающим. Они были озадачены — человек, свободный от привязанностей, не должен плакать, тем более тот, кто всегда говорил, что дух не умирает! Кто-то подошел к нему и спросил:

— Почему ты плачешь?

Ученик ответил:

— Я не могу все время жить с «почему?». Бывают моменты, когда нет никаких «почему?». Я плачу, вот и все.

Но люди все равно настаивали:

— Ты всегда говорил, что душа бессмертна. Почему же ты плачешь?

Ученик монаха отвечал:

— Я по-прежнему утверждаю, что душа бессмертна. Но это не мешает мне плакать.

Это кажется нелогичным — если душа бессмертна, то зачем плакать? Но ученик монаха сказал:

— Душа сама плачет, и я не могу ничего с этим поделать. Что бы ни приходило ко мне, я един с этим. Слезы приходят, и я с ними един.

Позицию монаха невозможно понять интеллектом. Можно понять человека, если он считает, что душа смертна, — и поэтому плачет. Если человек верит, что душа бессмертна, и не плачет, это тоже понятно, все в порядке. Душа бессмертна: кого оплакивать? Никто не умер. Но главный ученик сказал, что душа бессмертна, и все-таки плакал. Не было никаких «почему?», слезы просто текли.

Люди спросили:

— Ты оплакиваешь тело?

Монах ответил:

— Да, должно быть, я оплакиваю тело. Тело тоже было таким красивым, и я его больше никогда не увижу. Я оплакиваю тело.

— Но ведь ты же духовный человек, — воскликнули люди. И спор продолжался. Они обвиняли его в том, что он сбивает их с толку.

— Я и сам сбит с толку, — сказал, он. — Такова жизнь! Душа важна, но важны также и мои слезы. Жизнь такова — она так противоречива. Она существует в противоречиях. Я и сам сбит с толку, но меня это не смущает, меня не смущают эти противоречия, поэтому я расслаблен. Вы видите мои слезы, вы видите, что я плачу, но я спокоен. Я расслаблен. Я чувствую блаженство.

Не отвергайте противоположную часть. Чем чаще вы используете логику, тем активнее обращайтесь к иррациональному, чтобы уравновесить то и другое. Как только внутри вас все уравновешено, вы становитесь невесомым. Вы чувствуете себя свободным. Вес одного измерения компенсируется весом другого — достигнуто равновесие. Вы свободны. Иначе вы будете чувствовать тяжесть, которая будет увеличиваться, давить на вас и превратится в груз. В конце концов наступит момент, когда внутри вас не останется ничего, кроме груза. Вас больше не будет, будет ощущаться только груз; это единственная реальность, которую вы будете

осознавать. И груз будет с вами двадцать четыре часа в сутки, вы не сможете даже представить себе, что значит быть без него.

От груза не свободен никто, но один груз может быть уравновешен другим грузом на противоположном полюсе. Когда грузы уравновешены, тяжесть исчезает. Ум, не обремененный тяжестью, это, на самом деле, не ум без груза; скорее, это ум с *уравновешенными* грузами.

Я за то, чтобы интеллект и иррациональное существовали одновременно. Я советую поддерживать между ними постоянный баланс. Как только вы почувствуете тяжесть, знайте, что баланс нарушен, и вам пора взяться за его восстановление. Тогда добавьте недостающий вес туда, где он нужен. Если интеллект стал слишком тяжел, делайте что-нибудь иррациональное. Медитируйте!

Медитация не связана с рассудком; она иррациональна. Так что, когда кто-нибудь просит меня объяснить, что такое медитация, я в затруднении, потому что понять медитацию в принципе невозможно. Она никак не связана с логикой, рассудком, аргументами и пониманием. Единственный способ ее узнать — это пригласить ее.

Есть люди, которые изучали медитацию всю свою жизнь, но так ничего и не поняли. Это невозможно. Кришнамурти говорит о понимании и приравнивает понимание к медитации, как будто медитация — это нечто, что нужно понять. Скорее, понимание должно быть уравновешено медитацией, потому что медитация является противоположным полюсом для понимания, и как только вы попытаетесь *не* понимать медитацию, она к вам придет.

Если вы будете пытаться понять медитацию, вы никогда с ней не встретитесь. Некоторые люди говорят, что отлично понимают Кришнамурти. Интеллектуально его можно понять, потому что за понимание отвечает интеллект. Но он говорит, что интеллектуального понимания недостаточно, и, тем не менее, приравнивает понимание к медитации.

Когда интеллектуального понимания недостаточно, поможет только иррациональный прыжок. На самом деле, не-интеллектуального понимания вообще не бывает. Когда вы идете в медитацию, это больше похоже на чувствование, чем на понимание: медитация переживается, ее невозможно понимать.

Философия и наука — это интеллектуальные процессы; религия и искусство — эмоциональные процессы. Философия должна быть уравновешена религией, а наука должна быть уравновешена искусством. Иначе возникает однобокий, перевернутый вверх дном мир, в котором все больны.

Я не встречал ни одного человека, который был бы спокоен, — каждого беспокоит то или это. Не важно, что именно, важно лишь то, что каждый обеспокоен. Все обеспокоены! Должно быть, что-то неправильно в самой концепции человечества; что-то неверно в самой структуре нашего общества. Люди с психическими расстройствами наглядно демонстрируют то, что происходит в обществе в целом.

Существует очень любопытный факт: в начале двадцатого века все душевнобольные были обеспокоены в основном насилием. Затем началась Первая мировая война. То же самое происходило в тридцатые годы, и за этим последовала Вторая мировая война. Так что, насколько я могу судить, душевнобольные предвещают общественные катаклизмы, их расстройства предсказывают то, что должно случиться в обществе. В некотором отношении они более чувствительны, что-то они воспринимают раньше, чем все остальные.

То же самое относится и к людям искусства. Все, что происходит с обществом, сначала проявляется в поэзии, живописи, музыке и других искусствах. Например, если внимательно присмотреться к работам Пикассо, то в них можно обнаружить признаки больной цивилизации. В картине «Герника» — или, фактически, в любой из своих работ, — он не изображает фигуру человека такой, какая она есть. Он никогда не рисует все части тела вместе или в надлежащем

контексте. Голова находится в одном месте, шея где-то в другом, а глаза могут быть под головой. Такова его живопись: шизофреничная, шизоидная. Он был особенно чувствительным человеком, он видел очертания того, что должно наступить, ощущал грядущее бедственное состояние человеческого существа.

Общество, отдающее предпочтение науке, обычно испытывает недостаток в эстетическом искусстве, и искусство становится уродливым. Последнее столетие все западное искусство уродливо. Гротескность и абсурдность стали критерием. Уродство в искусстве почитается как величие: чем более уродлива и искажена картина, тем больше она ценится. Не нужно ни гармонии, ни ритма, ни музыки; все должно быть в беспорядке и хаосе, совсем как в уме современного человека.

Все это признаки и симптомы. Они символически выражают то, что другая часть человеческого существа берет реванш; она требует внимания. В преимущественно философском обществе возникает недостаток религии. А когда общество становится все менее и менее религиозным, религия берет реванш и становится уродливой, ритуалистической. Появляются церковь и духовенство, и истинная религия ослабевает. Церковь — это религия, ставшая уродливой, а священник — уродливая замена пророка. Для пророка нет места в церкви, так что приходит священник и заполняет вакуум.

Мы пока еще не можем даже представить себе целостную культуру, целостную личность, целостный ум. Когда я говорю о целостности, я имею в виду сумму всех противоположных частей. А абсолютно последовательная, непротиворечивая личность является несовершенной и расколотой личностью, в определенной степени находящейся на пути к безумию. Это опасно. Та часть, которая лишена выражения и внимания за счет последовательного ума, непременно возьмет реванш. Иррациональное станет агрессивным, оно проявится в мстительной форме и вдребезги разобьет рассудок.

Важно не только понимать, но и чувствовать. Интеллектуализировать нетрудно, проблема возникает с чувствованием. Вы должны также и чувствовать!

Баланс возможен только тогда, когда вы делаете и что-то иррациональное. Прыгайте и танцуйте в течение часа, и вы удивитесь, насколько расслабленным, свежим и бодрым вы себя почувствуете. Пока иррациональное получает удовлетворение, ум очищается. И теперь он может работать свободно, нет больше затаившегося врага, готового взять реванш.

Давайте возможность свободно выражать себя обеим своим частям; постоянно уравнивайте их. Живите в двух взаимодополняющих измерениях — интеллекте и эмоциях. Они не противоречивы, они только кажутся такими, потому что до сих пор мы привязывались к одной крайности и злоупотребляли ею.

События, происходящие во сне, не кажутся вам противоречивыми и непоследовательными — вы видите, как к вам приближается друг, и внезапно он превращается во что-то другое. Во сне вы воспринимаете это как само собой разумеющееся; вы не видите никакой несогласованности, никакого противоречия. Вопрос, как человек может превратиться в животное, даже не возникает, потому что у сна нет логики; для него еще не нашлся Аристотель. Во сне вы не можете сказать, что если А это А, то оно не может быть Б; или что если А это А, оно не может быть не А. Во сне А может быть не А, а не А может стать А. Нет ни законов, ни установленных соответствий, и ничто не кажется противоречивым. Итак, существуют области, полностью лишенные логики, но которые, тем не менее, являются частью вас. Или лучше было бы сказать, что вы являетесь их частью, потому что в действительности они больше вас.

Когда противоречия не воспринимаются как противоречия, скучно не бывает. Вы когда-нибудь скучали во сне? Если между рациональным и иррациональным установлено равновесие, скуки нет. Каждый момент наполнен блаженством. Каждый момент приносит блаженство сам по

себе, иначе жизнь становится грузом. Но жизнь не ответственна за это, ответственны только мы, потому что выбор всегда остается за нами.

Глава 6

Религия: предельная роскошь

Почему сейчас западные общества проявляют такой интерес к индийской религии?

Я считаю религию предельной роскошью. Религия приобретает значение, только когда общество становится богатым. А сейчас большая часть мира далеко не бедна. Америка, в частности, является первым обществом в истории человечества, достигшим такого богатства. Чтобы быть религиозным или интересоваться высшими вопросами жизни, необходимо сначала удовлетворить все низшие желания и нужды. Поэтому, с моей точки зрения, бедное общество не может быть религиозным. Индия была религиозной, только когда она действительно процветала. Во времена Будды, к примеру, Индия была такой же, как Америка в наши дни. В те времена Индия была богатейшей страной. Религия, которая существует в Индии сейчас, это просто то, что осталось с тех пор.

Между религией бедных и религией богатых есть существенное различие. Бедный человек интересуется религией от безысходности. Даже если он молится богу, он молится о финансовом благополучии, фундаментальные вопросы перед ним не стоят. Так что Маркс в какой-то степени прав, говоря, что религия — это опиум для народа. Он абсолютно прав в отношении бедных людей: они не могут удовлетворить свои основные жизненные потребности, поэтому заменяют их молитвой и медитацией, йогой и религией. Но богатые люди живут совершенно в другом измерении. Они ищут не финансового благополучия, они ищут смысл жизни.

Кришна, Махавира, Будда, двадцать четыре джайнских *тиртханкары*, двадцать четыре индуистских *аватара* — все они были людьми богатыми, рожденными в королевских семьях, сыновьями царей. В Индии не было ни одного бедного аватара. А Иисус был беден, поэтому он и был распят. Сына бедного человека очень легко подвергнуть мучениям.

Был ли Иисус аватаром?

Индуисты не считают его аватаром. Но у них странный критерий. Последователи Ганди считают Ганди аватаром, последователи Рамакришны считают аватаром Рамакришну. Аватаров полно, но вопрос не в этом.

В индуизме двадцать четыре аватара; двадцать три уже пришли, и одного еще ждут. У буддистов и джайнов также двадцать четыре будды и тиртханкары. Все они сыновья царей; никто из них не был беден. В этом состоит одно из различий между индуизмом, джайнизмом, буддизмом и христианством: христианство по-прежнему остается религией бедняков.

Поэтому христианство не достигло больших высот. Если сравнить священное писание индуистов, Упанишады, с Библией, Библия покажется убогой и детской. Слова те же самые, опыт в определенной степени тот же самый, но все-таки христианство — это религия. Религия как организованная структура и мистический опыт — это две разные вещи.

Да, но одинаковы индивидуальные духовные переживания. Сейчас речь идет не об отдельных мистиках, а об обществе в целом. Я говорю о том, что бедный человек может стать мистиком, но бедное общество не станет религиозным. Богатый человек не обязательно религиозен, но в богатом обществе непременно возникает интерес к религии. Как только общество становится богатым, возникают проблемы следующего порядка. Они касаются не физического тела или физических потребностей; они психологические.

Если болеет бедный человек, его болезнь в большей или меньшей степени вызвана непосредственно телом. Если болеет богатый, его болезнь скорее вызвана умом. Америке сейчас все нужнее становятся психологи и психоаналитики, потому что в этой стране огромное

количество сумасшедших. Американские психологи утверждают, что, по крайней мере, трое из четверых американцев не в себе, психически нездоровы.

Потребности ума появляются только тогда, когда удовлетворены потребности тела. Религия — это потребность ума. Именно поэтому животные могут жить без религии, а человек не может, — благодаря уму.

Если вы богаты, ваш интерес на девяносто девять процентов обращен к уму. Хотя отдельно взятый богатый человек может не быть религиозным, а отдельно взятый бедный человек может быть религиозным, но в целом в бедном обществе религия может существовать лишь как замена экономического богатства. Молитвы бедняков не истинны, потому что нацелены на то, чтобы что-то потребовать, что-то получить.

Америка в религиозном плане скоро станет очень важной и значимой страной, — Америка и все другие страны, которые с каждым днем все богатеют и богатеют. В ближайшем будущем коммунизм будет процветать в бедных странах, а религия будет процветать в богатых. В бедных странах у религии нет будущего. В ближайшие двадцать лет все они обратятся к коммунизму.

Китай был религиозной страной; Россия была религиозной страной, религии в них было не меньше, чем в любой другой стране. И они умудрились истребить религию всего за десять лет! Китай был буддистской страной — у даосизма и буддизма там глубокие корни.

Но правительства Китая и России были против религий. Едва ли это случится в Индии.

Дело не в этом. Не важно, поддерживает правительство религию или нет. Ситуация в Индии такова, что религия там не может обрести большую значимость. В бедной стране, какую бы форму это ни принимало, — можно называть это социализмом или как-то еще — религией неизбежно будет коммунизм. Но в России в ближайшие двадцать лет религия вновь обретет свою значимость. Россия же не бедная страна, а когда общество становится богатым, интереса к религии не избежать. Это исключено.

Правильно ли отдавать право на религию только богатым?

Для меня это не вопрос правильного или неправильного, это вопрос соответствия ситуации. Больной человек пойдет в больницу, а здоровый не пойдет. Так что бедную страну неизбежно привлечет коммунизм. Просто таков ход истории — в некотором смысле, это неизбежно. Точно так же богатую страну неизбежно привлечет религия.

В России за последние десять или пятнадцать лет ситуация изменилась. Теперь у них самое большое в мире количество ученых-исследователей, работающих над исследовательскими проектами в области парапсихологии. И их открытия удивительны!

Так что это не вопрос правильного и неправильного, просто таков естественный ход развития истории. Со временем коммунизм приносит определенный достаток; тогда религия становится значимой.

Не обусловлено ли это потребностью человека в новизне?

Новым интересуются только молодые. Старики так много вложили в старое, что уже не могут интересоваться новым. О будущем думает только молодежь, не старики. Прошлое — вот удел стариков; будущее — удел молодых. Поскольку молодым предстоит жить в будущем, они больше заинтересованы в новых разработках, в новых открытиях.

Молодые люди всегда не удовлетворены — всегда. Неудовлетворенность живет у них в самом сердце; иначе они не были бы молодыми. Если бы романтический дух был в них полностью удовлетворен, они были бы не просто старыми, но уже мертвыми. Но молодые всегда испытывают недовольство, неудовлетворенность, им присуща внутренняя неугомонность. Это хороший знак. Благодаря этой внутренней неугомонности они готовы двигаться в новые измерения.

Почему в наши дни молодежь так мятежна?

Причин много. Одна из них — всеобщее образование: впервые в истории молодежь всего мира образована. А для образованного ума старый порядок выглядит абсурдным и устаревшим, — конечно, он коренится в прошлом, но у него нет будущего.

Во-вторых, мировой научный прогресс и научное образование молодежи в самой своей основе предполагают обучение сомнению. А поскольку все старые культуры и цивилизации основаны на вере, возникает расхождение. Молодежь учится сомнению, а все религии и культуры требуют веры, совместить это невозможно. На самом деле, молодежь сейчас находится в поисках веры, которая могла бы быть научной; веры, которая была бы настолько живой, что допускала бы сомнения, не боялась бы сомнений.

Жизнь сложна, и все в ней имеет свою полярную противоположность. Ученый начинает с сомнения и заканчивает верой, в то время как религиозный человек, — религиозный человек прошлого, — начинает с веры: это единственное различие. И с моей точки зрения, вера, которая начинается с сомнения, глубже, потому что она не боится сомнения.

Сомнение не направлено против веры, это путь к вере; сомнение может быть использовано как инструмент. Если вы сомневаетесь правильным образом, вы придете к вере. И тогда ваша вера будет обоснованной; это не будет слепое убеждение.

В-третьих, мир стал единым. Он настолько сблизился, что местные традиции больше не могут сохранять статус кво. Нам нужны единая культура, единая цивилизация, а то, что мы имеем, — это множество культур, множество цивилизаций, и это создает путаницу.

Когда-то каждый жил в своем собственном частном мире. Индуист был индуистом и не знал ничего другого. Он даже и представить себе не мог, что существует какой-то другой путь. Теперь люди знакомы со многими альтернативами; в мире открыты многие двери. Никто уже прочно не укоренен в местной культуре, и это порождает неуговорность. В некотором роде, мы вырваны из автономных традиций с корнем и должны построить мировую культуру.

Но прежде чем мировая культура сможет родиться, местные культуры должны погибнуть. Вот почему современная молодежь кажется мятежной. На самом деле, это не молодежь мятежна, мятеж возникает в сопротивлении старого порядка новому миру.

В-четвертых, впервые в истории создано атомное оружие. Теперь существуют две возможности: либо мы научимся жить вместе, либо мы вместе умрем, — всемирное сообщество или всемирное самоубийство. Из-за возможности мировой атомной войны молодежь беспокойна, ее будущее кажется неясным. Возможно, что нет никакого будущего, — атомная война может начаться в любой момент, быть может, времени на то, чтобы жить, не осталось — так что текущий момент становится очень важным.

Существует глубокая взаимосвязь между осознанием времени и беспокойством: чем больше общество осознает время, тем более беспокойным оно становится. Но если общество не обладает сознанием времени, оно всегда довольно. На Востоке мы веками жили в полном удовлетворении только благодаря теории реинкарнации. «Время бесконечно. Потеряв жизнь, ты ничего не теряешь». Но в христианстве есть только одна жизнь: «Время быстротечно, а человеку так многого хочется». Времени так мало, что вы становитесь беспокойными.

С угрозой ядерной войны для надежд на будущее нет времени. Кажется, что в любой день вся планета может быть уничтожена. Впервые молодежь больше заинтересована настоящим моментом, — прожить его, насладиться им, — потому что кажется, что будущего не будет.

Таковы причины. Но, на мой взгляд, все они являются хорошими знаками, потому что благодаря им мы можем создать новый мир, может даже родиться новый образ мышления. Призыв хиппи звучит здорово:

«Занимайтесь любовью, а не войной».

Это прекрасно! После 1984 года мира либо не будет вообще, либо будет совершенно другой

мир. И я надеюсь на последнее.

Почему большинство методов медитации людям больше не помогают?

Существует множество методов медитации, и каждый метод имеет значение для определенного склада ума. И есть также определенные методы, которые важны в определенный временной период.

Все традиционные методы в основном являются тихими. Динамическая медитация тоже заканчивается тишиной, но начинается — с катарсиса; в наше время умы нуждаются сначала в глубоком катарсисе, только тогда они могут стать тихими.

Этот метод необходим лишь потому, что современный ум — христианский или нехристианский, индуистский или неиндуистский — является продуктом жесточайшего подавления желаний, мыслей, инстинктов... всего. Веками мы жили с крайне репрессивным отношением к жизни. Сначала это подавление должно быть отброшено, только тогда вы сможете проникнуть в свой центр.

Так что мой метод в некотором отношении нов — не по результатам, а по методологии. Сначала вы должны избавиться от безумия; только тогда вы сможете исследовать свой внутренний мир.

Какова твоя концепция саньясы?

Моя концепция саньясы полностью отличается, или, скорее, противоположна старой, традиционной. Старая концепция саньясы — это концепция отречения от мира. Моя идея заключается просто в принятии нового внутреннего отношения к жизни, без внешнего отречения. Вы остаетесь в мире, вы продолжаете работать, как работали, но теперь вы не относитесь к этому серьезно. Теперь это просто игра. Вы просто играете роль в драме, вот и все.

Нет никакой необходимости в отречении, я не сторонник отречения, потому что если вы не вовлечены в мир, не отождествлены с ним, вы можете оставаться в нем и быть в то же время вне его.

Так что будьте в мире, но не позволяйте миру быть в вас. Это и есть саньяса.

Глава 7

Секреты ученичества

В чем заключаются отношения гуру и ученика?

Прежде всего, гуру — это не учитель; гуру — это человек, образ жизни которого религиозен. Религия — не информация, ее нельзя выучить, религия — это способ жизни. Само присутствие гуру — это причастие. И тому, кто живет рядом с гуру, нечто передается, хотя и не через слова. Эти отношения так глубоки, что напоминают не столько учителя и ученика, сколько возлюбленного и любящего.

Во-первых, гуру должен быть просветленным, он сам должен достичь истины, потому что гуру не может передавать чужой опыт. Религиозный опыт может быть передан только из первых рук. Учителю не нужно быть предельно осознанным, но гуру должен быть таковым. Учитель может передавать информацию из вторых рук — из писаний или традиций, но гуру — нет. Гуру — это человек, который познал истину. Он — первоисточник; он сам встретился с реальностью, он столкнулся с ней лицом к лицу. И тогда ученик соприкасается со знанием из первых рук, потому что гуру пережил то, о чем он говорит, и то, что он делает.

Во-вторых, гуру не осознает того, что он гуру; он не может это осознавать. Гуру не станет утверждать, что он гуру, подобное утверждение в принципе невозможно. Человек может *знать* только, достиг ли он состояния вне эго; иначе он не может встретиться с истиной. Встреча с истиной происходит лишь тогда, когда эго полностью исчезает.

Я всегда говорю, что в религии, в духовности, бывают только ученики — потому что гуру не

присутствует, он есть лишь само присутствие. Его абсолютно непретендующая, неэгоистическая, непоучающая позиция и его жизнь в истине и есть обучение. Так что человек, который провозглашает себя гуру, — просто учитель, не гуру.

В английском языке нет слова, которым можно было бы перевести слово «гуру», потому что отношения между гуру и учеником чисто восточные. Таких отношений нет в западной культуре и традиции, поэтому на Западе никак не могут понять, что представляет собой гуру. В лучшем случае, они могут понять, что представляет собой учитель.

Отношения между гуру и учеником настолько глубоки... они как любовь. Они полны чувства благоговения, которое переживается как любовь, но с одним отличием: течение энергии в любви происходит на одном уровне, а благоговение направлено к тому, кто наверху, к тому, кто выше. Любовь порождает дружбу, потому что любящий и возлюбленный находятся на одном уровне. Благоговение — это тоже любовь, но с одним существенным отличием: уровни разные, один человек находится выше. Если существует любовная близость с тем, кто выше, автоматически по отношению к нему возникает и благоговение. Но этого никто не ожидает, этого никто не требует.

Существуют только ученики, — потому что они являются учениками сознательно, они решили быть учениками. Гуру не выбирает, он действует. Его действие едино с его образом жизни, так что он учит самым своим действием. Его учение и его образ жизни являются аспектами единого существования. То, как он сидит, стоит, ходит, говорит, молчит — все является обучением. Ученик всегда должен быть готов воспринять то, что исходит от самого существования гуру. Ученик — это тот, кто обладает открытым умом, восприимчивым умом, так что он не столько учится, сколько воспринимает. Вот почему доверие является основной составляющей ученичества.

Когда мы сталкиваемся с неизвестным, логические, рациональные объяснения невозможны. Когда мы сталкиваемся с неизвестным, нами может руководить только доверие. Если я скажу что-нибудь об известном, вы можете обсудить это со мной, потому что вы тоже это знаете. Мы можем об этом спорить, мы можем об этом рассуждать, — возможен диалог. Но если я говорю о том, что вам абсолютно неизвестно, тогда диалог невозможен, и не может быть никакой дискуссии. Вы не можете подойти к неизвестному рационально, потому что разум действует только в сфере известного.

В тот момент, когда приходит неизвестное, разум бесполезен, бессмысленен. Размышлять о неизвестном абсурдно, как можно размышлять о неизвестном? Это как если бы вы были слепы, а я говорил бы вам про свет. Вы можете только поверить в то, что я говорю, — другой возможности нет.

Отношения между учеником и гуру — это отношения глубокого доверия. Я говорю не о слепой вере; гуру никогда не ожидает, чтобы вы в него верили, такого ожидания нет. Но сама природа неизвестного такова, что без доверия вы не сможете продвинуться вперед ни на шаг. Ученику доверие необходимо, потому что он не сможет сделать ни одного шага в неизвестное, не доверяя гуру. Неизвестное темно, это неизведанное пространство, это не блаженство, это не предельное — и гуру всегда говорит: «Прыгни в него! Сделай это!» Но для прыжка необходимо доверие, без доверия вы не прыгнете. А знание может прийти только через прыжок.

В науке сначала появляется гипотеза, а затем начинают проводить эксперименты. Гипотеза означает предварительное мнение. Если эксперимент подтверждает гипотезу, она становится истиной, а если эксперимент опровергает ее, она объявляется ложью. Но без гипотезы, без предварительного мнения экспериментов не проводят.

В религии то же самое: так же как в науке сначала нужна гипотеза, в религии сначала нужно доверие. Однако между научным отношением и доверительным отношением существует большая разница. Человек может гипотетически верить в научное предположение и все-таки

относиться к нему скептически. Ни о каком благоговении речь не идет, потому что дело касается объективного явления: вы можете провести эксперимент и посмотреть, что получится. Но в религии гипотетической веры недостаточно, потому что вы имеете дело не с объективной проблемой, которая находится вне вас. Вы имеете дело с самим собой, а это субъективное явление. Вам придется быть вовлеченным, преданным. Вам предстоит эксперимент не с внешними объектами, вы сами *будете* экспериментом. Вам придется совершить прыжок и самим стать экспериментом. Для этого нужно огромное доверие.

Итак, отношения между гуру и учеником — это отношения огромного доверия, глубокой любви, благоговения. Но этого никто не требует. Требования приводят к эксплуатации, принуждение является насилием, никто не должен навязывать себя другому. У гуру есть согласие ученика, ученик просто позволяет гуру работать.

Но часто бывает так, что ученик не согласен, а гуру принуждает его к чему-то. Тогда все становится бессмысленным. Когда гуру пытается что-то навязать, это калечит, разрушает, убивает, потому что является насилием по отношению к эго другого человека. Но если ученик согласен, если он выражает полное доверие гуру — если это не навязано, если это его добровольная капитуляция, — тогда происходит великая трансформация: капитуляция трансформирует ученика.

Это очень решительный поступок: сдаться другому человеку полностью, тотально. Нужна не столько вера в другого человека, сколько вера в самого себя. Вы не можете сдаться, если вы не достаточно уверены в своем решении, потому что это великое решение — тотальное и безусловное. Когда ученик сдается, вовлекается его воля, и из его воли вырастает решение. В результате капитуляции ученик становится кристаллизованной личностью, потому что его решение велико и тотально, абсолютно и безусловно.

Сдаться на каких-то условиях нельзя; в отношениях с гуру не может быть никаких условий. Вы не можете сказать: «Если ты будешь делать так, то я сдамся». Это не будет капитуляцией. Нет никаких «если» — вы сдаетесь полностью. Вы говорите: «Делай, что хочешь. Я в твоих руках. Скажи мне прыгнуть в стену, и я прыгну!»

Само решение тотально сдаться трансформирует и кристаллизует. Позиция ученика — это всегда позиция полной капитуляции. Теперь у гуру есть возможность сделать все, что потребуется. Благодаря вашей абсолютной восприимчивости вы становитесь с ним связаны. И тогда постепенно вы меняетесь.

Это очень тонкое дело, очень деликатное. Изменение живого существа, трансформация человеческой личности — это величайшее, труднейшее, деликатнейшее дело. Человеческая личность так сложна, находится в таком конфликте, в ней столько всего подавлено и извращено, что изменить ее, помочь ей расцвести в экстазе, превратить ее в достойный подарок божественному — это величайшее искусство и наука из всех возможных.

Но помните: то, о чем я говорю, должно исходить от ученика — никогда от гуру. Если это исходит от гуру, то Кришнамурти прав: «институт гуру» является одним из наиболее тонких и деструктивных видов эксплуатации. Но Кришнамурти, на самом деле, ошибается, потому что капитуляция никогда не была требованием гуру; это основное условие ученичества. Без гуру или без доверительных отношений очень трудно развиваться духовно. Фактически, это невозможно.

По сути, человек может расцвести и без всякого гуру, но он тоже должен будет сдаться, должен будет довериться, если не отдельному человеку, то целому. Основные условия должны быть выполнены. А в отношении отдельного человека или чего-то другого, уже не важно.

Человеку доверять проще, чем вселенной. Если вы не можете доверять человеку, вы никогда не сможете доверять существованию. Если вы не способны сдаться в личных отношениях, вы никогда не сможете сдаться безличной божественности. Так что гуру является

шагом в сторону безличного, способом помочь вам прийти к капитуляции перед целым, перед существованием.

Для человеческого ума все отношения являются личными. Будь то любовь, будь то уважение или что угодно еще, отношения будут личными. Так что первый шаг на пути к познанию истины или космического бытия также непременно должен быть личным. Кого-то нужно использовать в качестве трамплина.

И есть также и кое-что еще...

Многое из того, что в духовном измерении имеет значение, невозможно передать словами. Духовность сама по себе невыразима. Так же как нельзя передать словами музыку. Вы можете использовать оценочные слова — хорошо, плохо, — но они не передают самой музыки. Вы можете передать только свои чувства, и то очень неадекватно.

Или вот вы увидели цветок и говорите, что он красив. Но слова не передают саму красоту цветка. Ваши слова не могут выразить то, что действительно происходит, потому что для человека, к которому они обращены, они могут означать все, что угодно. Человек, который никогда не обращал внимания на красоту, на цветы, будет слышать и воспринимать ваши слова, но совершенно ничего не поймет, потому что слово «красота» для него ничего не значит.

Многие категории, такие как красота, трудно выразимы, мы можем лишь пытаться их выразить. А духовное так совершенно, так безмолвно, так бесконечно, что язык может его вообще разрушить. Слова описывают духовное настолько узко, настолько бедно, что теряется весь смысл. Вот почему я говорю, что религии нельзя научить.

Научить можно математике, как бы это ни было трудно, потому что математика символична, а символы передавать легко. Можно научить физике, потому что в ней нет ничего невыразимого. Но чем ближе вы подходите к человеческой душе — например, в поэзии, — тем острее вы чувствуете, что ваши слова не передают сути, что остается невысказанное. Сосуд есть, но содержимого нет. Слова сказаны, но смысл потерян. Цветок передан, но аромат исчез.

Слова находятся посередине между наукой и религией. Научный язык точно описывает все явления науки; религию описать совершенно невозможно. Вот три дороги: наука опирается на интеллект и полностью может быть выражена словами; поэзия и искусство опираются на эмоции, которые могут быть переданы точно лишь до определенной степени; и абсолютно невыразимая религия, духовность. Вот почему отношения между гуру и учеником не могут быть отношениями учителя и ученика.

Религии невозможно обучиться.

Тогда как же она передается? Существуют другие методы.

Когда вы влюблены в кого-то, даже жесты обретают значение. Вы замечаете малейший отпечаток боли на любимом лице, вы распознаете и понимаете малейшее колебание в глазах. Если вы не влюблены, вы не обращаете внимания на такие мелочи; вы просто видите лицо, но вы не воспринимаете всей его сложности, не замечаете его постоянно меняющихся очертаний. Вы смотрите на лицо как на внешний объект, вы не улавливаете сути его выражения. Но если вы кого-то любите, то его лицо уже не просто какой-то облик, а живая структура. Вы можете разглядеть мельчайшие детали и уловить тончайшие изменения в выражении лица любимого. Вы можете раньше возлюбленного заметить, что с ним что-то происходит, что он что-то почувствовал.

А благоговение еще тоньше любви. Само существование гуру — учебник. Своим существованием он постоянно передает послания, которые благоговейный ум улавливает, распознает, расшифровывает и понимает. Эти жесты, эти живые жесты — своего рода язык.

Связь становится еще глубже, когда отношения созревают. Когда ученик достигает расцвета в ученичестве и полностью понимает значение слов и жестов своего гуру, он готов: теперь

возможна безмолвная связь, связь без жестов, без каких-либо лингвистических символов. Такая телепатическая связь составляет секрет этих отношений. Это самый сокровенный канал передачи истины между гуру и учеником. Только когда это становится возможным, ученик принят. И тогда уже ни время, ни пространство не имеют значения. Где бы ни находился ученик, ему может быть передано послание.

Этого времени нужно ждать терпеливо. Это великое ожидание. Когда дело касается духовного обучения, ни в коем случае нельзя спешить, потому что торопливый ум не может достичь нужной глубины, не может быть безмолвным. Ученик не должен в спешке поглощать знание, ученику следует ждать подходящего момента — в доверии, в ожидании, в подготовке себя.

Западным людям трудно понять, почему ученик должен служить гуру. «Почему он должен быть слугой?» Они не знают, что служение — это способ приобщения. Когда ученик служит гуру, когда он ждет и служит, разделение исчезает, ученик становится с гуру единым. Тело гуру и тело ученика тогда уже не два разных тела. Ученик чувствует боль гуру, болезнь гуру. Он чувствует удовольствие гуру и его экстаз. Постепенно ученик оказывается полностью поглощенным гуру. В результате погружения в тело гуру, в его физические ощущения ученик становится с ним единым. Вы не можете стать едиными духовно, если вы не близки, не едины на уровне тела; тело — это основа.

Ученик служит гуру и никогда не задает никаких вопросов. Это удивительно! Он никогда не скажет: «Научи меня тому или этому», — потому что даже произнести такие слова — значит выказать гуру недоверие. Когда будет подходящий момент, ему скажут, когда будет подходящий момент, его научат. А пока не настал подходящий момент, ученик будет просто ждать. Иногда он может ждать годами — даже в наши дни. Может пройти двадцать лет, а он будет просто ждать. Может быть, он пришел молодым, а теперь он уже старик — но он все еще ждет! Само ожидание, само терпение создает ситуацию, в которой гуру и ученик не разделены; они одно. В тот момент, когда они становятся одним, невыразимое может быть передано.

Витгенштейн как-то сказал, что то, что не может быть сказано, может быть показано. Чтобы сказать, никакого терпения не нужно, но чтобы показать, необходимо большое терпение. Если я хочу вам что-то сказать, я могу сказать это прямо сейчас. От вас не требуется ни подготовки, ни терпения. Я могу сказать вам нечто, и вы это услышите. Но если я хочу вам что-то показать, вы должны будете как следует подготовиться, чтобы это воспринять. Я не могу ничего вам передать, если вы не обладаете способностью видеть.

Обычно гуру ничего не говорит, но пытается что-то показать; и если ученик осознан, тогда все само собой проявляется. На самом деле, ясность присутствует всегда, но в ваших умах столько хаоса... и беспорядочный ум все переворачивает с ног на голову. Пока дело касается мирских вещей, вы не можете исказить их слишком сильно, потому что они объективны и не слишком зависят от вашего ума. Но духовное настолько субъективно, настолько зависит от вашего видения, что перегруженный ум может неправильно понять и разрушить что угодно.

Особенный урон наносят накопленные вами знания. Ваш ум узнал и накопил слишком много, этот багаж вмешивается и искажает реальную картину; на пути к истине оказывается старый хлам.

То, что вы переживаете, не должно интерпретироваться. Все новое должно рассматриваться свежим умом. Если вы способны отложить свои знания в сторону и непосредственно, прямо смотреть на вещи, то все всегда будет ясно. Существование настолько невинное, чистое и ясное, настолько кристально ясное, что удивительно, как человеческому уму удастся так блуждать. Путаница возникает в результате интерпретации, в результате попыток понять неизвестное с помощью того, что уже известно.

Если мы можем быть полностью осознанными в отношении всего нового, если мы можем стать восприимчивыми и осознанными к присутствию нового, тогда оно проникает прямо в сердце. То, что я скажу, может показаться абсурдным, но это истина. Ум не умеет понимать, понимает только сердце. Понимание никогда не происходит в уме, понимание всегда исходит из сердца. Сердце всегда чисто, свежо и девственно. Сердце не обременено прошлым. А ум не бывает девственным, не бывает новым; он всегда стар. Он всегда в дружбе с прошлым, он всегда мертв — коллекция отжившего опыта. Поэтому, когда работает ум, ваше понимание всегда неправильно — это неизбежно. Но когда он замолкает, когда он спокоен, молчалив, выключен, когда есть только осознанность — возникает пауза, и тогда дверь к сердцу открыта.

Сердце не интерпретирует; его понимание прямо и непосредственно. Вы просто понимаете, вы видите, вы ЗНАЕТЕ: «Это так». Это состояние вне ума и есть то, что я называю медитацией. Если вы можете воспринимать вещи сердцем, если вы можете соприкоснуться с существованием через сердце, вы в медитации; но если вы всегда живете одним только умом, вы никогда не будете в медитации.

Можно сказать, что сердце — это способность к медитации, а ум — это способность, противодействующая медитации; и эти способности не могут проявляться одновременно. Если работает ум, сердце молчит. Невостребованное, оно уходит в тень и засыпает. Только когда ум замолкает, сердце раскрывается, чтобы дышать, чтобы смотреть. Оно приходит, только когда ум выключен, когда ум отброшен. И в тот момент, когда сердце соприкасается с экзистенциальным, вы испытываете экстаз, блаженство. Все становится божественным. Все *и было* божественно, но теперь вы это чувствуете.

Когда сердце соприкасается с миром, мир становится божественным; когда с миром соприкасается ум, мир проявляется как материальный. Ум может работать, познавать только в пределах материи, а сердце не знает ничего, кроме духовности. Вот почему люди, ориентированные на сердце, говорят, что мир нереален, иллюзорен, что он — *майя*, просто волшебная игра. Для этого есть основания: поскольку сердце не может выйти за пределы духовного, оно не способно познать материальное. Материальный мир кажется сердцу иллюзорным, нереальным, призрачным — как будто его нет.

А те, кто ориентирован на ум, отрицают духовное. Они говорят, что это фантазия, вымысел, на самом деле никакой духовности не существует. Есть только материя; ничего духовного нет: духовное иллюзорно, призрачно, глупо. У Ницше где-то сказано:

«Некоторые говорят, что Иисус был гением, мудрецом. Но я сказал бы, что он был скорее идиотом!»

Для человека, который смотрит на существование из ума, все, что идет из сердца, кажется идиотским.

Восток всегда был ориентирован на сердце; Запад был ориентирован на ум.

Западный ум смог создать великую научную систему, но восточный ум не смог — как можно создать науку из невинности? Это невозможно. Поэтому Восток всегда жил ненаучно.

Но зато Запад никогда не знал, что такое медитация. В лучшем случае там могли молиться. Но молиться — это не то. Молиться можно с помощью ума; можно продолжать повторять заученные слова. Вне ума молитва безмолвна. Вне ума вы не сможете молиться, как вы будете молиться без слов? С сердцем можно быть просто молитвенным.

На Западе так и не смогли развить духовную науку, не смогли развить медитацию. Медитацию там превращают либо в концентрацию, либо в размышление, — но она ни то, ни другое, — и, таким образом, упускают суть.

Концентрация — это ментальный процесс. Когда ум сконцентрирован, и весь мыслительный процесс сфокусирован на чем-то одном, это становится размышлением. Это уже не вопрос

сердца.

Медитация не является ни размышлением, ни концентрацией. Это не ментальный процесс, это существование вне ума. Это общение с миром без помощи ума. В тот момент, когда ум отсутствует, между вами и существованием, между вами и божественным нет никаких преград, потому что сердце не умеет устанавливать границы, не умеет давать определения. Классифицируя, ум создает преграды, границы, ограничения. Но с сердцем существование становится безграничным. Вы нигде не кончаетесь, и нигде не начинаетесь. Вы повсюду, вы едины со всем существованием.

Сердце не способно воспринимать двойственность; двойственность — это порождение ума. Ум разделяет, анализирует; он не может работать без разделения. Вот почему наука продолжает исследовать молекулы, атомы, электроны, разделяя существование на все меньшие и меньшие части. Чем больше разделений, тем спокойнее ум, потому что существование для него становится более определенным, им можно управлять, можно его изучать. Но чем обширнее кажется вселенная, чем более величественной и бесконечной она себя проявляет, тем сильнее ум охвачен страхом. Он не может классифицировать, познать существование, оно — величайшая тайна.

Научный метод разгадки тайн — это анализ: вы что-то анализируете и находите решение. Если весь мир можно было бы подвергнуть анализу, в нем не осталось бы ни одной тайны. Но тайны существования остаются неразгаданными, потому что для их постижения нужен синтез.

Когда вы откладываете в сторону все определения, когда вы забываете про все ограничения, мир вокруг оказывается таинственным. Тогда вы становитесь частью тайны, тогда все божественно. В этом единственное решение и единственный способ познать существование. Отбросьте научные определения, и возникнет мир без определений, без границ: синтезированная целостность, органическое единство, кристаллизованная общность. Эта целостность и есть то, что я называю богом.

Медитация — это способ познания божественного. Ум — это способ познания материи. Ум и медитация — полные противоположности, совершенно разные измерения. Вы не можете быть одновременно в двух измерениях. Вы можете находиться в уме, но тогда сердце не будет работать. Вы можете пребывать в сердце, но тогда не будет работать ум. Вы можете использовать и то и другое, но не одновременно; это полярные противоположности.

Без медитации все рационально, и все же абсурдно, потому что бессмысленно. В медитации все иррационально, но наполнено смыслом. А когда жизнь наполнена смыслом, жизнь *есть*. Когда в ней нет смысла, даже если она рационально обоснована, но бессмысленна, ее нет. Ее энергия мертва. В этом и состоит парадокс: ум понимает, но теряет смысл; у сердца нет способности понимать, но оно знает, чувствует, осознает смысл.

С помощью ума можно все классифицировать и всем управлять, но в результате ваша жизнь совершенно утрачивает смысл, из жизни исчезают тайны. Как только ум все понял, остается только покончить с собой, потому что никто не может жить без тайны. Чем в большей мере жизнь является тайной, тем больше она стоит того, чтобы жить.

Религия — это метод познания тайны, не разрушающий ее. Религиозный метод познания не логический и не рациональный; он абсолютно восприимчивый. Но наш ум при этом оказывается в затруднении, потому что мы так одержимы рассудком. Такая незначительная наша часть — рассудок — стала для нас целым, стала для нас всем.

Жизнь не рациональна; она в своей основе иррациональна, и эта иррациональность жизни и существования и есть тайна. Если все кажется вам таинственным, значит, здесь и сейчас вы едины с божественным. В медитации тайна оживает: вы вновь приходите в соприкосновение с таинственным.

Медитация принадлежит сердцу, а у сердца свои методы познания, совершенно отличные от интеллектуальных, совершенно отличные от умственных. Я хотел бы, чтобы вы познали сердцем как можно больше.

Отношения гуру и ученика — это понимание сердца. У Востока так много тайн, но чтобы открыть тысячи и тысячи замков, достаточно одного ключа. Отношения между гуру и учеником — такой ключ.

Глава 8

Бог — это само существование

Существует ли на самом деле бог? Если он существует, то как в мире может быть столько зла и порока?

Бог — это мифическое слово, слово-фетиш, которое изобретено духовенством. На самом деле, спрашивать, существует ли бог, абсурдно. Для тех, кто знает, бог — это и есть существование, или существование — это и есть бог.

Существуют вещи, а не бог. Можно сказать, что стул существует, потому что стул может сломаться. Говорить, что стул существует, имеет смысл, потому что возможно, что его не будет.

Бог — это само существование, сама бытийность. Если мы говорим, что бог существует, мы из слова «бог» нечто создаем, и тогда бог становится вещью. Но бог — это не вещь и не человек. Вот почему он не несет никакой ответственности. Ответственность возникает только тогда, когда есть личность, когда есть некто, кто может быть ответственным.

Бог — это не личность, он — чистое существование. Просто само это слово вводит в заблуждение, потому что слово как будто бы указывает на некую персону. Лучше использовать слово «существование». Тотальность существования и есть бог.

Так что нельзя спросить, существует ли бог. Это все равно что спрашивать, существует ли существование. В такой форме — существует ли существование — вопрос становится абсурдным. Очевидно, что существование существует; в этом нет сомнений. Если бы не было существования, не было бы и вопроса, так же как и того, кто спрашивает.

Я хотел бы пояснить, что когда я говорю «бог», я имею в виду существование как таковое. Бог — это не вещь среди других вещей, бог — это совокупная вещественность. Сказать, что стол существует, это то же самое, что сказать, что стол есть бог. Сказать, что вы существуете, это то же самое, что сказать, что вы есть бог. Бог — это существование. Бог — это бытийность, качество бытийности, качество существования.

Прежде всего, бог — это не вещь. Во-вторых, бог — это не личность, потому что целое не может быть личностью. Личность — это взаимоотношения. В одиночестве, в полном одиночестве, вы не будете личностью, вы будете существованием. Вот почему люди, которые ищут божественное, обычно уходят в уединение. Таким образом они могут перестать быть личностью и обрести единство с существованием. Одиночество, абсолютное одиночество, является шагом к прыжку в бездну существования.

Бог — это не личность, потому что нет никого другого, никого, от него отличного. Бог не может сказать «я», потому что нет никого, кто существовал бы для него как «ты». Он ни с кем не может быть связан. Он — целое, поэтому все отношения находятся внутри него и не могут быть вне него.

Таким образом, если бог не личность, то не может быть и речи ни о какой ответственности. Если зло существует, оно существует. Бог за это не ответственен. Целое не может быть ответственно за это.

Ответственность предполагает, что есть личность, которая может быть ответственной. Четырехлетнего ребенка не поведут в суд, потому что он еще не личность и поэтому не может

нести ответственность за то, что он делает. Он настолько невинен, что в нем нет еще даже чувства личности, чувства эго. Он нисколько не ответственен, потому что ответственность появляется вместе с эго. У существования нет эго, у бога нет эго, поэтому вы не можете возложить на бога ответственность за какое бы то ни было существующее зло.

Но человеческий ум очень изобретателен. Сначала мы изобретаем бога как личность, а затем возлагаем на него ответственность за то, что происходит. И здесь начинаются проблемы. На самом деле, это не проблемы, а всего лишь лингвистические заблуждения. Если вы называете что-то «целым», «существованием», вы не можете возложить на это ответственность, но если вы называете что-то богом, тогда вы можете возложить на это ответственность — а изменилось лишь слово.

У существования нет личности, оно безлично. Но если бога сделать личностью, то можно у него спрашивать: «Почему зло существует?» Вся игра разыгрывается в вашем уме, бог в ней не участвует. Давая существованию имя, личное имя, вы создаете проблемы. Но это не настоящие проблемы, это созданные проблемы, вы изобрели их сами.

Бог означает существование. Я не могу сказать, что бог существует, потому что это тавтология. Это то же самое, что сказать: «существование существует», или «поэзия — это поэзия». В этих словах нет смысла, они ничего не определяют, ничего не проясняют, ничего не объясняют, а просто повторяют сами себя.

Для меня бог — это существование, а существование безлично. Иначе и быть не может, потому что целое не может быть личностью. Как это возможно? В противоположность кому оно может быть индивидуальностью, личностью? В противоположность чьему эго оно может создать свое собственное?

В вас формируется эго, потому что существуют другие эго. Психологи говорят, что у ребенка эго развивается гораздо позднее понимания, что вокруг него есть *другие* люди. Сначала ребенок начинает осознавать других, а только потом себя. Эго — более позднее приобретение.

Вы не можете осознать себя, если рядом нет другого. Без другого человека вы не сможете определить, где вы, а где не вы, — ваше определение себя происходит посредством другого. Вас определяет существование других, другие люди делают вас отдельными. Через присутствие других вы приходите к ощущению собственных границ. Рядом с другими вы знаете: «Я здесь, а там меня нет». Тогда вы знаете: «Это тело мое, а то — не мое». Тогда то, чем вы являетесь, четко определено — определено существованием эго других людей. Если бы не было никого другого, вы никогда не осознали бы себя как личность.

Бог не может обрести эго. Он не может сказать «я», потому что нет «ты», он не может обнаружить свои границы. Бог неопределим, потому что определение означает проведение границ, а целое не имеет никаких границ. Целое — это то, что не имеет границ, что безгранично.

Мы не можем представить себе бесконечность — все, что ум может себе представить, конечно. Даже когда мы думаем о бесконечном, мы представляем себе его как что-то очень большое, но конечное. Мы не способны вообразить безграничное существование, но, тем не менее, существование безгранично. Можете вы себе это вообразить или нет, не имеет никакого значения.

Ум не способен постичь неопределимое, потому что уму нужны определения, четко очерченные границы. Именно поэтому бог, существование, не может быть понят умом.

Бог неопределим. Но мы используем местоимение «он» и для обозначения личности, и для обозначения бога. Но когда для обозначения бога мы говорим «он», это вводит в заблуждение, потому что бог тогда предстает личностью. Правда, другого слова нет. Иногда кажется, что лучше было бы назвать бога «это», но поскольку так мы называем неодушевленные предметы, бог тогда превратился бы в неодушевленный предмет. Наш язык не предназначен для выражения

неопределимого, поэтому нам не остается ничего лучшего, как использовать слово «он». Но бог вовсе не личность: бог не-личность, не-эго. И бог не может быть ответственным.

Вы жалуетесь, что существует зло, что существует нужда, но вы обращаетесь не по адресу. Вселенная вам ничего не ответит, потому что непосредственно в существовании зла нет. Зло рождается в человеческих отношениях; оно проистекает из нравственных установок. Например, вы можете называть кого-то безобразным, но в самом существовании безобразного нет, как нет и красоты. Разделение — это свойство человеческой природы, оно не экзистенциально. Определения создали люди: что-то определено ими как красота, а что-то — как безобразное. Вы сами создали разделение, а теперь спрашиваете: «Почему бог создал безобразное?»

Но где критерий, чтобы решить, что хорошо, а что плохо? Если бы на Земле не было людей, разве называлось бы что-нибудь хорошим или плохим? Не было бы ничего хорошего и ничего плохого, потому что разделение на хорошее и плохое — это изобретение человека, разделение, произведенное умом. Если бы на земле не было ни единого человека, разве какой-нибудь цветок был бы безобразным, или какой-нибудь цветок был бы красивым? Были бы только цветы; никакого разделения не было бы.

Вы говорите: «Это добро, а это зло». Но если, например, мать Адольфа Гитлера убила бы его в детстве, было бы это добром или злом? Ее бы объявили преступницей, и она понесла бы наказание. Но сейчас, оглядываясь назад, мы можем сказать, что это было бы самым высоконравственным поступком: убив своего ребенка, она спасла бы миллионы людей.

Будущее неизвестно. Любое действие, любое событие — только фрагмент, кусочек целой картины. Мы не знаем целого и поэтому не можем выносить о нем истинных суждений.

Это как страница, вырванная из романа, — как вы можете судить о романе, прочитав лишь одну страницу? Вы ничего не знаете о романе. У вас в руках только фрагмент — у него нет ни начала, ни конца. Наверняка вы скажете: «Я хотел бы сначала прочитать всю историю. Иначе трудно что-нибудь сказать. Одной страницы недостаточно».

Такие слова, как «хорошее» и «плохое», просто удобны в использовании, утилитарны; они не экзистенциальны. Но мы не можем существовать, не разделяя мир на хорошее и плохое, наше общество может существовать только в этом разделении.

Это нужно ясно понимать. Определения не являются абсолютной истиной, они относительны. Не найдется ни одного такого действия, которое в определенном контексте нельзя было бы счесть хорошим. Хорошее дело может быть плохим в одном контексте, а плохое дело может быть хорошим в другом. Чтобы вынести окончательное суждение, вы должны будете узнать все с самого начала до самого конца — всю картину целиком, увидеть все существование. Но это, конечно, невозможно.

Все наши вердикты о хорошем и плохом, о красивом и безобразном — не более чем правила дорожного движения. Мы должны их создавать, но они не являются непреложными истинами. «Держись правой стороны» или «держись левой» — не имеет никакого значения. Но ни одно общество не может делать и то и другое одновременно: вы должны держаться либо правой стороны, либо левой. Правила имеют прикладное значение, они не естественны и не абсолютны.

Дороге совершенно безразлично, держитесь вы правой или левой стороны, но движение транспорта требует определенных правил. Если транспорта мало, правила не нужны; но чем более сложным становится движение, тем больше нужно правил. В деревне нет нужды в правилах дорожного движения, а в большом городе правила необходимы.

По мере того как общественный строй развивается и становится все более сложным, ему требуются все более ясно обозначенные нравственные правила; иначе жить будет невозможно. Но нравственные правила, любые концепции хорошего и плохого — просто средства, определенным образом служащие обществу.

Спрашивая о причинах существования порока в присутствии бога, помните: бог совершенно ни при чем. Порок возникает по неким причинам, но отвечает за это не бог, равно как и не вселенная. Если и можно на кого-то возложить эту ответственность, так это на нас. Мы создали общество, в котором разложение стало неизбежным, потому что сама основа общества прогнила.

Если не изменить основу общества, порок непременно будет существовать; порок был всегда. Меняются формы, но развращенность остается, потому что общество, в котором продажность была бы невозможной, еще не создано.

Такая ситуация создана нами; бог к ней совершенно непричастен. Она в такой же степени создана человеком, как этот стол, этот диван, этот дом. Вы же не станете возлагать на бога ответственность за этот дом, или за то, что эта комната мала, а не велика, или за то, что окна выходят на запад, а не на восток. Вы ведь не спрашиваете бога: «Почему ты сделал это окно на восточной стене, а не на западной?» Это было бы глупо — вы же знаете, что окно на восточной стене сделал какой-то человек. Вы не спрашиваете об этом бога, поскольку знаете, что он тут ни при чем.

Спросите, почему существует порок, но не ссылайтесь при этом на бога. Сам этот вопрос уместен. Неуместно говорить о боге в связи с пороком. Наше общество создано нами, мы его творцы. И поскольку в его основу заложен неправильный фундамент, поскольку мы выстроили все социальные структуры ненаучно, оно неизбежно будет продажно. Это проблема человека. Мы можем что-то изменить или продолжать в том же духе — но это зависит только от нас.

Например, наше образование ориентировано на амбиции. И все наше общество амбициозно, а амбициозное общество не может быть не продажным. В каждом человеке развиты амбиции, но не каждый способен их удовлетворить. Можно сказать, например, что каждый может стать президентом, но в одно и то же время президентом может быть только один человек. Когда вас учат, что каждый может быть президентом, возникают амбиции: если *каждый* может быть президентом, то почему не я? Но поскольку на самом деле президентом может быть только один человек, начинается безумная гонка. В ход идут любые средства — даже бесчестные.

Амбиции развращают, амбициозный ум неизбежно будет продажным. Амбиции — это семя безумия. И тем не менее, наше образование ориентировано на амбиции. Ваши отцы говорят: «Стань тем-то!» — и возникает лихорадка, вы заболеваете. Президентом может быть только один человек, но тысячи людей, которым не повезло, охвачены амбициями. Они уже не могут быть разумными — они становятся безумным. Из-за того, что создано такое огромное напряжение, вы продаетесь: вы будете использовать любые средства, чтобы достичь своей цели.

Это заразно. Кто-то другой использует бесчестные средства, и вы думаете, что если сами не воспользуетесь ими, то останетесь позади. Так что вам приходится использовать такие же бесчестные средства. Затем кто-то рядом с вами видит, что вы поступаете бесчестно, и ему тоже приходится поступать бесчестно. Это становится вопросом выживания. Но в рамках данной структуры, в рамках данного общества возможно только это. Если вы изучите основы нашего общества, то увидите, что порок является естественным продуктом нашего воспитания, нашего образования, нашего развития.

Наши социальные структуры чрезвычайно сложны, и преуспевающие люди могут скрывать свою продажность. Она заметна только в том случае, если кто-то терпит неудачу. Если вы преуспели, никто не узнает, что вы были бесчестны; все скроет успех. Вам нужно лишь преуспеть, и вы станете примером добродетели, вы станете воплощением всего хорошего, чистого, невинного. Это значит, что вы можете преуспеть каким угодно способом, но вы *должны* преуспеть. А как только вы преуспели, как только вы достигли успеха, все сделанное вами будет считаться правильным.

Вся наша история это подтверждает. Человек считается вором, только если он мелкий вор.

Если он крупный вор, он становится Александром Македонским, героем. Никто не видит, что между ворами нет никакого качественного различия, что различие только количественное. Никто не назовет Александра Македонского крупным вором, потому что мерой добродетели у нас является успех: чем более вы успешны, тем более добродетельны. Средства принимаются во внимание только в том случае, если вы неудачник; тогда вас назовут и бесчестным, и дураком.

Как с такой установкой можно создать непродажное общество? Абсурдно просить человека быть нравственным в такой безнравственной ситуации. В безнравственном обществе отдельный человек не может быть нравственным. Если он попытается быть нравственным, его нравственность сделает его эгоистичным, а эго настолько же безнравственно и порочно, как и все остальное.

Эта ситуация — творение человека. Мы создали общество с безумным стремлением к богатству, к власти, к политике; мы продолжаем поддерживать это, а потом спрашиваем, почему существует порок. Там, где есть амбиции, порок является логичным следствием. Невозможно пресечь продажность, пока не будет разрушена основная структура, которая поощряет амбиции.

Амбиции проявляются даже в обществе так называемых святых. Святые будут побуждать вас к амбициям в проявлении сострадания; они будут говорить: «Стань лучше других. Будь добродетельным, так чтобы ты отправился на небеса и был возлюбленным божьим, в то время как другие будут гореть в аду». Яд амбиций легко может быть использован для того, чтобы сделать человека добродетельным.

Но на самом деле такая добродетель будет притворной. Человек может быть амбициозным и бесчестным — это естественно и логично, но он не может быть амбициозным и добродетельным. Это невозможно. Если человек хочет быть добродетельным, он не должен мыслить в терминах сравнения, потому что цветение истинной добродетели наступает только тогда, когда нет никаких сравнений.

Сравнение мешает добродетели, потому что сравнение создает разделение, создает насилие. Как только вы сказали: «Я смиреннее, чем ты», — вы стали агрессивным. Вы воспользовались тонким, изощренным способом вонзить нож в спину другого. Вы убили его. Это смертельное оружие — причем гораздо более тонкое, чем оружие политиков или капиталистов. Если вы говорите: «Я лучше других, я больший праведник, чем остальные», — ваша цель хоть и отличается от цели политиков, но вы находитесь на том же пути амбиций. Не только преступники и грешники порочны; так называемые добродетельные люди, «святые», тоже порочны — более тонким образом.

Все наше общество порочно. Оно создает грешников с амбициями и святых с амбициями. И они взаимозависимы, потому что находятся на одной оси — на оси амбиций. Человек, который поймет это, полностью выпадет из общества. Он не будет ни грешником, ни святым, он не будет подходить ни под какую категорию, и вам сложно будет оценить, кто он, что он за человек. Нам нужно общество, которое не было бы амбициозным.

Бог здесь совсем ни при чем, но если вы амбициозны, то даже бог станет частью ваших амбиций. Вы будете стремиться к нему, вы будете пытаться достичь бога.

Амбициозный человек не способен постичь божественное. Он никогда не бывает расслабленным, никогда не бывает любящим, потому что амбиции — это насилие. Человек, который не знает, что такое покой и любовь, тишина и умиротворение, никогда не сможет узнать, что такое божественное. Потому что божественное нельзя познать интеллектуально, его можно только почувствовать.

Когда вы спокойны, полностью расслаблены, ни к чему не стремитесь, когда ум тих и пребывает в мире с самим собой, тогда вы знаете, что такое существование. Тогда вы знаете блаженство и красоту божественного. Не ту красоту, которая противопоставляется безобразию;

нет никаких противоположностей, и нет никаких сравнений. Просто мир становится прекрасным, само существование прекрасно. Тогда кактус так же красив, как роза. Тогда каждая индивидуальность прекрасна, несравненна.

Тогда впервые вы начинаете любить. Не той любовью, которая противоположна ненависти. Та любовь на самом деле не любовь, а смягченная форма ненависти, менее интенсивная форма ненависти, ее противоположный полюс: любовь существует на одном полюсе, а ненависть — на другом, и вы постоянно колеблетесь между ними. Ваша ненависть означает меньшую дозу любви. Ваша любовь означает меньшую дозу ненависти.

У вас может возникнуть вопрос, есть ли выход за пределы любви и ненависти... За пределами этой двойственности оказывается тот, кто больше не амбициозен, не напряжен, кто расслаблен, ни к чему не стремится, совершенно ничего не ищет, кто просто существует. Он узнает божественность и одновременно узнает любовь. Любовь — это следствие гармонии вашего существования с бесконечным; она подобна тени, она приходит вслед.

Будда никогда не искал любви; любовь просто пришла к нему. Иисус никогда не думал о любви; он жил любовью. Любовь нельзя искать напрямую — это настолько тонкий аромат, что вы не сможете его обнаружить. Любовь приходит следом за осознанием того, что все едино, словно награда за понимание того, что божественное есть и в ваших друзьях, и в ваших врагах.

Вы не отделены, не отделены от существования, вы — часть всего существующего. Вы слиты с существованием не механически, а органически, подобно тому, как кит органически соединен с океаном и все время един с ним, подобно тому, как моя рука органически едина со мной. Как только вы осознаете это — вы можете познать любовь.

Но это осознание приходит, только если вы не амбициозны. Только не амбициозный ум религиозен. Не имеет значения, в чем заключаются ваши амбиции, — будь то богатство, власть или слава, или даже освобождение, или божественность. Если вы амбициозны, это значит, что ваш ум к чему-то стремится, за чем-то гонится. Он занят достижением, он не хочет быть просто самим собой.

Амбиции — это напряжение, а напряжение препятствует встрече с божественным. Но если встреча произошла, вас больше нет. Встреча с божественным полностью вас очищает, полностью поглощает вас. Только тогда приходит любовь. Смерть вашего эго — это рождение любви.

Обычно мы принимаем за любовь нечто противоположное ненависти. Но тот, кто знает истину, тот понимает, что любовь — это противоположность эго. Истинный враг любви — не ненависть, истинным врагом любви является эго. А ненависть и то, что мы обычно понимаем под любовью, — это две стороны одной медали.

Любовь приходит, когда вас нет, когда нет эго. А эго нет, вас нет, когда вы не амбициозны. Момент отсутствия амбиций — это момент медитации. В момент отсутствия амбиций, когда вы ни к чему не стремитесь, ничего не просите, ни о чем не молитесь, когда вы полностью удовлетворены тем, кто вы есть, ни с кем себя не сравнивая, — в такой момент вы прикасаетесь к глубочайшему источнику божественного. И вы не просто соприкасаетесь с ним, вы погружены в него, вы с ним едины.

Тогда любовь течет. Тогда вы можете быть только любящим — больше вам ничего не остается. Тогда любовь — уже не противоположность ненависти. Нет ни любви, какой мы ее знали, ни ненависти; и то и другое исчезло. Теперь в вас вырастает совершенно другое качество, любовь в совершенно новом измерении.

Теперь ваша любовь — это определенное состояние ума, а не взаимоотношения. Она ни на кого не направлена. Нельзя сказать, что вы кого-то любите, скорее, вы просто любящи. Другого человека нет, возлюбленного нет, вы просто любите все, что приходит в соприкосновение с вами. Вы сами и есть любовь; вы живете в любви. Она стала вашим ароматом.

Даже когда вы одни, любовь остается, аромат остается, словно цветок на пустынной тропинке. Никто не идет мимо, но цветок там, и аромат там. Нет никого, кто мог бы увидеть его, насладиться им, но цветок продолжает безмолвно благоухать, и его аромат никому не адресован. Благоухание не останавливается, потому что оно и есть сокровенная природа цветка. Цветок безмятежен, и аромат является частью его природы. Цветок не прикладывает усилий, чтобы источать его, — это происходит само собой.

Когда эго нет, любовь приходит как аромат, как цветение вашего сердца. И, никому не адресованная, источается постоянно. Совершенно ни на кого не направленная, она становится молитвой. Направленная любовь вырождается в секс; когда она не направлена, она вырастает до молитвы.

Бог или любовь, или смерть — с этими проблемами невозможно справиться; это переживания, через которые нужно пройти. Это не те вопросы, на которые есть ответы; это поиск, который может быть либо реализован, либо нет. Божественное вообще не может быть вопросом. Какие бы вопросы о божественном вы ни задавали, они неизбежно будут поверхностными. А ответы будут даже еще более поверхностными, потому что на поверхностный вопрос можно дать только еще более поверхностный ответ.

Бог — это экзистенциальный поиск; это исследование, а не вопрос. Так что нет никаких ответов на вопрос: «Существует ли бог?» Тот, кто дает готовые ответы на этот вопрос, решительно ничего не знает. Нельзя сказать, что бог существует, но также нельзя сказать и то, что бога нет. Оба ответа неприемлемы, потому что ни один вопрос не может затронуть подлинную проблему.

Теологи всех религий поверхностны. Они притворяются экспертами и раздают готовые ответы: вы спрашиваете о боге и получаете ответ. И это нанесло религии очень тонкий ущерб. О таких вещах не задают вопросов. Вы не можете спросить другого человека: «Что такое любовь?» Нет смысла об этом спрашивать! А если другой отвечает, тогда он находится в таком же положении, что и вы, — ни один из вас не знает истины.

Мы хотим готовых ответов, потому что пытаемся избежать страданий, которые приносит любовь, которые приносит жизнь, существование, бог. Мы хотим плыть на безопасном корабле: мы хотим получить ответы и обойтись без страданий. Но страдание — это рождение; через страдание возможен экстаз. Вы должны пройти через темную ночь души, чтобы прийти к рассвету. Вы не должны спрашивать, что такое рассвет. Вам нужно прожить темную ночь, чтобы узнать это.

Бог — это поиск, а не вопрос, а вместо поиска нельзя получить ответ. В поиск нужно отправиться; в него нужно глубоко погрузиться. Вы должны будете отдаться ему целиком и полностью; вы должны будете броситься в этот поиск. Именно это и страшно: броситься в неизвестное, в неизведанное.

Вы боитесь, поэтому сидите на берегу и задаете вопросы. И, конечно, всегда находятся люди, которые с удовольствием вам отвечают. Их эго получает удовлетворение: они знают, а вы нет, вы невежественны, а они знающие. И взаимная бессмыслица продолжается: одни спрашивают, а другие отвечают. И все находится в неведении, потому что проблема не может быть решена на берегу. Вы должны войти в воды неизвестного, но в неизвестное нельзя войти с готовыми ответами.

Готовые ответы ограждают вас от неизвестного. Вам нужно войти в неизвестное в полной незащищенности, ничего не зная. Это необходимость — и с этим ничего не поделаешь. Прыгнуть в неизвестное значит найти истину, экстаз. Когда вы находите божественное сами, это не просто ответ, это трансформация: вы становитесь едины с божественным.

Но этого не случится, если у вас есть какой-либо ответ; ответы всегда изолируют вас,

обособляют. Вы можете собирать ответы и накапливать их в своей памяти. Вы соберете великое множество ответов, но вопрос останется, не разрешится.

Этот вопрос не может быть решен обычным образом. Он может быть решен только трансформацией. Когда вы встречаетесь с божественным напрямую, непосредственно, когда божественное перед вами, а вы перед божественным, без всяких преград между вами, тогда вы встречаетесь с огнем, тогда вы трансформируетесь. Вы становитесь едины с божественным огнем, вы и огонь теперь нераздельны. Вы уже никогда не станете спрашивать: «Что такое бог?» — потому что вы знаете его. Вы уже никогда не станете отвечать на вопрос: «Что такое бог?» — потому что вы и он — одно.

Те, кто знают, не дают ответов на этот вопрос, не делают никаких заявлений, все хранят молчание. Они могут указать определенное направление, но указывать — не значит заявлять, это просто жест. Из-за ограничений языка, из-за ограниченности человеческого ума, из-за скудных возможностей слов, вопросов и ответов можно только направить, только показать нужную сторону.

Бог — это живая встреча, а не вопрос. И через божественное приходит любовь. Но познать божественное можно только тогда, когда вы не амбициозны. Будьте не амбициозными, и вы познаете.

Не равняйтесь на тех, кто позади вас, потому что позади никого нет; не равняйтесь также на тех, кто впереди, потому что и впереди никого нет. Не сравнивайте себя ни с кем. Каждый из вас одинок. Только вы сами похожи на себя, никто другой на вас не похож. Просто будьте теми, кто вы есть.

И это не означает бездействовать. Будьте активными, но исходите из собственной энергии, не сравнивайте себя с другими. Цветите сами по себе, а не в сравнении с другими. Когда нечего сравнивать, ум полностью неподвижен, и божественное само привлекает вас, вам доступны проблески божественного.

И, познав однажды блаженство таких проблесков, вы поймете бессмысленность, нелепость и совершенно ненужную болезненность амбиций. Тогда ум останавливается сам. Он становится совершенно тихим, безмолвным, недостигающим. В этот момент тишины происходит прыжок. И после прыжка проявляется бог. После прыжка есть любовь — любовь следует подобно тени.

Глава 9

Неизвестная жизнь Иисуса

Был ли Иисус в полной мере просветленным?

Да, он был полностью просветленным. Но поскольку он жил среди людей, которые совершенно ничего не знали о просветлении, ему приходилось говорить на таком языке, как будто бы он — обычный человек. Ему приходилось использовать такой язык, потому что в то время и в том месте другой возможности не было, — только так его могли понять. Языки различаются. Когда говорит Будда, он использует язык будд. Он не может сказать: «Я сын бога», потому что говорить о сыне или отце бессмысленно. Но Иисус не может использовать такой язык, Иисус говорит для определенного типа людей.

И все же во многих отношениях Иисус и Будда связаны между собой.

Христианство не располагает сведениями о том, где Иисус был до тридцати лет. Известно лишь о двух моментах его детства: о его рождении и о трех годах его пастырства, начавшегося в семилетнем возрасте; об остальных периодах его жизни ничего не известно. Но в Индии по этому поводу существует множество преданий: народные сказания Кашмира свидетельствуют о том, что все те годы, о которых ничего не говорится, он медитировал в одном буддийском монастыре.

Затем, когда Иисусу было тридцать лет, он внезапно появился в Иерусалиме. Потом он был

распят, и есть еще история о его воскресении. Но опять же, куда он делся после того, как воскрес? Христианство ничего не говорит по этому поводу. Куда он отправился? Когда он умер естественной смертью?

Мигель Серрано в своей книге «Змей Райского Сада» пишет:

«Никто не знает, что он делал и где жил до тридцати лет — возраста, когда он начал проповедовать». Однако существует легенда, в которой говорится, что он был в Кашмире, так первоначально назывался Кашмир. «Ка» означает «такой же» или «равный», а «шир» — это «Сирия».

Есть также сведения, что русский путешественник Николай Нотович, который побывал в Индии где-то в 1887 году, посетил Ладак в Тибете, где заболел и остановился в знаменитом монастыре Гомпа. Во время своего пребывания в Гомпа он тщательно изучил многие тома буддистских писаний и литературы, в которых обнаружил многочисленные упоминания об Иисусе, его учении и пребывании в Ладаке. Позже Нотович опубликовал книгу «Жизнь Святого Иисуса», в которой пересказал все, что узнал о пребывании Иисуса в Ладаке и в других странах Востока.

Там говорится, что, покинув Ладак, пройдя через высокогорные перевалы, по заснеженным тропам и ледникам, Иисус прибыл в Пахалгам в Кашмире. Долгое время он жил там как пастух, присматривающий за стадом овец. Именно там Иисус обнаружил некоторые следы потерянных племен Израиля.

Говорится также, что деревня была названа Пахалгам — деревней пастухов — после того, как там жил Иисус. «Пахал» на кашмирском языке означает пастух, а «гам» — деревня. Затем, по пути в Шринагар, Иисус остановился, чтобы отдохнуть и проповедовать в Ишкумане — «место отдыха Иисуса», — и эта деревня тоже была названа в его честь. В свои тридцать лет он внезапно появился в Иерусалиме, а затем уже следует история распятия и воскресения.

Когда Иисус все еще был на кресте, один солдат пронзил его тело копьем, и из него потекли кровь и вода. Этот случай описан в Евангелии от св. Иоанна:

«Но один из солдат вонзил копье ему в бок, и тотчас потекли кровь и вода».

Это привело к убеждению, что Иисус остался жив после распятия, потому что кровь не течет из мертвого тела.

Но Иисус должен был умереть. Либо распятие делает свое дело, и Иисус умирает, либо умрет все христианство.

Христианство основано на чуде воскресения. Было предсказано, что грядущий Христос будет распят и потом воскреснет. Иисус воскрес, так и должно было быть. Если бы этого не случилось, иудеи не поверили бы, что он был пророком.

Они ждали этого, и это произошло. Через три дня его тело исчезло из пещеры, в которую его поместили, и его видели, по крайней мере, восемь человек. Затем следы Иисуса теряются окончательно. Христианство ничего не говорит по поводу того, куда он отправился после воскресения, и нет никаких сведений о том, когда он умер.

Он вновь прибыл в Кашмир и жил там до ста двух лет. И известен город, точное место, где он умер.

В Кашмире он жил под другим именем?

Нет, по сути, под своим именем. На Западе его называют Иисусом, весь арабский мир зовет его Есус или Есай. В Кашмире он был известен как Иоса-Асаф. Его могила известна как «Гробница Иоса-Асафа, который пришел из очень далекой страны и жил здесь». На гробнице также обозначено, что он пришел и поселился здесь 1900 лет тому назад.

Мигель Серрано, автор книги «Змей Райского Сада», посещавший эту гробницу, пишет:

«Был вечер, когда я впервые пришел к захоронению, и в лучах заходящего солнца лица

мужчин и детей на улице выглядели почти священными. Они были похожи на людей из древних времен; возможно, они были потомками одного из потерянных племен Израиля, которые, по слухам, переселились в Индию. Сняв туфли, я вошел вовнутрь и обнаружил очень старую могилу, окруженную оградой из камня филигранной работы, защищавшей ее; с одной стороны в камне был высечен отпечаток стопы. Говорят, что это след ноги Иоса-Асафа, и, согласно легенде, Иоса-Асаф — это Иисус.

На стене сооружения висела табличка с надписью, а под ней перевод с шарды на английский, который гласит: „Иоса-Асаф (Кханья, Шринагар)“».

Иисус был просветленным существом. Феномен воскресения кажется непостижимым с точки зрения христианской догмы, но не с точки зрения йоги. Согласно йоге — и этому есть множество доказательств — человек может полностью умереть, на самом деле не умирая. Сердце останавливается, пульс прекращается, дыхание прекращается — в йоге даже есть методы обучения этому. В Индии считают, что Иисус, должно быть, практиковал какие-то тайные йогические техники, когда был распят на кресте, потому что, если тело действительно умирает, воскресение невозможно.

Когда те, кто распяли Иисуса, решили, что он мертв, его тело было снято с креста и отдано последователям. Завернув тело Иисуса в тонкий муслин и умаслив бальзамом, который по сей день известен как «бальзам Иисуса», двое его последователей, Иосиф и Никодим, перенесли его тело в пещеру, вход в которую завалили огромным валуном.

Существует одна секта, ессеи, у которой есть свое собственное предание по этому поводу. В нем говорится, что ессеи помогли Иисусу залечить раны. В Библии записано, что единственным способом убедить последователей, что перед ними тот самый Иисус, который был распят, было показать им его зажившие раны. Эти раны были исцелены ессеями за те три дня, которые Иисус находился в пещере, восстанавливаясь после своего сурового испытания. Затем, когда его раны были исцелены, он исчез. Огромный валун у входа в пещеру был найден отодвинутым, а пещера оказалась пустой.

Иисуса там не было! Именно это исчезновение Иисуса из пещеры привело к общераспространенному предположению о его воскресении и вознесении на небеса.

После того как Иисус вновь предстал перед своими учениками, он должен был покинуть страну, потому что, если бы он там остался, его бы опять распяли. Он отправился в Индию, где, согласно преданию, скрылось одно из племен иудеев.

Известный французский историк Бернье, посетивший Индию во времена правления Аурангзеба, написал:

«После того, как мы преодолели перевал Пир Панджал и пересекли границы королевства, я был потрясен тем сходством, которое жители приграничных деревень имели с иудеями».

Да, кашмирцы действительно похожи на иудеев — чертами лица, всеми манерами. Где бы вы ни находились в Кашмире, вам будет казаться, что вы находитесь на иудейской земле. Говорят, Иисус прибыл в Кашмир, потому что это была иудейская земля в Индии, там поселилось одно из племен иудеев. В Кашмире живет множество историй об Иисусе, но там нужно побывать, чтобы их узнать.

Распятие полностью изменило ум Иисуса. С тех пор в течение семидесяти лет он жил в Индии в полном забвении — никому не известный, незаметный. Он не был пророком, он не был священнослужителем, он не был проповедником. Именно поэтому о нем мало что известно.

В христианстве многого недостает. Даже в истории Иисуса немало белых пятен. Далеко не все известно о его жизни: неизвестно, что он практиковал, как он медитировал. Христианские апостолы, которые записывали то, что говорил Иисус, были невежественными людьми: они многого не понимали. Один был рыбаком, другой плотником. Все двенадцать апостолов были

невежественны.

Апостолы не понимали, что делал Иисус, когда он поднялся на гору и пребывал там в молчании сорок дней. Они лишь записали, что это произошло и что, когда он вернулся, он начал проповедовать. Но что он там делал? Об этом ничего не известно, ничего.

После этого периода молчания Иисус все больше и больше вовлекался в деятельность, которая казалась скорее социальной и политической, чем религиозной. Это было необходимо, потому что люди, которые его окружали, имели совершенно нефилософский склад ума, и все, что он говорил, понималось неправильно. Когда он говорил: «Я — царь иудейский», — он говорил не о царстве этого мира. Он говорил метафорами.

Его не понимали не только враги, даже его последователи и апостолы неправильно его понимали. Они тоже все восприняли в терминах земного царства; они не смогли понять того, что Иисус говорит об ином мире, что он просто использует символический язык. Они тоже думали, что Иисус, в конце концов, собирается стать царем.

Из-за этого и возникла проблема. Возможно, Иисус не был бы распят в другой стране, но для иудеев он представлял угрозу. Иудеи очень материалистичны. Они были материалистичными во времена Иисуса, и остались такими до сих пор.

Иной мир для них не имеет смысла; их интересует только этот мир. Даже если они говорят об ином мире, то только как о продолжении этого мира — не запредельном, а последовательном. У них такой тип мышления.

Именно поэтому так велик вклад евреев в развитие естественных наук. Это не случайно. Человек, который несет наибольшую ответственность за создание материалистической концепции мира, Карл Маркс, был евреем.

Маркс, Фрейд, Эйнштейн — эти три еврея являются творцами двадцатого века. Три еврея создали целый мир! Почему? Сейчас в мире не найдется ни одного человека, который не испытывал бы влияние еврейских концепций.

Евреи очень приземлены, укоренены, поэтому, когда Иисус начал говорить как Будда, встречи, узнавания не произошло. Его все время понимали неправильно.

Пилат понимал его лучше, чем народ. Он все время чувствовал, что хотят неоправданно распять невинного человека, и пытался сделать все возможное, чтобы это предотвратить. Но у него были еще и определенные политические соображения.

Перед самым распятием, в последний момент, Пилат задал Иисусу вопрос:
«Что есть истина?»

Иисус промолчал. Это был ответ Будды. Только Будда отвечал молчанием по поводу истины, больше никто.

Остальные всегда что-то говорили, хотя бы то, что ничего нельзя сказать. Только Будда хранил молчание, полное молчание. И Иисус хранил молчание. Иудеи решили, что Иисус просто не знает. Они подумали, что если бы он знал, он непременно сказал бы. Но мне всегда казалось, что Пилат понял. Он был римлянином; он мог понять. И Пилат ушел с места действия; он отдал все полномочия священникам и просто ушел, он не хотел в этом участвовать.

Трагедия произошла из-за того, что Иисус и иудеи говорили на разных языках. Иисус говорил об ином мире, конечно, в терминах этого мира, а иудеи понимали его слова буквально.

Такого не случилось бы в Индии, где существует давняя традиция иносказаний, давняя традиция символизма. В Индии возможно другое непонимание: метафорическому языку столько лет, что когда кто-то говорит об этой земле, его могут понять так, как будто он говорит об ином мире. В Индии есть поэты, которые говорят о романтических отношениях, о любви и сексе — об этом мире, исключительно о земном мире, а их почитатели интерпретируют это как символическое выражение иного мира. Даже если говорится о вине и женщинах, они думают, что

вино означает экстаз, а женщины — это *дэвы*. И такое бывает!

Евреи буквальные, очень буквальные. И что удивительно, они такими и остаются. Это странный народ с отличным от всего остального мира мировоззрением. Именно поэтому они никогда нигде не могли прижиться. Это просто невозможно, потому что у них особый склад ума. Еврея всегда трудно понять. Ему свойственна определенная закрытость, определенная оборонительная позиция. И чем дольше иудеи оставались «бездомными», тем более закрытыми они становились.

Главная особенность евреев состоит в том, что они мыслят на языке материи, даже бог, кажется, представляется им частью материального мира. Вот почему они не могли понять Иисуса. Например, евреи говорят, что если кто-то сделал тебе что-то плохое, ты тоже должен ему навредить, причем в два раза больше. Таков образ поведения материи. Противодействуй! Если кто-то выбил тебе глаз, выбей ему оба глаза.

Иисус проповедовал противоположное: если кто-то ударит тебя по одной щеке, подставь ему другую. Это уже по-буддийски. Невозможно даже и представить себе, чтобы иудей вдруг начал говорить такое. Это совершенно против еврейской традиции, в их прошлом не было ничего подобного.

Ничто не происходит без причины. Как еврей, Иисус непостижим. Он случайно им оказался, у него нет корней в иудейской истории. Он не может быть с ней связан, потому что у него нет с ней ничего общего. С позиции иудейского бога любовь Иисуса, его сострадание просто абсурдны.

Невозможно представить себе более ревностного, более жестокого и гневного бога, чем иудейский бог. Он мог разрушить целый город в одно мгновение, если кто-то его ослушался. И вот внезапно появляется Иисус и говорит:

«Бог есть любовь».

Это непостижимо, если только что-то инородное не проникло в традицию.

Когда о сострадании говорит Будда, это не кажется непостижимым. Вся Индия говорила о сострадании веками, и Будда — часть этой традиции. А Иисус для иудейской традиции инороден. Именно поэтому он был убит, распят.

В Индии будды не подвергаются такой опасности, потому что, как бы мятежны они ни были, они все же принадлежат традиции; как бы мятежны они ни были, они соответствуют глубочайшим религиозным идеалам. Можно даже подумать, что они в большей степени являются индийцами, чем индийское общество в целом, потому что они больше соответствуют основным идеалам страны.

Но в Иерусалиме Иисус был полным чужаком, он использовал метафоры и язык, совершенно незнакомый иудеям. Его должны были распять, другой исход был невозможен. Я смотрю на Иисуса как на человека, который жил в глубокой медитации, в глубоком просветлении. Но он связал себя с политическим народом, не религиозным, не философским.

Евреи не дали миру великих философов. Они дали великих ученых, но не философов. Сам ум этого народа своеобразный; он работает особенным образом. Иисус среди евреев был просто чужаком, посторонним. Он начал создавать проблемы; его нужно было заставить замолчать.

Затем он скрылся и никогда больше не пытался проповедовать среди евреев. Он жил с небольшой группой учеников, тихо и скрытно продолжая свою работу. И я чувствую, что до сих пор существует некая тайная, эзотерическая традиция. Если вы забудете про христианское учение и вернетесь назад, чтобы открыть Иисуса вне христианства, вы получите только пользу. В наше время христианство стало препятствием для познания.

Когда бы ни заходила речь об Иисусе, единственной интерпретацией событий его жизни оказывается христианская история. Двадцать лет назад на берегах Мертвого моря были найдены Свитки Мертвого моря, вызвавшие большое возбуждение. Эти свитки, первоначально

принадлежавшие ессеям, более достоверны, чем Библия. Но христианство не может пойти на компромисс. Свитки Мертвого Моря рассказывают другую историю, совершенно отличную от христианской историю об иудеях. Так же как и Коран.

По-видимому, Мухаммед тоже был связан со многими иудейскими мистиками.

Так происходит всегда: когда я что-либо говорю, вокруг меня образуются две группы людей. Одна группа — экзотерическая, ее интересует внешнее. Она занимается организацией, делая все, что связано с сообществом, с внешним миром; также она помогает сохранить то, что я говорю. Другая группа — эзотерическая, она больше связана с внутренним миром. Рано или поздно между этими двумя группами неизбежно возникает конфликт, потому что у них разные интересы. Внутреннюю группу — эзотерический ум — волнует нечто совершенно иное, нежели экзотерическую группу. И, в конечном итоге, внешняя группа одержит верх, потому что она способна работать как группа. Эзотерики не могут действовать как группа, они действуют как индивидуальности. И когда одна индивидуальность утрачена, что-то теряется навсегда.

Это происходит с каждым учителем. В конечном итоге внешняя группа становится более и более влиятельной; она превращается в организацию. И первое, что должна сделать организация — это уничтожить собственную эзотерическую часть, потому что эзотерическая группа всегда доставляет беспокойство. Под видом ереси христианство всегда разрушало эзотерическое.

Сейчас противоположную Иисусу крайность представляет папа римский: это окончательный раскол между экзотерическим и эзотерическим. Папа больше похож на священников, которые распяли Иисуса, чем на самого Иисуса. Если Иисус явится вновь, на этот раз он будет распят в Риме, Ватиканом. Ватикан — это экзотерическая, организованная структура, государственное образование.

Это неизбежные проблемы, так всегда бывает, и с этим ничего не поделаешь.

Да, Иисус был просветленным существом, подобно Будде, Махавире, Кришне.

В Библии описывается множество чудес. Одно из них — воскрешение Иисусом Лазаря, тело которого уже начало смердеть. Возможно ли это — оживить мертвеца?

Это возможно, но это возможно совершенно в ином смысле — совершенно в ином. Если человек на самом деле мертв, если его тело мертво, то это невозможно. Но бывает так, что человек только кажется мертвым...

Но в Библии указано, что тело уже смердело.

Тело может смердеть; человек может быть в глубокой коме, и тело начинает смердеть. Могло быть и по-другому, но иудеи того времени не знали о других возможностях. Например, душа может находиться вне тела и все же иметь с ним связь. Тогда тело будет в глубокой коме, и о нем нужно заботиться, иначе оно начнет разлагаться, — и здесь возникает проблема. Чтобы вернуть душу, блуждающую около тела, обратно в тело, нужна очень большая сила. Но ее можно вернуть к жизни, и человек, подобный Иисусу, может помочь ей вернуться.

У нас, в Индии, было много подобных случаев...

Возможно, вы слышали историю о великом споре Шанкары с Манданом Мишрой, великим индийским ученым, последователем дуализма.

Они встретились, чтобы подискутировать, в Индии есть такая традиция. Это должна была быть не борьба, а очень дружелюбная дискуссия, и если бы один смог убедить другого, тогда другой стал бы его учеником. С таким условием дискуссия началась. Шанкара ходил из деревни в деревню по всей Индии, беседуя с Манданом Мишрой о разных вещах. Но была одна проблема: кого назначить судьей?

Оба были столпами: один — дуализма, другой — не-дуализма. Кто бы мог рассудить их спор? Не годился никто. Кто смог бы понять, о чем они говорят? Кто смог бы выразить свое

суждение о том, кто из них потерпел поражение, а кто одержал верх?

Единственным кандидатом была жена Мандана Мишры, и это было редкостью — позволить женщине судить такой спор. Но другого выбора не было, так что жену Мандана Мишры назначили судьей.

В конце концов, Мандан Мишра потерпел поражение. Но его жена заявила, что, хотя он и потерпел поражение, он потерпел поражение лишь наполовину, потому что его вторая половина — она. «Так что теперь, Шанкара, — заявила она, — тебе придется дискутировать со мной». Это была хитрая уловка! Шанкара оказался в большом затруднении.

Было объявлено, что Мандан Мишра потерпел поражение, но лишь наполовину, потому что в Индии считается, что муж — это только половина человека; его жена является второй половиной, и только две половинки вместе составляют целое. Таким образом, Мандан Мишра потерпел поражение лишь наполовину, вторая половина оставалась непобежденной. «Теперь Мандан Мишра будет судить, а я буду дискутировать с тобой», — сказала жена. А она действительно была исключительной женщиной, она начала обсуждать секс!

Шанкара оказался в невыгодном положении. Он хранил целибат, поэтому почувствовал, что на этот раз неизбежно проиграет. Он ничего не знал о сексе, это явление было совершенно ему незнакомо. Задать такую тему было хитрой уловкой, он попался. И вот что он сказал: «Сначала дай мне шестимесячный перерыв, чтобы я мог что-то о сексе узнать. Только тогда я смогу вернуться и обсудить это с тобой. В противном случае я уже побежден». И шестимесячный перерыв был ему предоставлен.

Теперь возникла еще одна проблема — это красивая история — Шанкара принял обет целибата на всю жизнь и, таким образом, не мог использовать свое тело для каких-либо экспериментов с сексом. Поэтому ему пришлось выйти из своего тела и войти в другое. Он оставил свое тело ученикам, чтобы они оберегали его и заботились о нем. Если бы с телом что-нибудь случилось, Шанкара не смог бы в него вернуться. В течение шести месяцев группа из двенадцати учеников несла постоянное дежурство, охраняя тело учителя. Они оставались возле тела все время.

В то время только что умер царь, его тело было уже мертво. Шанкара вошел в тело царя, тем самым оживив его, и прожил в этом теле шесть месяцев, глубоко погрузившись в сексуальные эксперименты. Жена царя почувствовала, что что-то изменилось, но что она могла сделать? Это был другой человек, но тело было прежним. Через шесть месяцев Шанкара вернулся в свое тело, состоялась дискуссия, и Бхарати, жена Мандана Мишры, потерпела поражение.

Вот как это могло быть: Иисус мог помочь Лазарю ожить, в то время как тот, на самом деле, не умер, а только казался мертвым. Христианство многого не осознает. Лазарь мог находиться в глубокой коме, и его тело разлагалось. А кома может продолжаться годами. Я видел женщину, которая находилась в коме девять месяцев. Если бы о ее теле никто не заботился, она бы сразу же умерла. За нее все нужно было делать. Она просто лежала, как мертвая, и ничего не могла делать сама. Если бы ее оставили без присмотра на семь дней, она начала бы смердеть, вонять.

Так что, возможно, Иисус помог человеку, находившемуся в коме, или тому, чья душа по какой-либо причине оказалась вне тела. Мертвец не может снова стать живым. Если он оживает, это лишь означает, что, на самом деле, он не был мертв. Насколько мне известно, в этом мире не бывает чудес. Что-то может казаться нам чудом, потому что мы не знаем всех деталей, у нас просто нет этому объяснения.

А как насчет других чудес, описанных в Библии? Вот, например, когда Иисус накормил тысячи людей двумя буханками хлеба и пятью рыбинами. Можешь ли ты объяснить это?

Возможно многое. Чудес не бывает, чудеса невозможны. Даже материализация — это не

чудо: это наука. Материализация возможна. Так же как и многое другое. Какой-то предмет может быть перенесен неизвестным образом. Вы не осознаете, каким образом, но вдруг он здесь появляется. Это не материализация. Швейцарские часы могут быть перенесены сюда из магазина — в этом могут помочь духи. Духов вы не увидите, вы увидите только часы. Но это не материализация. Это просто перенесение швейцарских часов неизвестным вам образом.

Но материализация также возможна. Нечто, возникающее из ничего...

Как это возможно?

Трудно ответить вам на вопрос, как это возможно. Вы должны пройти через долгую-долгую практику, чтобы быть способным это делать.

Мог бы ты объяснить, как происходит материализация, на примере?

Чем больше ваш ум становится способным к концентрации, тем ближе вы подходите к точке, где возможна материализация. Если вы сможете достичь абсолютной концентрации, то может случиться и материализация. Но с вашим умом, таким, какой он сейчас, вы не способны сконцентрироваться даже на миг. Если вы сможете сконцентрироваться на чем-либо на одно-единственное мгновение, сфокусировать весь ум хотя бы на одну секунду, тогда вы сможете пожелать, чтобы что-то появилось, и оно появится.

Но сначала попробуйте сделать что-нибудь простое. Например, возьмите стакан, наполните его водой и налейте на поверхность воды немного глицерина или масла. Затем на пленку из масла или глицерина поместите очень тонкую иглу. Теперь сконцентрируйтесь на игле. Концентрируйтесь! Не моргая, фокусируйте оба ваших глаза на игле в течение двух минут. После двух минут концентрации начните приказывать иголке, чтобы она сместилась вправо. Через семь дней подобной практики вы сможете сдвинуть иголку.

И если иголка может следовать приказам вашего ума, вы достигли того, что необходимо для материализации. Это долгий процесс, но теперь вы, по крайней мере, можете почувствовать, что ум действительно обладает властью над материей. А как только вы почувствовали эту власть, как только вы обрели способность к полной концентрации, становится возможной материализация. Теперь нужно только волеизъявление, больше ничего. Если ум полностью сконцентрирован на том, чтобы роза появилась, она появится.

По этой причине индийцы всегда говорили, что весь мир — это лишь грезы в уме божественного. Бог грезит о чем-то, и нечто появляется. Когда он перестает грезить, нечто исчезает.

А ты сам можешь материализовывать вещи?

Да, могу. И также я могу этого не делать — потому что я чувствую абсурдность этого. Второе умение лучше. Будда никогда не соглашался проделывать такие фокусы, но Иисус был вынужден их делать. Причина все та же: иудеи могут верить только в то, что видят, только в материальное. Их невозможно убедить без чуда.

В Индии принимают будду, который не творит никаких чудес. Но иудеи не давали Иисусу покоя:

«Можешь ли ты совершать чудеса? Только если ты покажешь нам чудеса, мы поверим в то, о чем ты говоришь».

Иисус не собирался творить чудеса, но иудеи вынудили его. Без чудес его мысли, его проповеди показались бы им лишены смысла. Невозможно даже представить себе Будду творящим чудеса. Это привлекательно только для гораздо более примитивного ума. К чему так беспокоиться, чтобы кого-то убедить? К чему так беспокоиться?

Иногда чудеса происходили рядом с Буддой, но он не совершал их намеренно. Они просто случались в определенных ситуациях.

Помните, существуют разные смысловые уровни. Все чудеса, описанные в Библии: иногда

появляется хлеб, иногда исчезает болезнь, или оживает мертвый — очень материальны, совершенно обыденны. Они связаны с повседневными проблемами обычных людей: хлебом, болезнью, смертью.

Будда же говорит, что вся жизнь — это сон. Тогда какое имеет значение, что кто-то вновь оживает? Это бессмысленно. Это лишь означает, что определенный сон вновь обрел какую-то реальность.

Есть такая история...

Будда находился в деревне, где умер ребенок. Мать была сильно одержима ребенком, она рыдала и, заливаясь слезами, пыталась скрыться от всех, чтобы покончить с собой. Тогда кто-то сказал: «Сходи к Будде. Он может все. Он просветленный человек; все возможно. Сходи! Он сострадателен. Если он почувствует сострадание к тебе, твой ребенок может воскреснуть».

И вот она пришла к Будде с мертвым ребенком на руках и положила его к ногам Будды. Представьте себе, что произошло бы с Иисусом в подобной ситуации в иудейской стране. Если бы ребенок не был возвращен к жизни, с Иисусом было бы все кончено, потому что это доказало бы, что он не тот, за кого себя выдает.

Но когда ребенка принесли Будде, что тот сказал? Он сказал матери: «Я верну твоего ребенка к жизни, но сначала ты должна кое-что сделать. Обойди все дома в селении и узнай, есть ли хоть один дом, в котором никто никогда не умирал. Если в деревне найдется хоть один дом, где никто никогда не умирал, вечером я воскрешу твоего ребенка».

Женщина ходила и спрашивала каждого. В каждом доме, в каждой семье кто-то умер. К тому времени, когда она вечером вернулась к Будде, она осознала, что смерть — это реальность, что смерть — это часть жизни.

Будда спросил ее:

— Что ты теперь скажешь? Есть ли хоть один дом, хоть одна семья, хоть один человек, который не перенес бы чью-либо смерть?

Женщина ответила:

— Я вернулась не для того, чтобы мой ребенок был воскрешен. Я пришла получить посвящение. Смерть — это реальность. Ребенок умер, я тоже умру, и каждый должен будет умереть. Посвяти меня в жизнь, которая никогда не кончается.

Это гораздо большее чудо! Но мы не понимаем этого. Если бы ребенок был возвращен к жизни, это было бы чудом. Но то, что сделал Будда, еще большее чудо, в нем больше сострадания. С определенным народом такое возможно; в других случаях это невозможно. Женщина стала саньясинкой: смерть ребенка была использована не для удовлетворения ее привязанности к жизни, она была использована для отречения.

Если бы ученики Будды были голодны, он не стал бы совершать чуда и обеспечивать их хлебом. Напротив, он сказал бы:

«Наблюдайте свой голод. Наблюдайте его, чтобы вы могли превзойти его, чтобы вы могли от него отделиться. Голод это не вы; он находится где-то на периферии вашего существа. Помните это. Используйте это».

Иисусу нужно было обеспечить людей хлебом, а Будде нужно было убедить своих последователей голодать. Дать кому-то хлеба — это, на самом деле, не чудо, но сделать так, чтобы люди были готовы голодать, — это чудо.

Все зависит от того, как мы определяем вещи. Я не занимаюсь чудесами, потому что все это чепуха. Жизнь, которую мы проживаем, абсурдна, поэтому даже если вы можете что-то в ней создать, это бессмысленно. Единственное чудо, которое меня интересует, — это подталкивать вас в запредельное. Даже малейший проблеск запредельного будет чудом.

На мой взгляд, если бы Иисус воздержался от совершения подобных вещей, он бы лучше

послужил человечеству. Совершая все это, он привлек дураков. Массы заинтересовались Иисусом только благодаря его так называемым чудесам. Он пытался помочь им своими чудесами, но это было невозможно; напротив, он сам попал в беду.

Не думаю, чтобы Христос мог помочь кому-то таким образом.

Если бы я занимался материализацией, вокруг меня неизбежно собиралось бы все больше и больше дураков. Вскоре я оказался бы среди дураков, потому что только они интересуются подобными вещами.

Если вы пойдете к Саи Бабе, то увидите, что он делает некоторые фокусы. Но это привлекает лишь дураков.

Если в моей руке появится кольцо, какой в этом смысл? Какое это имеет отношение к каким бы то ни было духовным явлениям? Даже если весь этот дом исчезнет, а затем вновь появится, какой в этом смысл? Что из этого? Именно поэтому я и не занимаюсь чудесами. А те, кто занимаются, привлекают дураков.

По сравнению с Буддой Иисус кажется очень активным и революционным. Почему это так?

На это есть причина. Но сначала нужно кое-что пояснить. Йога разделяет человека на две части — солнечную и лунную. Солнце символизирует внутреннюю позитивность, а луна — внутреннюю негативность. Речь идет не о настоящем солнце и не о настоящей луне. Эти слова используются для описания внутренней вселенной.

Существует даже два типа дыхания: одно известно как солнечное дыхание, а другое — как лунное. Каждые сорок-шестьдесят минут ваше дыхание меняется. Если вашему телу нужно больше тепла, или если вы внезапно рассердились, включается солнечное дыхание. Йога утверждает, что если использовать лунное дыхание, когда вы рассержены, то вы просто не сможете сердиться, потому что лунное дыхание создает внутри глубокое спокойствие.

Негативное холодно, безмолвно, спокойно. Позитивное горячо, насыщено энергией, активно. Солнце — это активный элемент, а луна — пассивный. Когда кто-либо впервые знакомится с солнцем, его свет обжигает, как пламя.

Если проанализировать внутреннюю жизнь Будды или Иисуса с этой точки зрения, то многое, обычно скрытое от нас, становится ясным. Например, у каждого просветленного, подобного Будде, молодость революционна. Первое знакомство с внутренним измерением, первый внутренний опыт всегда подобны жгучему пламени. Но чем старше становится будда, тем большее в нем чувствуется внутреннее спокойствие. Чем более совершенной становится лунная составляющая, тем быстрее угасает революционный пыл.

Вот почему слова Будды неревolutionны.

Иисус был распят в возрасте тридцати трех лет. Он был молод, он все еще был революционером. Если сравнить речи Будды с речами Иисуса, ясно видно различие. Речи Иисуса принадлежат молодому человеку: они пылкие. Ранние речи Будды были такими же, но он не был за них распят; он дожил до восьмидесяти лет.

Будду не распяли, потому что в Индии знают о внутренних процессах. Всякий раз, когда будда открывает свой внутренний мир, его первое проявление бывает пылким, революционным, мятежным. Он взрывается и раздражается огнем. Но затем эта стадия проходит, и, в конечном итоге, остается только луна: тишина, никакого огня, только свет. Вот почему в Индии никогда не убивали просветленных; вот почему в Индии с ними не поступали так, как греки поступили с Сократом, или иудеи с Иисусом.

Иисуса распяли слишком молодым. Христианство остается незрелым, потому что основывается на раннем Иисусе, на Иисусе, который был лишь пламенем. Буддизм завершен. Он вобрал в себя Будду, прошедшего через все стадии становления. Он познал все лунные фазы Будды — от первого дня до полнолуния.

То, что Иисуса распяли, когда он был еще пламенем, когда ему было только тридцать три года, стало несчастьем для Запада, оказалось одним из величайших несчастий в истории. Пламя Иисуса превратилось бы со временем в лунный свет, но его лишили такой возможности. И все потому, что иудеи ничего не знали о внутренних явлениях.

В Индии будды рождались много раз, и всегда в своем внутреннем измерении они сначала неизбежно встречали вздымающийся революционный огонь. Если будда продолжал двигаться внутрь, огонь исчерпывал себя, и оставалась только тишина, залитая лунным светом тишина. Превращение жара в свет представляет собой тайную науку внутренней алхимии. Превращение угля в алмазы, превращение неблагородных металлов в золото — это лишь метафоры алхимии.

В действительности, алхимики никогда не занимались превращением неблагородных металлов в благородные. Они вынуждены были скрывать то, чем они занимаются. Им пришлось создать эзотерическую, тайную символику, потому что в прежние времена всех, кто исследовал внутренние измерения, убивали. Иисус был распят, потому что он был алхимиком. И после его распятия развитие христианства пошло против его учения. Христианская церковь убивала, уничтожала всех, кто практиковал алхимию, кто занимался внутренней трансформацией.

На самом деле, христианство не смогло вырасти в религию; оно осталось формальным институтом. Оно не смогло породить саньясинов, оно смогло породить только проповедников — подготовленных, неживых, дисциплинированных.

Если Иисуса распяли, когда он все еще находился на бунтарской и активной стадии, значит ли это, что он не достиг полного духовного развития и внутренней тишины будды?

Иисуса распяли в тот самый день, когда он вошел в лунный центр. В тот самый день! Это нужно понимать.

Иисус из Библии не похож на Будду, Махавиру или Лао-Цзы. Невозможно себе представить Будду, входящего в храм и избивающего ростовщиков. А Иисус делал это.

Чего только ни происходило в главном храме Иерусалима. Например, там процветал обширный ростовщический бизнес, разорявший всю страну. Люди приходили на ежегодное собрание и на другие собрания в течение года и получали в храме деньги под большие проценты. Затем они не могли их выплатить и теряли все.

Храм становился богаче и богаче: это был религиозный империализм. Страна находилась в бедности и страдании, но в храм автоматически стекались большие деньги. И однажды Иисус пришел туда с хлыстом в руках. Он перевернул ростовщические столы и начал избивать ростовщиков. Он учинил беспорядок в храме.

Невозможно себе представить, чтобы Будда совершал подобное. Невозможно! Иисус был первым коммунистом — пылким, мятежным. Именно поэтому коммунизм возник на почве христианства. Он не мог возникнуть ни на почве индуизма, ни на почве какой-то другой религии, — это невозможно. Только христианство могло породить коммунизм, потому что его дух согласуется с духом Иисуса. Даже язык, который использовал Иисус, был мятежным. Невозможно поверить, но иногда он приходил в безудержный гнев. Он проклял фиговое дерево, которое не принесло ни одного плода, чтобы накормить его и учеников, когда они были голодны. Он уничтожил дерево!

Бывало, он угрожал такими словами, каких Будда не смог бы даже произнести. К примеру, он говорил, что те, кто не поверят в него и в Царство Божье, будут брошены в огонь преисподней, в вечный огонь преисподней, и уже никогда не смогут оттуда выйти. Только христианский ад вечен. Любой другой ад является только временным наказанием: вы попадаете туда, страдаете и затем возвращаетесь. Но ад Иисуса вечен.

Это кажется несправедливым, совершенно несправедливым. Каким бы ни был грех, вечное наказание не может быть оправдано. Никак не может! И в чем состоят грехи? Бертран Рассел

написал книгу «Почему я не христианин», и одной из причин, которые он приводит, является то, что Иисус кажется нелепым. Рассел говорит:

«Если бы я сознался во всех грехах, которые я совершил, и во всех грехах, о которых я только думал, но никогда не совершал, мне дали бы не больше пяти лет тюрьмы. Но вечный ад?»

Когда Иисус говорит о вечном, нескончаемом наказании, он говорит на языке революционера — революционеры всегда склоняются к крайностям. Невозможно представить, чтобы такое говорил Будда или Махавира, но Иисус говорит, что, скорее, верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в Царство Божье. Вот крайность! Это семя коммунизма, первое семя. Иисус был революционером. Он говорил не только о духовности, но и об экономике, о политике — обо всем. Если бы он был только духовным человеком, его бы не распяли, но поскольку он стал опасен для всей социальной структуры, для ее статус-кво, его распяли.

Он не был таким революционером, как Ленин или Мао, но все же ни Мао, ни Ленин, ни Маркс немыслимы без существования в истории Иисуса. Они относятся к тому же пути, что и Иисус, ранний, пылкий Иисус, мятежный, готовый разрушить все, Иисус, который был распят.

Но Иисус был не просто революционером, он был также и духовным человеком. В некотором роде он был смесью Махавиры с Мао. Мао был распят, и в итоге остался только Махавира. Тот день, когда Иисус был распят, был не только днем его распятия, но также и днем его внутренней трансформации.

Когда Иисус промолчал в ответ на вопрос Пилата: «Что есть истина?» — он повел себя как мастер дзэн. Если посмотреть на предыдущую жизнь Иисуса, если посмотреть на всю его предыдущую жизнь, такое молчание было совершенно ему не свойственно. Что же произошло? Почему он не стал говорить? Почему он растерялся? Он был одним из величайших ораторов, которых когда-либо видел мир; можно даже без колебания сказать, величайшим. Его слова проникали в самое сердце. Он был человеком слов, а не человеком молчания. Почему он вдруг промолчал? Он шел к кресту. Пилат спросил его:

«Что есть истина?»

Всю жизнь Иисус говорил об истине; он говорил только о ней, именно поэтому Пилат спросил его. Но он промолчал.

Толкований того, что произошло с внутренним миром Иисуса, нет ни в каких источниках, потому что это трудно объяснить. Христианство позволило этому остаться тайной. То, что произошло во внутреннем мире Иисуса, может быть истолковано только в Индии, больше нигде. Только Индия знает о внутренних изменениях, о трансформации, которая случается внутри.

А произошло следующее: Иисус внезапно оказывается перед угрозой распятия. Его должны распять, и вся его революционность становится бессмысленной. То, что он говорил, бесполезно, все, ради чего он жил, подходит к завершению. Все кончено. И поскольку смерть так близка, он должен идти внутрь. Нельзя терять времени, нельзя терять ни единого мгновения. По всей видимости, он подошел к концу своего пути, и прежде чем он будет распят, он должен завершить внутреннее путешествие.

Он все время шел по внутреннему пути. Но поскольку он также был вовлечен во внешние проблемы, он не мог попасть в точку покоя, в лунную точку; он оставался пламенным, горячим. Но возможно также, что он делал это сознательно. Ведь Иисус был учеником Иоанна Крестителя, великого революционера и духовного лидера. Иоанн Креститель ждал Иисуса много лет. А в тот день, когда он дал Иисусу посвящение на реке Иордан, он сказал:

«Теперь ты продолжай мое дело, а я исчезну. Довольно».

И с того дня его редко кто видел — он исчез. Говоря на языке внутренней трансформации, он перешел из солнечной точки в лунную; он стал безмолвным. Он выполнил свою работу и

передал дело другому — тому, кто должен был его завершить.

Должно быть, в день распятия Иисус осознал, что теперь его работа завершена: «Больше уже ничего нельзя сделать. Я должен идти внутрь. Я не должен упустить эту возможность». Именно поэтому, когда Пилат спросил его, что есть истина, он промолчал. Благодаря этому произошло чудо, которое осталось загадкой для христианства. Благодаря этому.

Как раз в тот момент, когда он переходил к своей более холодной стороне, к лунному центру, его распяли. Когда кто-то впервые подходит к лунному центру, его дыхание останавливается, потому что дыхание тоже является деятельностью солнечного центра. Все затихает; все как будто мертво. Они подумали, что он умер, но это было не так. Он просто вошел в лунный центр, где дыхание останавливается: нет выдохов, нет вдохов — пауза, промежуток.

В этом промежутке устанавливается такое глубокое равновесие, что, фактически, это смерть. Но это не смерть. Палачи, убийцы Иисуса подумали, что он умер, и поэтому позволили его ученикам снять тело. Но он не был мертв, и когда через три дня пещеру открыли, его там не оказалось. «Мертвое» тело исчезло. Спустя три дня Иисуса снова видели четверо или пятеро человек. Но когда они пошли по деревням, чтобы сказать, что Иисус воскрес, им никто не поверил. Никто не поверил этому.

Покинув Иерусалим, Иисус направился в Кашмир, где и остался. Но там его жизнь была уже не жизнью Иисуса, а жизнью Христа. Иисус был солнечным центром, а Христос — лунным. С тех пор он хранил полное молчание. Вот почему о нем нет никаких сведений. Он не говорил, он не передавал никаких посланий, он не проповедовал. Он жил в Кашмире не как революционер, а как мастер, пребывающий в своем собственном безмолвии. Некоторые люди приехали, чтобы быть с ним. Те, кто каким-то образом узнавали, что он в Кашмире, приезжали к нему. И на самом деле, их было не так уж и мало, может быть, мало в сравнении с целым миром, но все-таки достаточно много.

Христианство является незавершенным, потому что оно знает только раннего, революционного Иисуса. И вследствие этого христианство смогло дать начало коммунизму. Но сам Иисус умер полностью просветленным человеком — полной луной.

Глава 10

Из ничего

Были ли все души созданы вместе, как утверждает теория Пола Брайтона, или они были созданы в разное время? Определяется ли это различие — разное время создания — их собственным выбором, или это их судьба? Какой степенью свободы выбора мы обладаем в плане реинкарнации?

Прежде чем я смогу ответить на этот вопрос, вы должны понять две или три вещи. Во-первых, религиозное исследование в корне отличается от научного. В научном исследовании важен вопрос, а в религиозном исследовании важен тот, кто задает вопрос, — то состояние ума, в котором вопрос возник. В научном исследовании ум должен быть постоянно сфокусирован на вопросе. В религиозном исследовании вопрос является просто трамплином в нечто неизведанное. Так что задайте вопрос и затем забудьте о нем, потому что вопрос относится к известному, а ответ может относиться только к неизвестному.

Когда мы формулируем вопрос, сама формулировка и предпосылка, на которой эта формулировка основана, принадлежат нашему уму, нашей памяти, нашим знаниям. Но ответ неизбежно находится в совершенно другом измерении. Например, этот вопрос. Рассмотрим его по частям.

Были ли все души созданы вместе, как утверждает теория Пола Брайтона, или они были созданы в разное время?

Вопрос кажется актуальным. Человек всегда был глубоко озабочен концепцией сотворения: как все это создано? Когда? Почему? Кем? Даже по поводу душ у человека возникает много вопросов: когда были созданы души? Были ли они созданы равными или неравными? И если они были созданы равными, тогда почему существует неравенство?

Определяется ли это различие — разное время создания — их собственным выбором, или это их судьба?

Нам кажется важным задавать вопросы о сотворении. Но в существовании нет ничего созданного, существование — это непрерывный и бесконечный источник. Сама идея сотворения является ребяческой и не имеет никакого отношения к существованию. Существование было всегда: оно не было создано и никогда не будет уничтожено. «Творение» означает «из ничего», а из ничего что-то возникнуть не может. Мир, мироздание, пребывает в постоянном изменении, но ничто не может быть создано или уничтожено.

Изменение — это реальность. Под изменением я подразумеваю перемену форм, а не субстанции. Содержание остается одним и тем же; меняется способ выражения, форма. И это изменение постоянно; оно вечно. Так что ни материальные предметы, ни души не создавались. Если даже материальные предметы не создавались, то идея сотворения душ тем более абсурдна. Созданная душа не может быть душой; если бы душа могла быть создана, тогда она стала бы просто неодушевленным предметом.

Но для так называемого религиозного ума концепция творения кажется важной, потому что мы воспринимаем бога как творца, а без творения какая может быть речь о творце? Бог — не творец, бог — это само существование. Бог — это не что-то отдельное, но сама субстанция реальности; он не создатель реальности, а сама реальность.

Эта двойственность — бог и мир, творец и творение — своим появлением обязана нашему дуалистическому мышлению. Наш ум постоянно разделяет, но реальность едина. Бог — это не творец, а творение, энергия, сила, основополагающая субстанция всего.

Посмотрим на это по-другому. Никто не спрашивает: «Кто создал бога?» — потому что этот вопрос кажется абсурдным. Такой вопрос: «Кто создал бога?» — ведет к бесконечной регрессии; тот же самый вопрос можно снова и снова задавать в отношении ответа. Если А создал Б, то можно спросить, кто создал А. Так можно спрашивать до бесконечности, а ответ так и не будет найден. Каждый ответ будет порождать новый вопрос, или, по существу, все тот же самый вопрос.

Мы не можем думать, что бог создан. Если бы он был создан, он не был бы богом; он был бы предметом. То же самое справедливо и в отношении души: душа — не результат творения. И не только душа, даже материя — это не результат творения.

Теперь даже наука понимает, что создать мир было невозможно, так же как невозможно его уничтожить. Когда материя превращается в энергию, а энергия превращается в материю, это не уничтожение и не сотворение. Количество вещества остается тем же. Если материя превращается в энергию, мы можем сказать, что она уничтожена, потому что материя исчезла. Тем не менее, сама материя — это определенная форма энергии, и теперь это все та же самая энергия, только в другой форме. «Общий вес» существования не меняется. Если А превращается в Б или Б превращается в А, в отношении целого не происходит никаких изменений. К целому не может быть добавлено ни единой частицы, и ни единой частицы не может быть отнято. И эта общая совокупность есть бог.

Вот первое, что вы должны понять: ничто не было создано. Существование есть. Существование существует без начала и без конца, но в нем многое меняется.

Во-вторых, ум создал еще одно разделение: разделение материи и ума, тела и души. Это разделение — целиком работа ума; в реальности существует лишь целое. Тело является одной

формой целого, душа — другой. Поэтому, так же как материя превращается в энергию, а энергия превращается в материю, тело постоянно превращается в сознание, а сознание постоянно превращается в тело. Невозможно подойти к такой точке, где можно было бы сказать, что тело заканчивается и начинается сознание; такого разделения нет. Тело и душа — это не два разных образования, а только два полюса единого существования: на одном полюсе вы ощущаете тело, а на другом полюсе находится сознание.

Вы существуете: один полюс вашего существования — это сознание, второй — тело. Если вы становитесь все более и более сознательным, вы сливаетесь с душой; если в вас мало сознания, вы оказываетесь только телом. Если бы среди вас сидел Будда, то и у вас, и у него было бы тело, но так казалось бы только внешне. У Будды нет тела, он — душа. Это значит, что каждая частичка его существа стала осознанной. На другом полюсе находитесь вы, когда глубоко спите: тогда вы становитесь только телом и совсем перестаете быть душой.

В действительности, у вас нет души — только идея души, только мысль, теория, философия души.

Это может казаться странным, но Гурджиев говорил, что не у каждого человека есть душа. Он также говорил, что иметь душу — это достижение; это редкий случай, когда кто-то обретает душу. Он был прав. Идея, что у каждого есть душа, — заблуждение. Нам кажется, что душа — это нечто, что у нас уже есть, но это не так.

Это возможность, потенциал... это цветение.

Вы можете быть душой, но можете и упустить эту возможность. Если ваше сознание станет реальностью, если центром вашей осознанности станет душа, тогда привязанность к телу будет утрачена. Для других вы будете казаться телом, но для себя вы будете не тело. Разделение на тело и душу должно быть отброшено. Тело означает бессознательную энергию, а душа означает сознательную энергию. Но энергия одна. Посмотрите на это под таким углом: материя означает лишь одно — потенциальную душу, а душа — это материя, которая достигла своего расцвета. Просто выбросьте из головы всякую идею творения и забудьте обо всех разделениях. Только тогда вы сможете глубоко понять существование как таковое.

Философии и теологии не помогут, все они являются порождениями ума. Все знания, которые создает ум, основаны на двойственности. Там, где присутствует ум, неизбежно будет присутствовать разделение, потому что ум не способен постичь противоположности как целое.

Как ум может постичь тело и душу как одно целое? Это невозможно. Именно поэтому существует два типа монистов.

К первому типу относятся Маркс, Энгельс, Ленин и Мао. Они — монисты, утверждающие, что души нет, а есть только материя и тело. Ум не может себе представить, чтобы душа и тело существовали вместе, бок о бок. Где они должны сходиться и как? Ум всегда задается вопросом, как сознание и материя могут соединиться. Что послужит мостом между ними? Кто наведет этот мост?

Эти вопросы актуальны для ума. Ум разделил сознание и тело, и теперь у него возникает вопрос, как они могут работать вместе, параллельно. Но они нераздельны. Например, если вашему телу больно, больно и уму. Если в вашем теле заноза, вы чувствуете это в своей душе. Ваш ум подавлен, и тело тоже становится подавленным; ваш ум испытывает блаженство, и тело становится юным и свежим. Они ведут себя не как два явления, они ведут себя как одно. Но ум разделяет их, поэтому возникает проблема: как заставить их действовать как одно, как их соединить?

Сознание и материя противоположны — тогда какого рода взаимоотношения могут между ними существовать?

Монист сделает одно из двух. Во-первых, он может полностью отрицать душу, как это

делали материалисты: Маркс, Энгельс, Ленин и Мао. Для них существует только тело, никакой души нет; душа — это просто выдумка.

Во-вторых, другой тип монистов, таких как Шанкара, скажет, что тела нет, а есть только душа. Заключение монистов противоположны, но логика, аргументация, мышление одинаковы. Шанкара говорит, что материя — просто иллюзия, видение, она не может существовать, а Маркс говорит, что душа — это просто иллюзия.

Проблема обоих, Шанкары и Маркса, в следующем: сначала они создали разделение между телом и душой, а теперь не могут их соединить. Монисты исключают тело или душу, потому что не могут решить проблему с их взаимодействием.

Я предлагаю совершенно иной подход к решению этой проблемы: не разделяйте душу и тело. Они не два, они одно, они всегда были одним. Сознательная энергия — это душа, несознательная энергия — это тело. Иногда вы в большей степени душа и в меньшей степени тело, иногда вы в большей степени тело и в меньшей — душа.

Колебание между полюсами продолжается постоянно. С утра вы можете быть в большей степени душой, вечером — вы больше тело. Когда вы в гневе — вы в большей мере тело, когда вы в любви — вы больше душа. Степень постоянно меняется. Когда вы медитируете, сознание расширяется, а тело сжимается; когда вы пьете что-то опьяняющее, сознание сжимается, а тело расширяется. Тело и сознание — это два полюса одного явления.

Так что помните: эта двойственность — просто порождение ума, фантазия ума. Разделения нет.

Я не могу сказать, что души были созданы. Ничто не создавалось; вселенная существовала всегда. А когда я говорю, что души не были созданы, тогда, конечно, нельзя говорить и о том, были они созданы равными или неравными. Вопрос принимает совершенно иную форму.

Насколько я это понимаю, все души потенциально равны. Они всегда были потенциально равными, но в действительности они не равны. И они сами ответственны за это, никто другой. Нет еще кого-нибудь, кто был бы за это ответственен. Концепция бога-творца очень удобна — вы можете переложить свою ответственность на него. Это удобный прием, очень хитрый прием: если есть бог-творец, и если вы не равны, то ответственен за это он. Он создал вас неравными, что вы можете сделать? Но такого бога-творца нет! Все существование есть бог. Вы причастны к целому, так что вы причастны и к ответственности.

Ваши души потенциально равны. Это значит, что вы становитесь равными, когда достигаете полного цветения. Цветущий Будда, Махавира, Иисус, Мухаммед — они стали равными. Между ними нет разницы. Но когда цветение было только потенциалом, они не были равны. На пути мы не равны.

Кроме вас некому нести ответственность, потому что существуете только вы. Так что только от вашего решения зависит, кем вам быть и кем не быть. Кем бы вы ни были, это ваше решение. Если вы не меняетесь, это ваше решение. Если вы хотите измениться, вы можете измениться в тот же миг. Времени для этого не требуется, нужно только решение измениться.

Если решение слабо, время потребуется. Но если решение тотально, изменение может произойти в тот же миг. Никакого времени не нужно — изменение может случиться в то же мгновение. Время нужно только потому, что ваше желание не тотально, ваше решение не тотально. Проблема возникает потому, что, по сути, вы не готовы меняться, просто вашим умом овладела идея изменения.

Мы увидели будду, и нас одолевает жадность. Как стать буддой? Это жадность, это вожеление, это желание: как стать буддой — спокойным и сосредоточенным, светом для самого себя, глубокой непоколебимой тишиной, цветком не от этого мира. Жадность пробудилась, но ум не готов. Мы хотим быть как будда и при этом не быть подобными будде, потому что ум хочет

также и другого. Мы не готовы отказаться от того, от чего отказывается будда, но мы жаждем достичь того, чего будда достиг. Проблема в этом. Большая часть вашего ума не готова к изменению, не готова быть душой, но желание уже возникло.

Никто кроме вас не ответственен за это. Идите внутрь и анализируйте, почему вы не будда. Потенциал есть, энергия есть. Почему вы не будда?

Не думайте о том, кто создал нас неравными, кто создал кого-то буддой, а кого-то не буддой.

Никто не создавал; ответственен наш ум. Если я цепляюсь за теорию, что нас создал бог: кого-то как будду, а меня не как будду, — тогда что я могу сделать? Это судьба, которую мне навязали. Тогда я могу оставаться тем, кто я есть, я могу пассивно плыть по течению. Но это не поможет! Эта теория — просто спасительный прием, уловка, так чтобы вы могли оставаться такими, какие вы есть, не заботясь об изменениях.

Религиозность рождается в вас только тогда, когда вы начинаете чувствовать за себя полную ответственность. Философия — это одно: философия может продолжать свое бессмысленное, абсурдное теоретизирование. Религия — нечто другое: религия — это решимость, религия — это чувство полной ответственности за себя. Каким бы я ни был: жестоким, злым, жадным, полным вождения умом, скоплением желаний, — я за это ответственен.

Как только я начинаю чувствовать, что мое уродство — это моя ответственность, что мой погрязший в грехе ум — это моя ответственность, становится возможен прыжок. Поскольку я сам ответственен за свое уродство, никто другой не может быть ответственен за мою красоту. Если я ответственен за наполняющую меня темноту, тогда весь свет, который приходит к будде, может прийти и ко мне. Когда мы принимаем ответственность за одно, перед нами открывается другая возможность.

Ответственность означает свободу, так что перестаньте жаловаться богу. Ваши жалобы некому принимать; вы просто обманываете себя. Если не я несу ответственность за самого себя, я не свободен. Но если я свободен, то я должен полностью за себя отвечать.

Если я живу в аду, это мой выбор. Я использовал свою энергию и свободу, чтобы оказаться в этом аду; никто меня в него не бросал. Сартр говорит, что человек заброшен в этот мир. Никто вас не забрасывал; прийти сюда было вашим решением.

Сартр считает, что только в одном человек может быть действительно свободным — в суициде. Вы не ответственны за свое рождение, но вы можете быть ответственными за свою смерть: вы можете совершить самоубийство. Это нелогично! Если на одном полюсе свобода, то на противоположном полюсе не может быть что-то другое. Если я могу совершить самоубийство, если я могу покончить с жизнью по собственному решению, то, независимо от того, помню я это или нет, мой приход сюда, мое рождение тоже было моим решением. Второй полюс должен соответствовать первому. Если я ответственен за свои страдания, никто другой не может быть ответственным за мое блаженство. Если я могу быть ответственным за свою смерть, тогда я также ответственен за свое рождение.

Именно об этом говорит религия: это ваш выбор — родиться, жить или умереть. Когда кто-либо умирает, он кажется нам умирающим. Но если вы заглянете в ум умирающего человека, то увидите, что он жаждет жизни и еще раз жизни; он постоянно думает о жизни, о продолжении жизни. Сначала он будет пытаться удержаться в этой жизни; затем, если это станет невозможным, он захочет другое тело, другую форму, другой облик, так чтобы снова жить. Но если человек умирает, и у него нет никаких нереализованных желаний, если он не хочет продолжать жить, тогда для него больше не будет рождений. Если же какое-либо желание осталось невыполненным, ум будет стремиться выполнить его. Это приведет к новому рождению.

Мы знаем, что если кто-то рождается, он должен умереть, но мы не видим второго полюса: когда кто-то умирает, он должен родиться вновь. Если рождение ведет к смерти, то смерть вновь приведет к рождению, если только вы не умрете полностью, тотально. Эта тотальная смерть есть *самадхи*. Эта тотальная смерть является наивысшим пиком существования души: душа полностью очистилась. Нет больше желания будущего, потому что будущее означает рождение; никакого желания завтра, потому что завтра означает рождение, никакого желания следующего момента, потому что следующий момент означает рождение. Если вы можете умереть тотально — когда нет будущего, нет завтра, нет никаких желаний, когда не осталось ничего нереализованного — тогда рождения больше не будет.

Ваше рождение — это ваш выбор, даже если и совершенно бессознательный. Если вы станете более сознательным, вы не будете делать никакого выбора или выберете что-то другое.

Будда умирал. Кто-то спросил его:

— Где ты будешь после смерти?

Будда ответил:

— Нигде. Довольно! Я был во стольких телах в течение стольких жизней — с меня довольно. На этот раз я не собираюсь быть нигде. Я умираю тотально.

Тому, кто задал вопрос, это показалось трагичным — Будда умирает тотально. Он больше не родится вновь. Теперь не остается никакой надежды. Он заплакал.

Будда сказал:

— Не плачь. Танцуй! Это мгновение моей реализации: я умираю тотально. Это пик, наивысшая возможность для души. Без каких-либо желаний, без какой-либо надежды, без будущего, я просто растворяюсь в космосе. Меня не будет нигде, потому что я буду везде.

Ты не сможешь обнаружить меня в каком-то определенном месте, но я буду подобен соли земли: ты сможешь ощутить мой вкус повсюду. И это будет только вкус. У меня не будет тела, не будет никакой видимой формы. Я буду космической энергией.

Это то, что Будда называет нирваной. Нирвана — красивое слово. Это не *мокша*, не освобождение; нирвана — это другое, иное качество. Оно означает что-то вроде затухания свечи.

«Так же как гаснет свеча, — говорит Будда, — погасну и я». Когда гаснет свеча, кто может сказать, куда ушел свет? Вы не сможете обнаружить пламя, вы не сможете определить, где оно: у него теперь уже нет никаких новых желаний. Но оно по-прежнему будет частью космоса, потому что ничто не может исчезнуть из космоса.

Все, что с нами происходит, — результат нашего выбора. Нам трудно согласиться с этим, потому что тогда и страдания тоже являются нашим собственным выбором: и в этом проблема. Если ответственен кто-то другой, то я могу быть спокоен; я страдаю не из-за самого себя. Если существует судьба, если существует творец, тогда ответственны они, а я вынужден быть тем, кто я есть. Это уход от действительности. Никого другого нет! Вы одиноки.

Как же объяснить наши страдания? Мы думаем, что никогда не выбираем страдания, но это вздор, мы выбираем *все*. Никто не может признать в том, что он выбирает страдания, потому что, принимая решение, мы рассматриваем только фасады, наружную сторону. Но, в конце концов, происходит столкновение с реальностью того, что мы выбрали.

Каждый выбирает удовольствие и, в конечном итоге, каждый страдает, потому что удовольствие — это только фасад, обманчивое прикрытие страдания. Чем ближе вы подходите к удовольствию, тем призрачней оно становится. Это происходит каждый раз, но мы никак не можем осознать, что удовольствие — это просто фальшивое лицо боли, страданий, мучений.

Никто не выбирает страдания непосредственно; все выбирают их косвенным образом. И этот выбор бессознательный, неосознанный. Выбирая удовольствие, вы уже выбрали страдание:

каждое удовольствие заканчивается болью, каждое удовольствие приносит напряжение. Страдание — это неизбежная часть удовольствия, его заключительная часть. Этого невозможно избежать. Стремление к удовольствию, поиск удовольствия — это иллюзия. То, чего вы в итоге достигаете, никогда не бывает удовольствием. Посмотрите на это со стороны. Кто-то выбирает удовольствие...

Это позитивное усилие: амбиции, успех, достижение цели... А потом возникает страдание, вы выбираете небеса, а попадаете в ад. Небеса — это ворота в ад. Проходя через эти ворота, вы входите в ад. Удовольствие — это позитивный поиск, но счастье негативно. Это не присутствие чего-либо, это отсутствие чего-то — отсутствие страдания. Не ищите удовольствия, и автоматически не придет страдание. И когда нет ни удовольствия, ни страдания, есть блаженство.

Со стороны отсутствие удовольствия кажется негативным, но внутри это нечто позитивное. Блаженство — это ваша природа. И это тоже выбор, все является вашим выбором. Если вы не ищите удовольствие, тем самым вы уже выбрали блаженство.

Вы можете измениться в любой момент. Когда я говорю «в любой момент», я вкладываю в это глубокий смысл. Я имею в виду то, что все выбранное вами в прошлом не является препятствием. На протяжении тысячелетий вы могли снова и снова выбирать только удовольствия, удовольствия и удовольствия и, возможно, получали только страдания, страдания и страдания.

Но это не препятствие. За то, что вы выбрали в прошлом, вы уже пострадали, ничто не остается неуравновешенным. В это самое мгновение вы можете выбрать противоположное, и какие бы кармы вы ни несли, какие бы действия вы ни совершили в прошлом, они не станут препятствием.

Ум способен на всевозможные уловки. Если нет судьбы, если нет творца, тогда «козлом отпущения» вы делаете карму. Вы говорите: «Что я могу сделать? Я был грешником многие жизни, и теперь моя карма стоит поперек дороги. Как я могу свободно выбирать? Я ограничен своей кармой».

Вас ничто не ограничивает. Но даже если и ограничивает, если вы чувствуете вокруг себя тюремные стены, это ваш собственный выбор. Нет тюрьмы, и нет тюремщика.

Вы можете выйти из тюрьмы в это самое мгновение. Это ваш выбор — жить в тюрьме, это ваш выбор — оставаться там или нет; никто не мешает вам отсюда выйти.

Если вы хотите быть заключенным, вы можете создать философию, согласно которой вы будете заключенным. Если вы хотите быть свободным человеком, если вы хотите быть самой свободой, тогда вы можете выбрать другой способ мышления, и вы будете свободным. И то и другое — ваш выбор.

На каком бы уровне вы ни находились, вы ответственны за это, потому что вы свободны; нет никаких ограничений. Ограничений много, но вне вас нет никаких ограничений. Все ограничения созданы вами; все они существуют благодаря вам.

Если вам трудно покинуть тюрьму, дело не в тюрьме, а в вашей собственной привычке, в вашем неправильно сделанном выборе. Вы выбирали тюрьму так много раз, что это вошло в обычай, в привычку: вам легче быть в тюрьме, чем вне нее.

Тюрьма стала вам так привычна и знакома, вы так украсили ее, что она больше похожа не на тюрьму, а на ваш дом. Внутри нее — полная безопасность, полная защищенность, а ведь снаружи вы будете уязвимы и открыты — никакой защиты, никакой безопасности. Вы окажетесь в неизвестном мире, вы будете охвачены страхом. Это ново; это не тюрьма вашего собственного ума.

Когда человек начинает выбирать сознательно и вспоминает о своей свободе, он сразу же

свободен. Вспомните о том, что вы свободны, и это сделает вас свободными. Это не усилие, это осознание своей свободы и ответственности. Свобода и ответственность — две стороны одной медали, так что не перекладывайте на кого-то свою ответственность, иначе вы лишитесь свободы.

Почувствуйте себя ответственным, примите ответственность за самого себя. Только это вас освободит. Если вы признаете, что ад, в котором вы живете, это ваш собственный выбор, что никто кроме вас за него не отвечает, то вы свободны. Вы можете выйти из него, вы можете его покинуть. Но если в ад вас заточил кто-то другой, тогда и вытащить вас оттуда может только он. Вы совершенно бессильны.

Вера в то, что кто-то вне вас ответствен за то, кем вы являетесь, делает вас в большей степени телом и в меньшей степени душой. Поверьте мне: если вы чувствуете ответственность за самого себя, тогда в вас неминуемо начинает прорастать свобода. Вы ответственны за себя; вы становитесь в большей степени душой.

Человек, подобный Будде, чувствует ответственность за весь мир, позиция самого Будды противоположна. Он говорит: «Когда я выбираю страдание, я создаю вибрации страдания». Несчастный человек распространяет определенный тип вибраций. Жестокий человек распространяет жестокость, гневный человек порождает гнев, любящий человек вызывает любовь.

Обычно мы полагаем, что за нас отвечает бог, что целое несет за нас ответственность. Будда переходит в другую крайность и говорит: «Я ответствен за целое. Если в мире существует безобразие, я несу за это ответственность, потому что я его причина. Если в мире существует ненависть, я несу за это ответственность, потому что я ее создал. Я так много раз выбирал ненависть, когда мог бы выбрать любовь. Я выбирал ненависть, я выбирал гнев, я выбирал похоть, а если я выбираю все это, то создаю среду, в которой другие выбирают то же самое».

Если вы чувствуете, что несете ответственность за себя, вы становитесь душой. Если вы чувствуете, что несете ответственность за целое, вы становитесь богом. Тогда нет никаких границ. Вы стали целым — любой другой исчез.

Какой степенью свободы выбора мы обладаем в плане реинкарнации?

Вам предоставлена полная свобода выбора. У свободы не может быть степеней. Какие у свободы могут быть степени? Как можно называть свободой то, что имеет степени? Если вы свободны только внутри своего дома, но не снаружи, тогда вы не свободны. Ограниченная свобода — это не свобода, это рабство с красивым названием. Свобода означает нечто без ограничений; других вариантов нет. Рабство означает ограничение. Это следует очень хорошо понять. Рабство — это тюрьма, она не может быть безграничной, рабство, по сути своей, ограниченное явление. Существуют различные степени рабства: вы можете быть рабом в большей или в меньшей степени. Я могу сделать вас рабом в определенной области; и я могу сказать: «А что касается того или этого, вы свободны». Но степеней свободы не существует; свобода тотальна. И это настолько безграничное явление, что оно нас пугает.

Эрих Фромм написал замечательную книгу «Бегство от свободы». Это название столь многозначительно: «Бегство от свободы». Он прав, каждый убегает от свободы. К примеру, любовь — это свобода, но брак — нет. Если вы влюблены, рано или поздно ваш ум попытается убежать от свободы и прийти к браку.

Любовь неизведанна, неизвестна, никто не знает, куда она может привести. И свобода безгранична, это пугает. Поэтому вы создаете клетку, очерчиваете границы и живете внутри них. Теперь вы знаете, где вы и куда вы идете. Но цена этого — свобода.

Мы убегаем от свободы всеми возможными способами. Почему? Потому что свобода так бесконечна, так велика, а мы так малы, что боимся встретиться с ней лицом к лицу, не можем с

ней жить. Если вы одиноки, у вас есть свобода, а когда рядом с вами есть кто-то еще, когда вы в толпе, свобода теряется. И все стараются избежать одиночества. Никто не хочет быть одиноким и свободным. Всем нужна компания, потому что компания означает меньше свободы и больше рабства.

Дэвид Ризман написал книгу «Одинокая толпа», в которой описывает это явление. Каждый стремится оказаться в толпе, потому что испытывает боль одиночества, потому что боится: боится самого себя, боится жить с самим собой. Все делают одно и то же, поэтому человечество — это большая толпа, и каждый в ней одинок.

Человек, не способный жить с самим собой, не сможет жить и с кем-то другим. Тот, кто не способен любить себя, наслаждаться своим собственным обществом, не сможет быть в глубоких отношениях с другим. Если вам скучно с самим собой, вы будете вызывать скуку в других. Так что собираются толпы, но это толпы одиноких.

Свобода, о которой вы спрашиваете, это величайшая свобода: выбирать свою жизнь, выбирать свое существо, выбирать самого себя. Такая возможность пугает. Лучше подчиниться кому-то, лучше позволить кому-то делать выбор за вас — кому-то более компетентному, более знающему, тому, кто может вас направить. И мы продолжаем убегать...

Я встречал многих, многих людей, которые приходят ко мне и говорят: «Я ничего не могу сделать. Я сдаюсь на твою милость, сделай для меня что-нибудь!» Меня всегда это удивляет. Если вы ничего не можете сделать, как вы можете сдаться? Капитуляция — это великое дело. Но люди говорят: «Я ничего не могу сделать, поэтому я сдаюсь», — как будто капитуляция — это ничто, как будто она означает бездействие. Как вы можете сдаться, если это не вы выбрали свою жизнь? Если вы считаете, что вы ничего не выбирали, что вас просто бросили в эту жизнь, разве можете вы тогда сказать: «Я сдался»? Кто вы такой, чтобы сдаться?

Нет! Капитуляция — это величайшее действие, тотальное действие. Сдаться может только человек, который чувствует себя полностью свободным, но не раб. Как может сдаться раб? Только ответственный человек может сдаться. И если вы можете сдаться, вы можете сделать все что угодно.

Свободу нужно понимать очень глубоко, не как концепцию, а как ситуацию, в которой мы живем. Мы свободны. Прямо в это самое мгновение каждый из вас может совершить в своей жизни поворот на сто восемьдесят градусов.

Никакая судьба не принуждает вас двигаться в определенном направлении, никакое прошлое не подталкивает вас, никакое будущее вас не притягивает — выбор делаете именно вы. В это самое мгновение вы можете развернуться на сто восемьдесят градусов и измениться. Вы можете стать другим, совершенно другим. Вы можете быть душой, а не телом.

У свободы нет степеней. А когда я говорю, что у свободы нет степеней, что нет степеней у свободы выбора, это также означает, что нет степеней и у просветления.

Вы становитесь просветленным мгновенно. Точно так же, как существуют разные степени рабства, но не существует степеней свободы, бывают разные степени невежества, но не бывает степеней знания. Вы либо знаете, либо не знаете.

Люди приходят ко мне и спрашивают: «Кто более просветленный, Будда или Махавира, Кришна или Христос?» Как будто бывают какие-то степени просветления! Люди, которые пишут о разных степенях просветления, просто глупцы. «Будда достиг такой-то степени просветления, Махавира достиг другой степени просветления, кто-то третий превзошел их обоих...» Нет никаких степеней просветления!

Кем бы ни был человек до этого, он исчезает, совершает прыжок. Просветление — это прыжок. Неведение Будды имело степени, неведение Махавиры имело степени, но в тот момент, когда Вардхаман — прежнее имя Махавиры, или Сиддхартха — прежнее имя Будды, исчезли, их

знание уже не имело никаких степеней. Блаженство пронизывает всю жизнь целиком.

Точно так же существуют степени ненависти, но нет степеней любви. Существуют степени гнева, но нет степеней прощения, вы либо прощаете, либо нет. Существуют степени греха, но не бывает степеней добродетели, их не может быть.

У вас есть полная свобода выбора, бесконечная свобода выбора. Вы можете тысячелетиями выбирать рождение за рождением. Никто не прикажет вам, чтобы вы изменились. И вы не изменитесь до тех пор, пока не осознаете, что с вас довольно. Будда сказал:

«Довольно. Я был, больше меня не будет».

Это трудно постичь, потому что логика считает, что у всего должны быть степени. Рассудок говорит: «Как я могу сказать, что я свободен, когда повсюду существуют ограничения?» Они существуют, но это вы их создали.

Это невозможно понять логически, потому что логика является частью ума и использует язык строгой дуальности.

Согласно логике, есть либо белое, либо черное, вы либо свободны, либо нет. В логике нет серого. Но в жизни серое — это единственная реальность: белое — один полюс серого, а черное — другой.

Когда я говорю, что вы свободны, это также подразумевает, что вы свободны быть несвободным, вы свободны быть рабом. Ваша свобода такова, что вы можете выбрать несвободу, потому что если вы не можете выбрать несвободу, тогда ваша свобода еще неполная.

Это дилемма. Логика спросит: «Если человек свободен, тогда почему он не свободен? Если человек божествен, тогда почему он не чувствует себя божественным? Если человек — это блаженство, тогда почему он не испытывает блаженства?» Но я говорю, что человек несвободен, потому что он свободен, просто таков его выбор. Человек может выбрать свободу и быть свободным, а может пойти против себя, против своей природы. Вот что такое свобода. Вы можете идти против своей природы, вы можете расширять свое сознание, а можете не расширять, вы живете свободными и ответственными или разрушаете себя.

Животные несвободны, ограничены в том смысле, что в большей мере они бессознательны. Их жизнью управляют инстинкты, животные не способны выбирать. Они обладают определенной неизменной природой, и вынуждены ей следовать.

Человек не окован цепями инстинктов, такого явления, как фиксированная человеческая природа, не существует. У человека есть свобода выбора: опуститься или подняться. Он может опуститься ниже животных и подняться выше ангелов. У него нет той природы, которой он вынужден следовать.

Чем более сознательными вы становитесь, тем меньше ограничений у вас остается. Чем более ответственными вы становитесь, тем больше возникает опасностей.

Вас ждут опасные перемены, и они неизбежны, пока вы не станете полностью осознанными. Но лучше пройти через них, чем пытаться их избежать, потому что именно опасности помогут вам стать более осознанными. А бегство создает бессознательность, неосознанность, летаргию и сон.

Покидает ли душа тело, когда мы умираем? Куда она уходит?

Такой образ мышления: что-то остается, а что-то уходит — ошибочен. Плотное тело, которое мы знаем, это наша периферия, внешний покров. Кроме него, существуют и тонкие тела, которые продолжают окружать душу, даже когда она уходит. Эти тела — тоже часть вас.

Тело является частью вселенной, но мы думаем, что мы принадлежим себе, и поэтому у нас возникает вопрос: где заканчивается тело?

Если вы будете смотреть внимательно и глубоко, вы увидите, что вся вселенная является частью вас, частью вашего тела. Например, если погаснет солнце, ваше тело не сможет продолжать существование. Оно не может жить без океанов, без атмосферы. Ваше тело — это

просто часть, постоянно меняющаяся часть вселенной. Когда восходит солнце, что-то восходит и в вас. С заходом солнца что-то заходит и в вас. Когда луна есть, вы такие. Когда луны нет, вы другие. Ваше тело находится в постоянных динамических взаимоотношениях с целым.

Где бы вы ни оказались, какое бы состояние ни переживали, вы по-прежнему будете в теле. Если вселенная забирает у вас одно тело, то дает вам другое тело, если только вы сознательно не растворяетесь в целой вселенной. В таком случае тело не нужно, потому что вселенная как таковая не имеет тела.

У индивидуумов всегда есть тела. Но где кончается тело, и где оно начинается? Это проблема, многомерная проблема. Ваше тело не могло бы существовать, если бы не существовало тела вашего отца. Ваше тело — это часть длинной цепочки, бесконечной цепочки. Ваше тело существует в деревьях, в море, во всем. Это маленький космос, связанный со всеми частями целого.

Наш язык очень груб и ограничен, поэтому, когда мы говорим, что душа покидает тело, это создает ошибочное представление. Душа переходит в тело вселенной, и вселенная дает ей новое тело. То тело, которое вы оставили, остается связанным с вами, потому что все целое едино.

Вы плаваете в море. Миновав какую-то часть моря, вы проплыли вперед, но та часть, которую вы преодолели, по-прежнему является частью моря, в котором вы плаваете. Море едино, и вы плаваете в нем подобно рыбе, которая рождена в море и снова станет морем. Рыба — это не что иное, как само море, сгустившееся в каком-то месте, которое вскоре вновь растворится и превратится в море.

Наша концепция рождения и смерти примитивна. Вы не можете уйти из жизни за пределы вселенной. Где бы вы ни оказались, вселенная остается телом для вас. Ваше тело — не только ваше: это большое сообщество множества душ; вы — только одна из них. Каждая клетка вашего тела обладает душой, так что в вашем теле семьдесят миллионов живых клеток, заключающих в себе душу.

Ваше тело — это толпа многих-многих душ, живущих в большом городе, а вы — лишь одна душа, живущая в нем. Каждая ваша клетка является душой по существующему у нее праву. Она может жить и расти без вас, она может любить и воспроизводиться без вас; вы не нужны. Так что, когда вы покидаете тело, оно по-прежнему живо. Центральная душа ушла, но в теле продолжают жизнь много миллионов клеток, которые в конечном итоге могут развиваться, подобно вам, в человеческое существо.

Так что это сложный вопрос. Но определенно одно: ничто не мертво. Мы — часть океана жизни; мы — жизненность.

Это кажется нам невообразимым, потому что мы продолжаем рассматривать вселенную с застывшей точки зрения. Она мешает. Если эта точка исчезает, и нет эго, из которого вы можете смотреть, тогда вы не можете сказать, что умираете и куда-то уходите. Вы были. Вы есть. И даже если кажется, что все исчезает, на самом деле, ничто не исчезает; ничто не кончается. Но такое восприятие возможно только тогда, когда нет эго, которое могло бы сказать: «Это я».

Мы считаем, что мы — центр вселенной, подобно тому, как человечество всегда считало, что Земля — это центр вселенной. Но даже наука доказала, что это не так. Наше заблуждение относительно самих себя — такое же заблуждение, как и то, что Солнце вращается вокруг Земли. Это кажется нам истинным даже сейчас, хотя мы знаем, что это иллюзия. Когда мы смотрим на небо, нам кажется, что Солнце вращается вокруг Земли.

То же самое явление можно наблюдать глубоко внутри. Во внутреннем измерении мы привязаны к земле, привязаны к эго: нам кажется, что вся вселенная вращается вокруг эго. Но это ошибочная идея; реальность состоит в том, что вы блуждаете по вселенной. Вы — ее часть; что-то другое для вас невозможно.

И если вы смотрите на мир с эгоцентрической точки зрения, то, что бы вы ни думали, все будет ошибочным. Вот что значит для меня правильное и неправильное: то, что имеет в центре эго, — неправильно, а то, у чего эго в центре нет, — правильно. И до тех пор, пока вы не станете едины со вселенной, пока не исчезнет ваше эго, у вас не может быть правильного видения.

Глава 11

Оставаясь закрытыми для низшего: техника трансформации

Как в своей безнадежной духовной ситуации мы можем получить помощь от более развитых душ из астрального мира? Как мы можем стать открытыми высшему?

Издавна говорят, что когда ученик готов, учитель появляется. Ученик не может найти учителя — это невозможно. Только учитель может найти ученика. Только тот, кто знает себя, может узнать другого. Это просто.

Когда вы готовы, вся вселенная начинает вам помогать. Незачем просить об астральной помощи, незачем куда-то идти, помощь всегда приходит своевременно, потребность всегда удовлетворяется. Но вы должны быть готовы, вы должны быть восприимчивы, чтобы вселенские силы могли вам помочь. Так что это не позитивный поиск, потому что вы не сможете найти астральную помощь; возможность помощи зависит от вашего состояния, от вашей готовности.

Высшие силы присутствуют всегда и везде. В этот самый момент вы окружены и высшими, и низшими силами, но воспринимаете вы только низшее.

Вы можете быть открыты либо высшим силам, либо низшим; вы не можете быть открыты и тому и другому. Механизм сознания таков, что если вы открыты низшему, вы будете закрыты для высшего, а если вы откроетесь высшему, вы автоматически закроетесь для низшего. У нас только один канал, так что это ваш выбор — в каком направлении идти.

Первое, что нужно понять, — это как быть закрытыми для низших сил и как открыться высшим. Высшие силы всегда здесь, но они не могут действовать, если вы не сотрудничаете с ними, если вы себя им неверяете. Только в тот момент, когда вы открываетесь им, начинается работа: когда двери открыты, солнце может войти. Ваши же двери закрыты. Солнце здесь, в эту секунду оно стучится в дверь, но вы погружены во тьму. Вы остаетесь в темноте не потому, что солнца нет, а потому, что ваши двери закрыты. Вы еще не пригласили солнце, вы не восприимчивы к нему. Вы пока еще не готовы к приему гостей, даже приглашения еще не разосланы.

Как можно закрыться для низших сил и открыться высшим? Мы даже не осознаем, что открыты низшим силам, и, тем не менее, пытаемся найти высшие силы, которые могли бы на нас поработать...

Например, когда вас кто-то любит, вы относитесь к этому с подозрением, всегда сомневаетесь в любви. Настоящая это любовь или нет? Вас действительно любят или нет? Искренне ведет себя этот человек или притворяется? Когда кто-то сердится, вы никогда не сомневаетесь в том, что он действительно разгневан, вы не думаете, что он просто притворяется или играет роль. Гнев сомнений не возникает. Всегда считается само собой разумеющимся, что гнев подлинный, но любовь никогда не принимается на веру. Вы всегда верите низшему; вера в низшее глубоко в вас укоренена.

Помните: вера — это открытость. Вера означает доверие, и всему, во что вы верите, вы открыты. Недоверчивый ум закрыт, потому что он боится. И до тех пор, пока вы не начнете доверять, вы будете закрыты.

Первое, что вам следует осознать, — это во что вы больше верите: в низшее или в высшее? В низшее вы верите без рассуждений, без сомнений, без размышлений. Вы верите в низшее:

низшее — это ваша реальность.

Когда Гурджиев был еще девятилетним ребенком, его умирающий дед сказал ему: «Я не могу дать тебе ничего, кроме одной глубокой истины, которую я усвоил в своей жизни. Есть только одна вещь, которую я приобрел и которую могу передать тебе в наследство: всякий раз, когда кто-то сердится на тебя, не реагируй сразу. Подожди двадцать четыре часа и только тогда отвечай».

Позже Гурджиев должен был признаться, что этот простой урок трансформировал всю его жизнь — он пообещал умирающему деду, что будет следовать этому правилу. Всякий раз, когда кто-то оскорблял, бранил Гурджиева или плохо с ним обращался, он оставался свидетелем этого, никак не реагируя, и не только внешне, но также и внутренне. Он терпеливо выслушивал все, что ему говорили, и затем сообщал: «Я не могу ответить прямо сейчас. Я вернусь через двадцать четыре часа. Это обещание, которое я дал моему деду. Так что я вернусь через двадцать четыре часа и тогда отвечу».

Конечно, он и потом не реагировал. Через двадцать четыре часа он возвращался и говорил: «В тот момент я не мог реагировать из-за своего обещания. Но теперь я уже не хочу реагировать».

Вся жизнь Гурджиева была особенной благодаря этой закрытости к низшему. Двадцать четыре часа — слишком долгий срок. Ум открывается только под определенным давлением, и то лишь на мгновение. Если вы подождете немного, ум снова закроется. Если вы не позволите давлению воздействовать на вас, то через двадцать четыре часа ситуация станет холодной и мертвой. Ум хочет реагировать только в горячий момент.

Поскольку гнев стал совершенно невозможен, Гурджиев попробовал эту технику и в других областях. Например, в сексе. Всякий раз, когда возникало возбуждение, он ждал. За двадцать четыре часа возбуждение исчезало без следа: ум больше не притягивался низшими силами.

Через несколько лет такой практики Гурджиев осознал в своем уме открытость другого рода. Поскольку энергия должна течь, а выход в низшее был закрыт, она вынуждена была найти другой выход.

Например, когда он проходил мимо церкви, где шла месса, стоило ему только взглянуть на молящихся в молчании людей, как внезапно дверь его ума открывалась, и он соединялся с молящимися. Его ум мгновенно открывался чему-то высшему.

Затем он обнаружил еще одно необычное явление. Он мог просто идти по улице, мимо него проходил обычный человек, и неожиданно Гурджиев осознавал, что это не обычный человек; это — мистик. Гурджиев следовал за ним. И каждый раз на сто процентов оказывался прав!

Суфийские мистики не любят огласки, но они открыли тайные пути к тому, как быть узанными. Индийские мистики стремятся к изоляции, хотят быть подальше от толпы. Они уходят в леса, в горы. Но даже если мистик уходит в монастырь или в лес, люди узнают о нем, и очень скоро он становится известен. Безмолвие обладает своим собственным посланием: и именно это послание передает многое.

Суфии обратились к другому методу. Они не уходят в монастырь, они не уходят в лес и не уединяются в горах; напротив, они включаются в обычную жизнь. Например, суфийский мистик может быть просто сапожником. Он может быть настолько обычным, что никто не заподозрит, что он что-то знает или кого-то из себя представляет. Но тот, кто открыт высшим силам, распознает его.

Эта открытость в Гурджиеве стала основой его поиска чудесного. Он просто следовал — без всякой карты, без всякого знания, и, в конечном итоге, побывал в Индии, в Египте и на Тибете. Он шел вперед и вперед, не зная, куда идет, интуитивно нащупывая свой путь, пока наконец не чувствовал, что та или иная тропинка хороша. И тогда он шел по ней. Иногда тропинка

заканчивалась у дверей хижины, а внутри обнаруживался мистик!

Когда вы открываетесь высшему, все начинает происходить по-другому. Но если вы открыты только низшему, тогда вам приходится искать высшее на ощупь, в темноте. Это беспорядочный, случайный поиск. Иногда вы кого-то встречаете или что-то узнаете, но это редкость. Даже если вы натываетесь на то, что могло бы полностью изменить и трансформировать вашу жизнь, вы не осознаете этого.

Может быть, вы встретите будду, но вы не поймете, что перед вами будда. Как вы его узнаете? Вы закрыты для высшего, так что даже если вы на самом деле встретите будду, вы обратите внимание только на его низшие проявления. Даже в будде вы найдете то, что будет вас беспокоить: почему будда так ест? Почему он так спит? Почему он такой-то и такой-то? Ваша открытость низшему предоставит вам для размышления достаточно материала, который совершенно не будет касаться бытия будды, и высшее будет упущено. Единственное, что вы увидите, это низшее; смотреть на низшее, искать проявления низшего — очень давняя привычка.

Мы верим в низшие силы, мы преданы низшему, потому что дверь в низшее в нас открыта. Если кто-то осуждает другого человека, мы полностью ему верим, в доказательствах нет необходимости. Вот почему слухи сбываются: вы можете пустить совершенно ложный слух и затем, поскольку так много людей поверят в него, вы сами начнете в него верить. Мы ведомы другими. Если так много людей что-то говорят, это *должно* быть правдой.

Открытость низшему стала в нас привычкой. Осознавайте, когда какая-либо низшая сила притягивает вас. Будьте свидетелем. Не позволяйте своему уму открываться этой силе. Все, чему вы открыты, глубоко запечатлевается в вас и, в конце концов, начинает работать.

Так что будьте осознанны постоянно, каждое мгновение. Даже если нечто подлинно, истинно, но низко, оставайтесь закрыты. Даже если вы знаете, что кто-то вор, все равно, мой вам совет: не открывайтесь этому, потому что когда вы сфокусированы на низшем, оно начинает в вас запечатлеваться. Привычка фокусироваться на низшем бесполезна, потому что она является препятствием к открытости высшему.

Будда сказал:

«Не верьте тому, что ваш ум считает правдоподобным».

Если я скажу, что какой-то человек — великий святой, если я скажу, что он абсолютно чист, ваш ум усомнится в этом. Как такое может быть? Он находится в теле, так же как и вы, как он может быть чист? Ваше эго задето. Вы не можете себе представить, чтобы кто-то был более чистым, чем вы, поэтому вы пытаетесь это опровергнуть. Но если вы не можете представить себе, что кто-то более чист, чем вы, то вы не сможете достичь большей чистоты; вы лишили себя возможности роста.

Христианский мистик, Тертуллиан, сказал:

«Я верю в бога, потому что только так я могу расти».

Для Тертуллиана бог — это вопрос не реальности и вымысла, а вопрос внутреннего роста.

Ницше, к примеру, мог бы вырасти в будду. Такой огромный потенциал, такой великий гений, такие безграничные возможности! Но он не вырос в будду; напротив, он превратился в сумасшедшего. Когда он сказал: «Бог умер», — это было заявление не о боге; это было заявление о закрытии для Ницше канала в высшее. Если бога нет, то и возможностей нет. Тогда невозможно расти в направлении к богу.

Вам не так-то легко поверить, что кто-то может быть чист. Будда настолько чист, что вы не можете поверить в это, даже отец Будды не поверил в это. Когда до него дошли вести, что его сын стал просветленным, говорят, он сказал:

«Я хорошо его знаю, он мой сын, моя плоть и кровь. Я знаю его лучше, чем вы. Он не такой, как вы говорите».

После двенадцати лет странствий Будда вернулся в родной город. Тысячи и тысячи людей стали его учениками: он был для них внутренним светом. Но его отец совершенно этого не осознавал, и когда Будда пришел повидаться с ним, он был в гневе. Он был в гневе, потому что Будда был его единственным сыном, его единственной, но несбывшейся надеждой. Так что когда Будда предстал перед отцом, тот сказал:

— Я по-прежнему запрещаю тебе делать то, что ты делаешь. Я — твой отец! Я так люблю тебя, что могу забыть все, что ты натворил, мои двери по-прежнему открыты, но оставь весь этот вздор! Мне невыносимо видеть сына собирающим подаяние на улицах.

Для него Будда был просто нищим, говоря современным языком, хиппи, бунтарем. Будда стоял в молчании. В конце концов до отца дошло, что он не собирается ему отвечать. Отец сказал:

— Я знаю, почему ты не отвечаешь. У тебя нет на это мужества.

Будда рассмеялся и спросил:

— С кем ты разговариваешь? Сына, который покинул твой дом, больше нет. Я совершенно другой человек.

Конечно, отец разозлился еще больше. Он воскликнул:

— Ты пытаешься убедить меня, что я не знаю, кто ты? Я дал тебе рождение!

Будда ответил:

— Ты дал мне рождение, но я не принадлежу тебе, я не твоя собственность. Ты был переправой. Я благодарен, но не могу сказать, что ты меня знаешь. Ты не знаешь даже самого себя, как же ты можешь знать меня?

Но отец продолжал гнуть свое. Он был закрыт для высшего существа, которым стал Будда, он был закрыт для реальности, которая предстала перед ним, он был открыт лишь памяти о Сиддхартхе, его сыне. Высшая сила была открыта к нему, но он был открыт только низшему. Он оставался отцом, разговаривавшим со своими прошлыми воспоминаниями и не видящим реальности.

Все зависит от вас. Будда не является привилегией какого-либо века или периода, сила Будды присутствует всегда, везде. Нужно просто быть открытым.

Первое, что необходимо сделать, это закрыться для низшего. Когда бы ваш ум ни открылся низшему, просто по привычке, не забывайте стать свидетелем этому, и привычка уйдет, канал закроется. Не растрачивайте энергию на низшее, вместо этого накапливайте ее. И накопленная энергия поможет вам распахнуть двери для высшего. Как только вы поймете, что существуют высшие возможности, потребность думать о низшем пропадет сама собой. Низшее исчезло: вы вошли в другой мир, в другое измерение, в новое существование. И тогда вы начинаете получать помощь от более развитых душ.

Ты спрашиваешь:

Как в такой безнадежной духовной ситуации мы можем получить помощь от более развитых душ из астрального мира?

Вы можете получить помощь прямо сейчас! Помощь всегда рядом, но вы ее не видите. И дело не только в том, что у вас закрыты глаза, вы же упорно предпочитаете, чтобы они и оставались закрытыми. Когда кто-то пытается их вам раскрыть, вы ищете аргументы в свою пользу. Вы говорите: «Это естественно. Темнота, грех и зло — естественные вещи».

Вот пример: Фрейд произвел великий переворот в понимании человеческой природы. Он сослужил большую службу человечеству, открыв ему глаза на то, что, независимо от того, каков потенциал человека, девяносто процентов его деятельности, его поведения, его мышления сексуально. Это было важным шагом, но поскольку наш ум открыт только низшему, открытие Фрейда привело к плачевным последствиям. Так, когда Фрейд сказал, что вся человеческая

жизнь, как она есть, по-видимому, сосредоточена на сексе, все религии выступили против него. Эта борьба была обречена на поражение, потому что Фрейд указывал на действительный факт. Но теперь мы используем этот факт совершенно неверным образом. Мы говорим: «Да, человек сексуально ориентирован, сосредоточен на сексе, но такова его природа, так и должно быть». Так что теперь не только девяносто процентов человеческой жизни сфокусированы на сексе, но к ним добавились и оставшиеся десять.

Это две низшие возможности: либо вы боретесь с сексом, и в этой борьбе энергия становится извращенной, либо начинаете молиться на свои собственные инстинкты, и погрязаете в сексе без всякой возможности трансформации.

И Будда, и Махавира, и Иисус пытались трансформировать сексуальную энергию. Напоминаю, *трансформировать*, а не подавить. Но те, кто были открыты только низшему, но не высшему, поняли это как подавление, а не как трансформацию. И низший ум начал подавлять, результатом чего стали всевозможные извращения. Должен был родиться Фрейд, чтобы вывести человечество из замкнутого круга. Он должен был сказать, что секс естественен, что его не нужно подавлять, его нужно принять. И теперь люди снова бросились в противоположную крайность.

Низший ум очень легко переходит из одной крайности в другую, потому что канал низшего функционирует только двумя способами: подавляет или потворствует. На первый взгляд, это противоположности, но на самом деле это не так. Подавление и потворство удивительным образом помогают друг другу, словно тайные друзья. Если вы потворствуете себе сверх меры, то автоматически будете привлечены к так называемой противоположности, подавлению — и наоборот. Тогда третья возможность — возможность трансформации энергии — будет оставаться для вас закрытой.

Течение энергии в обеих крайностях горизонтально; а при трансформации энергии, третьей возможности, вертикально. Если вы перестанете и подавлять, и потворствовать себе, энергия не сможет двигаться горизонтально; она найдет вертикальное русло. Это вертикальное движение и есть трансформация, это вертикальное движение открывает вас высшим силам.

Когда я предлагаю оставаться закрытыми для низших сил, я не имею в виду, что с ними нужно бороться, я имею в виду то, что вам нужно быть осознанными. Если вы начнете бороться, то останетесь в низшем и при этом станете извращенными, что еще хуже. Тогда вы не будете даже естественными, вы станете одержимыми.

Если кто-то сердится на вас, оставайтесь закрытыми, не реагируйте. Не боритесь с тем, что вы чувствуете, а просто будьте осознанными, ждите; хорошенько рассмотрите ситуацию и беспристрастно проанализируйте ее; подойдите к ней со всех точек зрения. Если кто-то сердится на вас, для начала обдумайте, прав он или нет. Если он прав, будьте ему благодарны. Если же вы проанализировали ситуацию совершенно беспристрастно и видите, что другой ошибается, тогда вам незачем реагировать, потому что это его проблема; вы абсолютно ни при чем.

Это глубокая психологическая истина: когда вас кто-то оскорбляет, потребность реагировать возникает только в том случае, если вы бессознательно чувствуете, что он прав. Если вы знаете, что он не прав абсолютно, вы просто рассмеетесь. Если кто-то подойдет к вам и скажет: «Ты импотент», — вы придете в ярость, только если почувствуете, что где-то внутри вас скрывается некоего рода импотенция, не иначе. Реакция возникает только тогда, когда то, что вам говорят, задевает в вас нечто скрытое. Так что проанализируйте ситуацию, и если другой прав, будьте ему благодарны.

Современная психология говорит, что сознание человека разделено на две части: меньшая часть — сознательная, большая часть — бессознательная. Я могу не осознавать свое бессознательное, но каждый, с кем я общаюсь, увидит его, потому что оно выражается в моем

поведении, в моих жестах, в моей речи. Мое бессознательное проявляется во всем, что я делаю.

Это становится проблемой, серьезной проблемой. Вы не осознаете своих глубинных установок, глубинных желаний, глубинных подавленностей, а другим они совершенно ясны. Поэтому учитесь анализировать то, что происходит. Если кто-то сердится на вас, проанализируйте ситуацию. Возможно, он прав. Тогда вы осознаете часть своего бессознательного, которую раньше не осознавали. Или же другой, может быть, отчасти прав, а отчасти не прав — такое тоже возможно. Если он отчасти прав, будьте отчасти благодарны и не беспокойтесь о том, в чем он не прав. Если он абсолютно не прав, тогда его заявление вас не касается; это его проблема.

Моя идея оставаться для низшего закрытыми означает не подавление, а анализ, наблюдение, сознание, осознанность. Подавляя, вы не откроетесь высшему. Подавленный ум глубоко укоренен в низшем, привязан к нему необходимостью постоянного подавления. Если кто-то подавляет секс, он не может взять отпуск и отдохнуть от подавления. Мгновенный перерыв, и змея вновь оживает, с еще большей силой и жизненной энергией. Подавленное не умирает, напротив: оно становится более сильным.

Ясно увидите разницу между подавлением и тем, чтобы быть закрытыми для низшего. Сначала закройте дверь к низшему. Вы должны начать с этого, потому что пока ваш ум открыт только для низшего. Многие люди пытаются открыть свой ум высшему, не закрыв прежде дверь для низшего. Таким образом, они создают в себе излишнее напряжение и конфликт, потому что до тех пор, пока не закрыта нижняя дверь, верхняя дверь не откроется; это невозможно.

Сначала приложите все свои сознательные усилия к тому, чтобы закрыть нижнюю дверь, и тогда без какого-либо усилия с вашей стороны вы иногда будете осознавать новое измерение. Просто сидя под деревом, вы будете переноситься в другой мир.

Вы, должно быть, видели изображения Будды, сидящего под деревом. Вы когда-нибудь задумывались о том, что он делает? Он ничего не делает — он ждет. Нижняя дверь закрыта, энергия накоплена, и теперь он ждет того момента, когда энергия заставит открыться верхнюю дверь. Многие из старых техник медитаций основаны только на ожидании.

Будда упоминал многое, что нужно делать, чтобы закрыть дверь для низшего, но основной техникой является правильное внимание, *самьяк смрити*. Это то же самое, о чем говорил я: осознанность, бдительность, наблюдение, анализ. Будда называет это правильным вниманием. Он говорит:

«Если вы злитесь, помните, что вы злитесь. Будьте внимательны. Осознавайте свое действие».

Истина внутренней алхимии состоит в том, что если вы внимательны, вы не можете оказаться во власти гнева. Вы можете либо злиться, либо быть внимательным. Вы не можете злиться сознательно, потому что основным условием проявления гнева является бессознательность: вы можете злиться, только если вы неосознанны.

Если вы закрываете нижнюю дверь, верхняя открывается. И как только откроется верхняя дверь, вы войдете в соприкосновение со многими явлениями. Одним из них будет то, о чем ты спрашиваешь: глубокая связь с высокоразвитыми душами. В существовании ничто не теряется. Будда здесь, Иисус здесь, ничто не потеряно. Поэтому для того, кто открыт высшему, Иисус — не историческая личность, он присутствует. Прошедшие двадцать столетий ничего не значат, вы соприкасаетесь с живой энергией.

Будда по-прежнему здесь, ничто не потеряно, ничто не может быть потеряно. Будда, Махавира или Кришна — это не просто имена и телесные формы; они стали Буддой, Кришной и Махавирой, потому что осознали бесформенное. Теперь они бесформенны, они вечны, так что вы можете коснуться их в любой момент; необходимо только открыться высшему, потому что тогда

время исчезает. И пространство, и время являются феноменами низшего.

Ученые установили, что наш мир состоит из пространства и времени. Эйнштейн объявил мир единым, заявив, что время есть четвертое измерение пространства. Он называет это пространством-временем; этот мир — не что иное, как пространство-время. Но когда вы открыты высшему, вы перемещаетесь в безвременный, беспространственный мир: там нет ни времени, ни пространства.

Когда вы открыты высшему, перед вами предстает совершенно иной мир. Вы оказываетесь не просто в контакте с высшим, но в глубокой с ним взаимосвязи. Вас нет, вы растворяетесь в высшем; только в низшем *вы* можете быть.

Вот почему вы предпочитаете оставаться в низшем: в высшем вас не будет. Само существование эго, самости, «я» принадлежит низшему. Когда вы открыты высшему, вас нет. И тогда, когда вас нет, вас ведут высшие силы, вы становитесь просто инструментом.

Пребывая в глубокой медитации на горе Хира, Мухаммед внезапно услышал ясный голос, который сказал:

— Читай!

Поскольку Мухаммед был совершенно безграмотным, он возразил:

— Как я могу читать? Я не знаю, как читать, я безграмотный.

Голос вновь сказал:

— Читай! — но уже более настойчиво.

Мухаммед колебался. Ему стало страшно. Как он мог читать? Затем, когда голос в третий раз сказал: «Читай!» — Мухаммед оказался на границе между низшим и высшим. Он очень хорошо знал, что в обычном мире он не умел читать. Но голос был из иного мира. Он настаивал: «Читай!» Мухаммед открыл глаза и увидел, что находится в другом мире. Он мог читать, он мог видеть.

Так продолжалось многие годы. Коран был передан Мухаммеду не в один день, он передавался ему на протяжении всей его жизни. Раньше Мухаммед был обычным человеком, совершенно обычным. Теперь он стал другим.

Вот почему Мухаммед никогда не говорил: «Я — просветленный. Я — будда». Никогда. Он не говорил: «Я — Сын Божий», — как говорил Иисус. Он говорил только: «Я — обычный человек: просто слуга, просто связной между двумя мирами». Он был простым, невинным человеком. Именно поэтому для него низшее закрылось, а высшее открылось. Он не совершил никаких усилий для того, чтобы высшее открылось, оно открылось само собой.

В первый раз, когда это случилось, он так испугался, что не стал никому рассказывать. Когда он пришел домой, его била сильная дрожь. Это было так странно! Как это он мог читать? И то, что он видел, было настолько другим, совсем не от мира сего. Он и сам не мог в это поверить, — все перевернулось вверх дном. Три дня он был в лихорадке и молился. Затем, очень нерешительно, он поведал жене о том, что произошло. «Я был в другом мире, — сказал он, — но не рассказывай никому, иначе они подумают, что я сумасшедший».

С того дня Мухаммедом управляло не его эго, а силы, находящиеся вне него: он стал просто проводником.

Когда высшее открывается, все переворачивается вверх дном. Ваша логика не работает, ваш рассудок больше неприменим. Все, что вы знали, становится бессмысленным, то, кем бы вы были, теряет смысл.

Ты спрашиваешь:

Как мы можем открыться высшему?

Это можно сделать, закрыв нижний канал. И это необходимо сделать для выживания человеческой расы.

Так было всегда: человеческая раса выжила только благодаря соприкосновению с высшим. Можно назвать двадцать имен из истории человечества — Будда, Иисус, Махавира, Лао-Цзы... всего двадцать имен, и вы не сможете представить себе, как человечество могло бы без них выжить. Дарвин утверждал, что мы выжили благодаря борьбе за место под солнцем, и он прав, пока речь идет о нас как о животных. Но как человеческие существа мы выжили благодаря высшим силам, которые проникают в нас.

Всякий раз, когда появляется Будда, высшее проникает в низшее; через него все человечество приходит в глубокий контакт с чем-то высшим. Будда становится проводником, переправой, мостом. Таких мостов много; благодаря таким мостам человек не просто животное, он — нечто большее.

Если бы человек выживал только как животное, его жизнь была бы бессмысленной. И именно это происходит повсюду, по всему миру. Тот, кто задумывается над ситуацией, осознает, что наши жизни стали бессмысленным, абсурдным повторением пустых вещей, которое продолжается, и продолжается, и продолжается изо дня в день. Мы просто заняты чем-то, мы не живем.

Только тот, кто совершенно неосознан, может думать, что это жизнь. Только очень посредственные умы могут считать это жизнью. Если вы думаете, что это и все, тогда жизнь бессмысленна. Она бессмысленна, потому что как животное человек не может иметь никакого значения. Смысл человека в росте, человек призван осуществить выход за пределы животной природы.

Будда говорит, что жизнь — это чудо, благословение. Кришна танцует и поет, и празднует жизнь. Мы же, как правило, пребываем в тоске: сидим и наблюдаем, как жизнь проходит, подобно бессмысленному путешествию, не ведущему никуда. Скука, бесконечная скука... но для Кришны жизнь — это празднование, танец, цветение. Почему? Потому что он соединен с высшим. Когда же вы соприкасаетесь только с низшим, жизнь становится пустой, бессмысленной, монотонной, рутинной.

Не атомный взрыв станет причиной конца света, а необратимая потеря смысла жизни. Когда я думаю о конце света, мне на ум приходит скорее не убийство, а самоубийство. Если ощущение бессмысленности жизни будет распространяться и дальше, человечество может покончить с собой. Возможно, оно и сделает это с помощью атомного взрыва, но все равно это будет самоубийство.

Высшее необходимо. Это единственная спасительная сила. Но мы все больше и больше закрываемся от нее, мы полностью от нее отказались. И вот что удивительно: те самые мыслители, которые отвергли высшее, теперь говорят, что жизнь бессмысленна. Если вы говорите им о каком-либо смысле, они его отрицают. Если вы говорите им, что медитация может привести к открытию смысла жизни, они говорят: «Как? Этого не может быть, медитация — это просто выдумка. Где эта медитация? Покажите нам, что она из себя представляет». Им нужны научные доказательства, они говорят: «Мы поставим эксперимент». И вот они пытаются проводить научные эксперименты с медитацией. Каковы же их заключения? Их заключения, в основном, сводятся к следующему: когда кто-то пребывает в глубокой медитации, он, по сути, находится в состоянии глубокого сна без сновидений — волновая активность мозга та же самая. Когда кто-то находится в глубоком сне, мозг производит альфа-волны — сейчас их могут фиксировать — и если кто-то пребывает в глубокой медитации, появляются те же альфа-волны. Так что медитация — это не что иное, как глубокий сон.

Звучит довольно убедительно. Это невозможно отрицать, потому что тому есть научные доказательства. Когда вы входите в глубокую медитацию, в мозгу появляются те же волны, что и в состоянии сна без сновидений. Так что медитация — это просто сон без сновидений, и вопрос

закрыт!

Но это не так! Глубокая медитация — это стадия за пределами сна без сновидений. Это безволновое состояние, где волны полностью затухают. Когда человек входит в глубокую медитацию, он проходит состояние глубокого сна и затем выходит за его пределы. Записывающее устройство может регистрировать только волны; оно не может записать то, что происходит, когда волн нет.

Если состояние будды просто подобно глубокому сну без сновидений, зачем тратить время, медитируя годами? Почему бы просто не принять транквилизатор? Если появляются те же самые альфа-волны, тогда что плохого в том, чтобы получить их с помощью химии? Это более легкий, быстрый путь. Различие в том, что человек может принимать пилюли годами и все же так и не ощутит, что жизнь имеет смысл. Возможно, он станет глубже спать, в его мозге обнаружат альфа-волны, но он останется тем же самым, и его жизнь будет все той же самой повторяющейся рутинной. Он не станет мудрым, он не станет буддой. Он не сможет праздновать жизнь, он не сможет сказать: «Я счастлив, что я родился, я счастлив, что я есть». Он не сможет воздать благодарность, признательность существованию.

Будда — другой, но ученые говорят, что им нужны научные доказательства. Но даже если и можно было бы наблюдать ум Будды, вы не смогли бы зафиксировать то, что в нем происходит. Когда будда пребывает в глубоком сне, он осознан. Но эта осознанность не может быть зафиксирована, потому что она лишена волн. Если вы говорите, что состояние Будды подобно просто глубокому сну, у вас по-прежнему будет возникать вопрос, в чем же тогда заключается смысл жизни. Жизнь остается бессмысленной.

Жизнь имеет смысл, если вы чувствуете существование божественного, если вы ощущаете присутствие бога. Смысл есть только тогда, когда доступно высшее. Смысл всегда исходит из запредельного; он не может исходить от вас. Только если вы идете в запредельное, действительно возникает чувство, что жизнь имеет смысл.

Но те же самые мыслители, которые хотят доказательств, продолжают отрицать: «Божественного не существует. Иное состояние сознания невозможно». А потом они спрашивают, в чем смысл жизни!

Жизнь бессмысленна, если вы открыты только низшему. С низшим возможно лишь повторение одного и того же, снова и снова. С высшим повторения нет. Есть вечная свежесть, вечная невинность. Каждое мгновение — сама вечность. Тогда в жизни есть смысл, тогда жизнь становится значимой.

Это соприкосновение с высшим необходимо человечеству, чтобы оставаться человечным. Иначе мы будем существовать лишь как определенный вид животных, отличный от других, конечно, но не уникальный.

Это стало проблемой. Мы боремся подобно животным: наша политика, наши государства, наши народы, наши религии — все это похоже на животный мир. Государство — это не что иное, как алчное стремление к захвату территории. Народ — это не что иное, как люди, объединенные стадным чувством. Мы даем красивые названия, навешиваем красивые ярлыки и прячем за ними ужасное уродство.

В чем состоит наша политика? Она похожа на то, что делают животные. Всю политическую структуру, ту, которая существует в любой столице мира, можно увидеть даже в стае бабуинов. Там есть президент, вожак; есть подчиненные и слуги, низшие касты и высшие касты — вся структура.

Вожак — это самый большой бабуин. Никто другой не может к нему приблизиться, у него есть свое собственное личное пространство. Даже когда стая перемещается, вожак идет один: вокруг него остается некоторое пространство. Тот, кто пересекает его границы, сильно рискует.

У них существует определенный порядок старшинства. Высший бабуин подавляет низшего, и низший не может даже протестовать. Это внутренняя политика; она постоянно поддерживается. Всякий раз, когда новый бабуин пытается стать вожаком, возникают борьба и насилие. Тогда порядок старшинства меняется, и сообщество перегруппировывается по-новому.

Кроме того, в лесу живут другие стаи бабуинов, и каждая имеет свою собственную территорию; никакая другая группа не может на нее заходить, иначе начнется драка, война. То же произошло и у людей — разграничение: здесь кончается Индия и начинается Китай. Вопрос границ — большая проблема, и, в конечном счете, только сила определяет, где будут проходить границы. Если вы вдумчиво проанализируете политику и сравните ее с отношениями, которые царят в стае бабуинов или в любой другой группе животных, вы увидите абсолютное сходство. В политике человек подобен животному.

Только с религиозностью, только с религиозным сознанием вы становитесь человеком. В противном случае у вас все как у животных.

Религия открывает вас для высшего. Именно в этом заключается религиозное сознание: быть открытым высшему и закрытым для низшего. Именно поэтому религиозный человек не может принадлежать какой-то определенной стране или религии. Он может принадлежать только существованию, это высшая возможность для человечества — когда нет границ, нет политики, когда нужна только религия.

Если эта высшая возможность не реализуется, политика становится суицидальной. До сих пор мы выжили лишь потому, что у нас не было оружия массового уничтожения. Только поэтому мы выжили, несмотря на политику, несмотря на постоянные войны и вожаков-бабуинов — называйте их Александром или Гитлером, какая разница? — борющихся за территорию, борющихся за границы, борющихся за власть эго.

Человек выжил, несмотря на политику войны, лишь потому, что у него не было всеуничтожающего оружия. Но теперь такое оружие есть, и мы можем уничтожить весь мир. И из-за наших животных тенденций у нас может не быть будущего. Впервые религия стала единственным способом выжить. Если только многие-многие сознания не откроются божественному источнику, у нас нет будущего. Сейчас нам нужны будды и иисусы как никогда прежде.

Что вы можете сделать? Вы можете сделать только одно: закрыть дверь для низшего. Это единственная важная вещь. Но с какими трудностями вы можете столкнуться? Трудность только одна: ваши старые привычки.

Старые привычки стали автоматическими. Кто-то сердится, и вы не успеваете оглянуться, как в вас уже тоже пробудился гнев. Это происходит абсолютно автоматически — как будто кто-то нажал на кнопку, и свет зажегся. Простое нажатие кнопки. Вам ничего не нужно делать, гнев возникает автоматически.

Психологи говорят, что наш ум подобен роботу, автоматической машине, его не нужно осознавать. Все, что вы узнали, передайте своему роботу, и он это исполнит. Ваш ум действует совсем как компьютер: достаточно его загрузить, и он будет работать. Вы можете отдыхать, *вы* не нужны.

В повседневной жизни этот робот полезен, без него вы не смогли бы делать многих вещей; это необходимый помощник. Но при стремлении к высшему робот становится проблемой.

Робот знает, когда нужно рассердиться. Когда кто-то оскорбляет вас или гневно на вас смотрит, вам незачем быть осознанным, о вас позаботится робот. Он начинает выбрасывать в вашу кровь яд и делает вас готовыми ввязаться в драку. Это происходит механически. И хорошо бы взять на себя руководство над роботом, по крайней мере, в том, что касается открытости низшему. Все в порядке, когда робот ведет машину, но не позволяйте ему любить и сердиться.

Ваш робот делает за вас все. Он делал одно и то же так много раз, что стал в этом специалистом; вы не нужны. Когда муж и жена любят друг друга, в конце концов их отношения становятся механическими, никакой осознанности. Робот продолжает повторять одно и то же. Не доверяйте роботу контролировать такие тонкие вещи.

Этот робот является единственным препятствием для духовного развития. Возьмите руководство на себя. Начните осознавать все то, что стало автоматическим. Тогда, постепенно, по мере того как вы будете становиться более и более осознанными, дверь в низшее будет закрываться. А когда откроется высшее, вам больше ничего не нужно будет делать: высшее начинает само действовать через вас.

Что-то нужно делать с низшим. С высшим возможна только капитуляция — вас нет. Когда мы говорим Бхагван, Будда, это просто означает, что будда теперь уже не Сиддхартха Гаутама, Сиддхартха, личность, исчез, высшее взяло руководство на себя.

Даже люди, которые не верят в бога, которые говорят, что нет никакого *бхагвана*, никакого бога-творца, все же называют Махавиру Бхагваном — по той причине, что они не могут называть его старым именем. Личность, Вардхаман, полностью растворилась. Теперь нет никакого действующего эго, теперь это не Вардхаман живет — это запредельное. В него влилось запредельное, бесконечность проникла внутрь него, и все происходящее созвучно со вселенной. Как только вы открылись высшему, вы исчезли, вас нет, есть высшее. Тогда происходит чудо.

Нас озадачивают битвы Мухаммеда. Как тот, кто стал высшим существом, может сражаться? Но решение Мухаммеда здесь ни при чем. Мухаммеда больше нет; божественное взяло его под свое руководство. Теперь действует высшее, и, куда бы оно ни повело, Мухаммед следует за ним подобно тени. Если высшее ведет его на войну, Мухаммед с готовностью подчиняется.

Вот почему Кришна пытается убедить Арджуну сдаться. «Сдайся мне, — говорит он, — и у тебя не будет проблем. Тогда я возьму руководство — я буду сражаться через тебя».

В высшем вас нет. Весь спор между Арджуной и Кришной в Гите происходит из-за того, что Арджуна пытается остаться собой, он хочет сам решить, сражаться ему или нет. Он закрыт для высшего и хочет решать согласно низшему. Он сопротивляется высшему, а Кришна настаивает:

«Закройся для низшего и сдайся высшему. Тогда тебе не нужно будет решать, тогда решать будет высшее. Сдайся ему».

Сначала закройте для низшего и потом, когда бы вы ни почувствовали высшее, сдавайтесь высшему. Когда бы вы ни почувствовали высшее, верьте в него. Когда бы вы ни почувствовали низшее, не доверяйте ему, оставайтесь для него закрытыми. Тогда вы сами станете мостом к высшему.

Глава 12

В поисках себя, в поисках индивидуальности

Существует ли бог?

Кое-что по поводу верного поиска... Прежде чем спрашивать, неплохо бы узнать, что значит правильно задавать вопросы. Важен далеко не каждый вопрос. О внутреннем измерении можно задать множество на первый взгляд значимых вопросов, но по существу большинство из них бессмысленны.

Для внутреннего исследования бессмысленны метафизические вопросы. Интеллектуальные вопросы тоже бессмысленны: интеллект не приведет вас внутрь, так что, даже если вы и найдете правильный ответ, для вас в нем не будет никакой пользы. Интеллект — это инструмент, мост, который соединяет вас со всем, что существует снаружи; он не может открыть дверь, которая ведет во внутреннее.

Так что задавать теоретические вопросы вы можете в течение многих жизней, у вас

накопится множество ответов, но вы так и не коснетесь внутреннего мира.

Вы можете многое знать о самом себе, но это не значит, что вы знаете себя. Это «о» блуждает на периферии, а центр так и остается неизведанным. Вы можете ходить по порочному кругу вопросов и ответов, и каждый ответ будет рождать новые вопросы, затем новые ответы и снова новые вопросы. Задавая вопросы и получая ответы, вы остаетесь на периферии; вы собираете знания о самом себе, при этом себя не зная.

Как спросить о том, что имело бы смысл — не интеллектуальный, а экзистенциальный? Как спросить не о формальном знании, а о подлинном проживании? Запомните несколько вещей.

Во-первых: что бы вы ни хотели узнать, никогда не задавайте готовых вопросов, никогда не задавайте стереотипных вопросов. Спросите о том, что непосредственно касается вас, о том, что для вас значимо, о том, что несет для вас трансформирующее послание. Задайте вопрос, от которого зависит ваша жизнь.

Не задавайте книжных вопросов, не задавайте заимствованных вопросов. И не приносите вопросы из прошлого, потому что это будет вашей памятью, а не вами. Если вы задаете заимствованный вопрос, вы никогда не сможете получить подлинный ответ. Даже если ответ будет дан, вы не уловите его, и он вас не затронет: заимствованный вопрос для вас не имеет смысла. Спросите то, что вы хотите спросить. Когда я говорю вы, я имею в виду вас такими, какими вы являетесь в это самое мгновение, здесь и сейчас, непосредственно. Когда вы спрашиваете что-то непосредственно, из здесь и сейчас, это становится экзистенциальным; это касается не вашей памяти, а вашего существа.

Во-вторых: не задавайте вопрос, если ответ на него не изменит вас каким-либо образом. Например, ты спрашиваешь, есть ли бог: «Существует ли бог?» Задавайте такой вопрос только в том случае, если ответ вас изменит: если бог есть, вы будете одним человеком, а если бога нет, вы будете другим. Но если знание о том, есть бог или нет, не вызовет в вас никаких перемен, тогда вопрос не имеет смысла. Это просто любопытство, а не поиск. Так что запомните, спрашивайте только то, что вас действительно волнует.

Только тогда ответ будет значимым для вас, значимым в том смысле, что при разных ответах вы будете разным. Действительно ли вас интересует существование бога? Большую ли роль для вас сыграет то, что бог существует? Станете ли вы совершенно другим существом? Или, если бога нет, изменится ли вся ваша жизнь настолько, что вы не сможете оставаться таким, какой вы сейчас?

По моим наблюдениям, независимо от того, существует бог или нет, люди остаются такими же, как и были. Они проявляют интерес только к периферическим знаниям. Но не это заботит их существо, это не экзистенциальные вопросы.

Пусть вопрос возникнет в вас спонтанно, непосредственно, здесь и сейчас. Не переносите ничего из прошлого, не передавайте ничего, что исходит от других, не пересказывайте то, что содержится в писаниях.

Пусть вопрос исходит от вас. И даже если вам не о чем спрашивать — это лучше. Если вопросы не возникают, и вы ощущаете глубокую пустоту, — это хорошо. Эта пустота подлинная, ваша. В этой пустоте многое может произойти.

Если вы спрашиваете из своего глубочайшего существа, — это уже медитация. И иногда бывает так, что сам вопрос становится ответом. Чем больше глубина, из которой пришел вопрос, тем ближе он к ответу. Если вы сможете спросить из самого центра своего существа, ответ будет не нужен; сам вопрос станет ответом. Вот почему я говорю, что это медитация. Если вы можете задать вопрос, будучи полностью в него вовлечены, так, чтобы ни одна ваша частица не осталась вне вопроса, то вы сами становитесь этим вопросом.

И тогда вам не нужен ответ. Само тотальное единение с вопросом приносит ответ.

Ответ извне нужен лишь потому, что вопрос возник не в глубине существа. То, что я говорю, касается только внутреннего поиска. В науке или в любом внешнем поиске все будет не так. Там вопрос останется вопросом, а ответ необходимо будет найти. Но во внутреннем измерении сам вопрос может стать ответом, сам поиск может стать целью.

Во внутреннем поиске средства и цели не отделены друг от друга. Сами средства являются целью. При правильном подходе начало оказывается концом, поиск — реализацией. Но вопрос должен быть тотальным, подлинным. Вам нужно быть глубоко преданными вашим вопросам, а не просто удовлетворять любопытство.

Итак, расслабьтесь. И когда я говорю «расслабьтесь», я имею в виду — отпустите свое прошлое, забудьте заимствованные вопросы, приглушите ум, так чтобы ваше существо могло проявиться. И лишь тогда — из медитации — задавайте вопросы. Тогда, что бы ни приходило вам на ум, спрашивайте без колебаний.

Почему в мире столько разочарования?

Потому что так много ожиданий. Живите с ожиданиями, и разочарование неминуемо. Ничего не ждите, и разочарования не будет. Разочарование — это побочный продукт ожиданий: чем большего вы ожидаете, тем сильнее будет ваше разочарование. Так что разочарование — это, на самом деле, не проблема, а результат. Проблемой является ожидание.

Разочарование — это всего лишь тень, которая следует за ожиданием. Если вы хотя бы одно мгновение проживете без ожиданий, если из вашего ума ожидания исчезнут, все станет просто: вы задаете вопрос — приходит ответ — вы удовлетворены. Но если вы спрашиваете с какими-либо ожиданиями, ответ вас разочарует.

Все, что мы делаем, мы делаем с ожиданиями. Если я в кого-то влюблен, ожидание приходит так, что я даже не знаю об этом. Я жду ответной любви. Я еще не полюбил, я еще не вырос в любовь, но ожидание уже тут как тут, и теперь оно все разрушит. Любовь рождает больше разочарования, чем что-либо другое в мире, потому что, когда вы любите, вы погружаетесь в ожидания, вы тонете в утопиях. Вы еще даже не были в пути, а уже думаете о возвращении домой.

Чем сильнее ваше ожидание любви, тем труднее любви будет течь обратно к вам. Тот, от кого вы ждете любви, будет ощущать это как оковы; для него любить вас будет обязанностью, тем, что он *должен* делать. А когда любовь является обязанностью, она не приносит удовлетворения, как обязанность любовь мертва.

Любовь может быть только игрой, но не обязанностью. Любовь — это свобода, а обязанность — это оковы, тяжелое бремя, которое вы должны нести. А когда вы что-то *должны* нести, это утрачивает свою красоту. Свежесть и поэзия исчезают, и другой человек моментально чувствует, что ему предлагают что-то мертвое. Если вы любите с ожиданием, считайте, что вы убили любовь. Это бесплодно — ваша любовь будет мертвым ребенком. И вас ждет разочарование.

Пусть ваша любовь будет как игра, а не как сделка, любите не потому, что вы хотите взамен что-то получить. Пусть ваша любовь к другому человеку будет самоцелью. Благодарите существование за то, что вы полюбили, и не думайте о том, воздастся вам за это или нет.

Не превращайте любовь в сделку, и вы никогда не будете разочарованы; ваша жизнь будет наполнена любовью. А когда любовь расцветает во всей своей полноте, наступает блаженство, наступает экстаз.

Я взял любовь только в качестве примера. Тот же закон применим ко всему. В мире так много разочарования, что трудно найти человека, который не был бы разочарован. Даже ваши так называемые святые разочарованы: разочарованы из-за своих учеников, разочарованы, потому что у них были ожидания относительно них: ученики должны делать это и не делать того,

ученики должны быть такими-то и не быть такими-то. С таким подходом неизбежно наступит разочарование, оно уже наступило.

Ваши так называемые рабочие тоже разочарованы, потому что и у них есть ожидания. Каким бы ни был их идеал, общество должно ему соответствовать; какой бы ни была их утопия, каждый должен ей следовать. Они ожидают слишком многого. Они считают, что весь мир должен немедленно преобразоваться согласно их идеалам. Но мир продолжает идти своим путем, поэтому они разочарованы.

Очень трудно найти человека, который не был бы разочарован. И если вы найдете такого человека, знайте: это религиозный человек. Не имеет значения, что стало объектом, причиной, источником разочарования. Можно разочароваться во власти, в престиже, в богатстве. Можно разочароваться в любви. Можно разочароваться даже в божественном.

Вы хотите, чтобы на вас низошло божественное. Вы начинаете медитировать, и возникает ожидание. Я встречался с людьми, которые медитируют по пятнадцать минут каждый день в течение недели, а затем приходят ко мне и говорят: «Я медитирую, но я все еще не познал божественное. Похоже, что мои усилия бесполезны». Они посвящают медитации по пятнадцать минут в течение семи дней, а божественность все еще не посетила их. «Я по-прежнему не чувствую божественного, так что же мне теперь делать?» Даже в поисках божественного у нас есть ожидания.

Ожидание — это яд. Именно из-за него возникает разочарование; так и должно быть. Осознайте лицемерие, ядовитость ожидающего ума. Постепенно, если вы начнете это осознавать, ожидания исчезнут, и разочарований не будет.

Так что не спрашивай: «Почему в мире так много разочарования?» Спроси: «Почему я так разочарован?» Такой вопрос полностью все изменит. Если кто-то задается вопросом, почему мир так разочарован, в этом уже присутствует ожидание: мир мог бы быть менее разочарованным. Но независимо от того, разочарован мир или нет, вы останетесь разочарованными.

Мир разочарован — это факт. Но пойдите и попытайтесь выяснить, почему разочарованы вы. Окажется, что вы разочарованы из-за ваших же ожиданий. Это — источник, коренная причина. Прекратите это!

Не думайте о мире, думайте о себе. Вы — это мир, и если вы меняетесь, мир тоже меняется. Его часть, его неотъемлемая часть, стала другой: мир начал меняться.

Мы слишком озабочены изменением мира. Это просто бегство. Я всегда чувствовал, что люди, которые пытаются переделать других, на самом деле убегают от своих собственных разочарований, от своих собственных конфликтов, от своих забот, от своих страданий. Они сосредотачивают свое внимание на чем-нибудь снаружи, они занимают свой ум чем-нибудь внешним, потому что сами не могут измениться. Легче пытаться изменить мир, чем изменить себя.

Не забывайте о том, что вам необходимо найти причину своих собственных разочарований. И чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Ситуации меняются, но источник разочарования всегда один и тот же: ожидание.

Я чувствую, что внутри меня много ненависти. Что мне с ней делать?

«Что-то с ней делать» не поможет. Вы ничего не можете с этим сделать, потому что это очень деликатная проблема. Как только вы начнете искоренять свою ненависть, вы начнете ее ненавидеть. Этот механизм очень тонок. Вы можете ненавидеть свой гнев, вы можете сердиться на свою ненависть и бороться с ней, но вы не одержите верх, потому что теперь болезнь проросла еще глубже.

Не делайте ничего. Просто осознавайте. Всякий раз, когда вы испытываете ненависть, наблюдайте это. Почувствуйте, что представляет собой эта ненависть, почувствуйте ее

присутствие. Не пытайтесь от нее убежать.

Даже попытки справиться с гневом могут стать бегством. Если я рассержен и стараюсь с этим справиться, то я озабочен уже не самим гневом, а тем, чтобы с ним что-то сделать. Мое внимание сместилось: осознания гнева больше нет, его место заняло усилие что-то с ним сделать. Это неправильно, это не выход, потому что в таком случае гнев будет подавлен.

Так что если вы испытываете ненависть, гнев, жадность или что-либо еще, не пытайтесь тотчас что-то предпринять, просто осознавайте это. Сначала посмотрите, насколько это уродливо, насколько ядовито, осознайте, что это собой представляет. И когда вы поймете, что представляет собой ненависть во всей своей полноте, она испарится сама собой. Ненависть продолжается только до тех пор, пока вы полностью ее не осознали.

Она подобна змее, которая встретила вас на пути. В тот момент, когда вы понимаете, что перед вами змея, вы отпрыгиваете.

Вы не думаете об этом прыжке, не тратите время на принятие решения «прыгнуть или не прыгнуть», вы просто прыгаете. Как только вы осознали, что перед вами змея, происходит прыжок. Как только вы осознаете свою ненависть, также произойдет прыжок; так что вам ничего не нужно планировать.

Итак, первое, что нужно запомнить: ничего не осуждайте; лучше начните в большей мере осознавать присутствие этого. Что бы с вами ни происходило, осознавайте это, медитируйте на это.

Вторая, даже еще более тонкая проблема, заключается в вашем мышлении: «Я чувствую в себе ненависть. Я чувствую гнев, жадность, эго». Это, опять же, обманчивая уловка ума, очень хитрая уловка, потому что так, очень тонким образом, вы отделяете себя от ненависти. Вы говорите: «Я вижу в себе ненависть, я вижу в себе жадность. Жадность — это нечто во мне, это не я. Я не жадность, я не ненависть, я не гнев. Что-то случайное, что-то чуждое находится внутри меня».

Такова позиция ума, и наш язык помогает нам заблуждаться. Язык говорит: «Это гнев во мне», — на самом деле все не так. Когда вы рассержены, это не значит, что в вас есть гнев... вы сами — гнев. Не может быть одновременно двух сущностей в одном человеке — только одна. Может присутствовать либо ненависть, либо вы. Если есть вы, тогда ненависть исчезает; если есть ненависть, тогда нет вас.

Посмотрите на проблему экзистенциально, а не лингвистически. Язык часто вносит путаницу. Благодаря структуре языка мы приобретаем совершенно нереалистическое отношение к некоторым вещам. Так, когда вы разгневаны, нет никакого «я», с которым происходит гнев. Есть только гнев; вы растворились в нем; вас нет.

Решайте проблему экзистенциально. Когда появляется ненависть, начинайте осознавать, есть ли в этом вы, или есть только ненависть. Тогда в вашем сознании произойдет очень тонкое изменение. Как только вы поймете, что присутствовать можете либо вы, либо ненависть, ваше сознание начнет проявляться. И чем более сознательными вы будете становиться, тем меньше в вас будет ненависти. То и другое не может существовать одновременно. Ненависть возможна только тогда, когда вы бессознательны, неосознанны, невнимательны, небдительны.

Когда ненависть прошла, гнев утих, угасло желание насилия, вы думаете об этом в ретроспективе, это становится частью вашей памяти. Теперь вы можете себя от этого отделить.

Вы отделены от гнева, а гнев отделен от вас. Теперь это часть вашей памяти. Таким образом, лингвистическое заблуждение, о котором я говорил, подкрепляется вашим опытом.

Минуто назад вы были разгневаны, теперь уже нет, гнев прошел. Вы отделены от него: вы — это одно, гнев — нечто другое; гнев стал частью вашей памяти. Теперь есть два явления: воспоминание о вашем прошлом переживании гнева и вы.

Но в момент переживания гнева было только одно: вы были гневом. Так что, когда бы ни возникала ненависть, переживайте ее глубоко. Осознавайте ее: вы стали ненавистью, вы — ненависть. Это осознание все изменит.

В тот день, когда к вам придет это осознание, ненависть исчезнет, потому что невозможно, чтобы вы существовали с ненавистью, или гневом, или жадностью. Осознание означает сознательный ум, а гнев, ненависть и жадность возможны только в очень бессознательном, сонном состоянии ума. Будьте все более и более бдительным, и не в воспоминаниях о прошлом, потому что это бесполезно, это пустая трата энергии. Но в тот самый момент, когда возникает гнев, когда возникает ненависть, закройте глаза и медитируйте на то, есть в этом вы или есть только гнев. Вашим первым осознанием будет то, что есть только гнев. Где же вы? Вас нет. Вся ваша энергия стала гневом, вы целиком стали ненавистью.

Влюбленные иногда чувствуют, что когда есть любовь, их нет. В любви это легко почувствовать, потому что любовь приносит удовлетворение, но в ненависти это почувствовать трудно, потому что ненависть приносит разрушения. Те, кто любят, глубоко любят, должно быть, ощущали, что любовь не является действием, что не столько они любят, сколько они стали любовью.

Когда вы кого-то любите, вы становитесь любовью. Когда вы кого-то ненавидите, вы становитесь ненавистью. Но если вы просто остаетесь собой, вы не можете ни любить, ни ненавидеть. Именно поэтому мы говорим, что кто-то влюбился — «упал в любовь»^[2]. Влюбленность — это падение, а падение в любовь означает, что вы утратили осознание себя из-за любви. Тому, кто не влюблен, влюбленные кажутся безумными. Так оно и есть! С ними невозможно общаться, они не в своем уме.

На самом деле, влюбленные исчезают; вся их энергия становится любовью; они полностью с ней отождествляются. Нет свидетеля, который наблюдал бы влюбленность.

То же самое происходит и с ненавистью. Любовь и ненависть похожи, это одна и та же энергия, только разнонаправленная. В любви вас безумно притягивает друг к другу, а в ненависти — безумно отталкивает. Когда вы влюблены, когда вас кто-то привлекает, вы теряете свой центр, свое «я», другой человек становится вашим центром. Когда вы кого-то ненавидите, происходит то же самое: этот человек отталкивает вас; вы не в центре, вы теряете осознание самого себя, а центром становится другой человек.

Помните: это относится не к прошлому, а именно к тому моменту, когда что-то происходит. Если вы чувствуете, что возникла ненависть, закройте глаза, забудьте о внешнем мире и наблюдайте то, что происходит у вас внутри. Ваша энергия стала ненавистью. Если вы будете наблюдать это, то внезапно часть энергии начнет трансформироваться в осознанность. Из хаоса ненависти или любви, или из чего-либо еще поднимется столп сознания. И чем больше будет становиться этот столп, тем послушней внутренний хаос будет стихать и растворяться. В конце концов вы почувствуете, что вы есть, а ненависти больше нет: вы стали собой, центром; другой человек больше не может ни притягивать, ни отталкивать.

Такую медитацию нужно выполнять в тот самый момент, когда что-то происходит. Вы станете совершенно другим человеком. Это не значит, что вы победите свою ненависть, или что вы будете держать ум под контролем. Вы будете сознанием, светом для самого себя. И благодаря этому свету темнота станет невозможной. Теперь вы — сознательное существо. Ненависть стала невозможной, потому что ненависти нужна ваша бессознательность — это основное условие.

Вы должны понять очень ясно и отчетливо: ненависти нужна бессознательность. Бессознательность — основная пища для ненависти, это то, что дает ей силу. Так что не беспокойтесь о ненависти, лучше займитесь своим сознанием. Станьте более осознанными в своих поступках, в своих мыслях, в своих настроениях — во всем, что бы ни происходило.

Сознательное существо не преисполнено ни ненависти, ни любви.

Именно поэтому, говоря о Будде, мы не можем сказать, что Будда любит. Будда не может любить, потому что он не может ненавидеть. Вы не можете быть для него отталкивающими, но также вы не можете быть для него притягательными, потому что в обоих случаях центром являетесь вы. Будда — это не любовь, а сострадание, и различие очень велико.

Когда вы испытываете сострадание, вы остаетесь в собственном центре; ничто не может вас ни притянуть ни оттолкнуть. Это совершенно нейтральное состояние. У другого человека возникнет очень глубокое чувство, что вы его любите, но...

Если вы придете к Будде, вы можете почувствовать, что он вас любит. Это ваш свободный выбор. Но в любой момент вы можете также почувствовать, что он вас ненавидит. Это тоже ваш свободный выбор. То, что он вас любит или ненавидит, ваша проекция. В действительности, он ни любит ни ненавидит; он остается самим собой и делится состраданием.

Понимаете разницу? Если вас нет в этой комнате, я не могу вас любить и также не могу вас ненавидеть. Если я хочу ненавидеть, мне нужен объект ненависти, так что если вас здесь нет, мне придется представить, что вы здесь. Любовь прекращается, когда возлюбленный отсутствует, и ненависть прекращается, когда врага нет. Если они отсутствуют, вы создаете их в своем воображении.

Сострадание означает, что даже если никого нет, Будда все равно остается сострадательным. И это не благодаря его воображению; это его естественное состояние. Сострадание Будды подобно тому, как течет река. Другой человек совершенно к этому не причастен, другой не становится центром для Будды, он — сам всегда центр.

Когда вы становитесь центром, когда вы становитесь кристаллизованным, тогда больше ни к кому не возникает ни отталкивания, ни притяжения. Это вызывает серьезную проблему, потому что означает, что вы не можете выйти за пределы ненависти, если вы не выйдете за пределы любви. Все хотят выйти за пределы ненависти, но никто не хочет выходить за пределы любви. Но это невозможно, потому что ненависть является частью единой энергии притяжения и отталкивания.

Как можно только любить, как можно только притягиваться ко всему? Мы пытаемся любить множеством разных способов, но единственный легкий способ — это ненавидеть одного человека, а любить другого. Это легкий способ. Одного человека вы превращаете в своего врага, а другого — в друга.

Тогда вы можете быть спокойны, вы можете любить. Вы можете притягиваться к А, а Б вас будет отталкивать. Это первый способ. Другой способ, более сложный, это ненавидеть того же самого человека, которого вы любите. Это тоже возможно. Утром мы любим, днем ненавидим, а вечером снова любим. Каждый влюбленный постоянно перемещается между любовью и ненавистью, притяжением и отталкиванием. Фрейд заметил, и заметил совершенно верно, что мы вынуждены ненавидеть того же самого человека, которого любим, иначе невозможно.

Это становится все более и более явным, по мере того как мы избавляемся от всех козлов отпущения, которые существовали для нашей ненависти. Мы могли любить свою страну и ненавидеть другую страну, мы могли любить свою религию и ненавидеть другую религию, потому что, если вы любите кого-то или что-то, вам необходимо уравновесить эту любовь ненавистью. В прежние времена это было легко, равновесие существовало, но теперь гуманисты и утописты уничтожили всех наших козлов отпущения. Скоро мир может настолько объединиться, что будет только одно государство, один народ. Тогда объектом любви и ненависти должно будет стать одно и то же.

Эта двойственность — нечто естественное. Если вы любите, вам нужно ненавидеть. Некоторые люди настойчиво проповедуют: «Любите весь мир!» Но вы не можете любить весь мир,

если только не найдется другой мир, который вы могли бы ненавидеть. Не думаю, что планета Земля может стать единой, пока мы не найдем врагов на какой-нибудь другой планете. Как только мы найдем где-нибудь врага, а мы очень стараемся его найти, тогда наш мир сможет стать единым.

Когда Индия воюет с Пакистаном, в самой Индии нет войны; Индия объединяется. По отношению к Индии у всех жителей возникают глубокие патриотические чувства, потому что теперь любовь уравновешена ненавистью к Пакистану. Но когда нет войны, тогда индусы воюют с мусульманами, брамины воюют с шудрами, одна провинция воюет с другой, одна партия громит другую... и таким образом поддерживается внутреннее равновесие. Но если есть внешний враг, тогда вся страна объединяется.

Вся Земля не сможет стать единой, пока не найдется планета, с которой мы могли бы воевать. Даже слухи подействовали бы. Линус Паулинг, великий ученый, лауреат Нобелевской премии, однажды предложил, что было бы неплохо через Организацию Объединенных Наций распустить по всему миру слух, что марсиане собираются напасть на Землю, и чтобы ученые всего мира поддержали этот слух; тогда на Земле не было бы войн. И он прав. Для человечества со всеми его нынешними проблемами это было бы полезно. Ложь может помочь, так как истина до сих пор не смогла.

Если будет любовь, будет и ненависть, и вам придется найти какой-нибудь объект, на котором ее можно будет сосредоточить. Так что, чем больше вы будете любить, тем больше в вас будет ненависти. Это цена, которую приходится платить. Запомните: либо любовь и ненависть идут бок о бок, либо нет ни того, ни другого.

Ненависть исчезнет не благодаря тому, что вы будете что-то с ней делать, а благодаря повышению вашей осознанности, вашей бдительности, вашего самосознания. Станьте сознательным существом, и вы окажетесь в своем центре, и никто не сможет вас поколебать.

Сейчас любой может выбить вас из вашего центра. Кто-то делает это с помощью любви, кто-то делает это с помощью ненависти, но любой человек может вывести вас из вашего центра. На самом деле, у вас нет центра, есть лишь псевдоцентр, который только и ждет, чтобы кто-нибудь пришел и вывел вас из него.

Самосознание означает центрирование, сознательное центрирование внутри. Тогда и любовь, и ненависть исчезают. Когда и то и другое исчезает, вы действительно в покое.

И в самом деле, симптомы любви и ненависти так похожи. Когда вы сильно ненавидите, вы не можете спать, и в глубокой любви вы не можете спать. Когда вы в глубокой любви, кровяное давление повышается — так же как и когда вы ненавидите. Все симптомы одинаковы: вы становитесь напряженными. Влюбленного не интересуют обычные вещи, они утомляют его, становятся ему скучны — так же как и в случае, если он ненавидит. То и другое — напряжение, то и другое — болезнь.

Когда я говорю «болезнь»^[3], я использую буквальное значение этого слова: не покой. Ни в любви, ни в ненависти вы не можете быть спокойны, вы можете быть спокойны, только если внутри вас нет ничего — ни ненависти, ни любви. Тогда вы одни в своем сознании, другой не имеет к вам никакого отношения. Вы центрированы.

Тогда возникает сострадание. Это то, что приходит, когда достигнут центр. Сострадание — это не любовь и не ненависть, это не влечение и не отвращение, это совершенно другое измерение. Это значит, что вы познали себя, вы действуете в согласии с собой, живете в согласии с собой. Кто-то будет чувствовать влечение к вам, кто-то будет чувствовать отвращение, но это просто их проекции, это их проблема. Вы можете посмеяться над этим, а можете остаться беспристрастными.

В течение последних десяти лет у меня было множество проблем. Я пережил много

волнений. Кажется, мой ум находится в постоянном движении. Что я могу с этим сделать?

Зачем думать о прошедших десяти годах? Зачем? Вот основная причина твоей проблемы.

Что ты получил от прошлого? Только воспоминания и мысли. И ты продолжаешь собирать и лелеять воспоминания, и с каждым днем твое прошлое становится все больше и больше. И груз прошлого увеличивается с каждым днем, потому что ты копишь мысли, воспоминания, переживания. С каждым днем твой ум становится все больше и больше, а сознание все меньше и меньше.

Ум состоит из накопленного прошлого, и его багаж все время увеличивается. Что еще может делать ум, кроме как повторять мысли? Что еще представляет собой мышление, как не пережевывание прошлого снова и снова? Ничего нового в него не проникает.

Мышление не бывает оригинально; оно не может быть оригинальным, потому что мыслить можно только в терминах известного. Вы не можете думать о неизвестном; достичь неизвестного можно только в переживании опыта.

Каждый день приносит уму новый материал для размышлений. И ум продолжает думать: это очень эффективный механизм. Он может даже думать так быстро, что вы не будете успевать связывать мысли между собой и дойдете до безумия. Сумасшедший — это тот, чье мышление стало патологичным: его мысли накладываются одна на другую. Вы мыслите линейно, в то время как сумасшедший мыслит по многим направлениям одновременно; его мышление очень сложно.

Если вы будете продолжать накапливать прошлое, ваш ум будет разрастаться все больше и больше. Вы можете даже полностью потерять осознание себя, и тогда вы станете автоматом, компьютером, думающей машиной, роботом.

Ты спрашиваешь, что же делать? Позволь прошлому быть прошлым. Не носи его с собой.

Забудь его. Посвяти всего себя текущему мгновению. И что удивительно, если ты действительно находишься только в текущем мгновении, ты не можешь думать; это невозможно. Мышление возможно только в прошлом или в будущем, но не в настоящем. Оставайся здесь и сейчас. Не отступай в прошлое и не забегай в будущее. Оставайся в моменте, который происходит прямо сейчас.

Например, только что я говорил. Думаю, ты не услышал то, что я говорил, потому что твой вопрос, скорее всего, продолжал крутиться в твоем уме. Ты упустил. И нынешний момент ты снова можешь упустить. Если ты действительно меня слушаешь, твой мыслительный процесс должен остановиться. Если мыслительный процесс продолжается, ты не можешь меня слушать. Если ты думаешь о том, что я говорю, прикидывая, как это практиковать, ты опять же упускаешь настоящий момент.

Когда вы едите, ешьте — и ничего больше не делайте. Когда вы слушаете, слушайте — и ничего больше не делайте. Когда вы идете, идите — и ничего больше не делайте. Оставайтесь в настоящем моменте, оставайтесь с действием, и вскоре вы осознаете, что прошлое отступило, и внутри вас открылось новое пространство. В этом пространстве нет мыслей.

Живите от момента к моменту. Умрите для прошлого и умрите для будущего. Живите здесь и сейчас, так чтобы все, что вы делаете, стало медитацией.

Медитация — это состояние, а не действие, так что любое действие может стать медитативным. Так называемая медитация, которую многие упорно продолжают практиковать, это не медитация. Основным, центральным, существенным моментом медитации является именно тотальное пребывание в настоящем.

Делайте то, что вы обычно делаете: гуляйте по улице, бегайте, принимайте ванну, ешьте, засыпайте, лежите на кровати, расслабляйтесь — и будьте полностью сосредоточены только на этом действии. Без прошлого, без будущего, оставайтесь в настоящем. Вначале это будет тяжело, очень тяжело, очень трудно, но вскоре вы почувствуете вкус настоящего, и тогда откроется

новая дверь, новая сфера. Тогда бесконечная работа ума остановится.

Я не хочу сказать, что вы будете не способны мыслить; напротив, только тогда вы обретете способность мыслить по-настоящему. Мышление отличается от безумной мыслительной суеты. Толпа ваших мыслей вообще не является мышлением. Мысли текут и текут, и вы ничего не можете с ними поделать. Вы просто жертва, а не мыслитель, вы страдаете, а не размышляете.

Попытайтесь остановить какую-нибудь мысль, и вы поймете, кто хозяин. Попытайтесь ее остановить. Вы не сможете. Мысль восстанет против вашего контроля и вернется, чтобы взять реванш — с еще большей силой, с еще большей ловкостью и активностью. О чем бы вы ни думали, это на самом деле не мышление, это просто суета, безумная суета, толпа, затор мыслей — несообразный, бесполезный, ненужный пережиток прошлого.

Так что будьте осознаны. Не теряйте настоящего. Живите в настоящем. Познайте медитативное качество настоящего.

На самом деле, настоящий момент не имеет никакого отношения ко времени. Прошлое — это время, будущее — это время, но настоящее — это не время. Обычно мы делим время на три части: прошлое, настоящее и будущее. Но в действительности это не так.

Настоящее вечно, настоящее существует. Оно всегда здесь и сейчас, вечное сейчас. В действительности нет прошлого и нет будущего. Прошлое живет только в памяти, а будущее — лишь в воображении. Прошлое и будущее принадлежат уму, но не существованию. Если вы сможете это понять, вы увидите, что время — это ум, а ум — это время. Остановите ум, и время исчезнет. И наоборот.

Именно поэтому все религии утверждают, что во внутреннем пространстве времени нет, что глубокое погружение во внутреннее измерение — это безвременный момент. Эта безвременность находится здесь, в это самое мгновение. Вы можете упустить ее из-за дурной привычки накапливать прошлое, но она здесь, и если вы начинаете ее осознавать, она сможет продолжаться.

В тот момент, когда вы осознаны, прошлое отходит в сторону, будущее растворяется, и настоящий момент оживает. Живите в нем, существовайте в нем, и тогда безумная суета мыслей прекратится. Тогда впервые вы обретете способность мыслить. Это новое мышление означает большую осознанность, более сконцентрированное сознание, более сфокусированный свет вашего существа. Вы становитесь настолько осознанным, что как только перед вами возникает какая-либо проблема, ваше сознание, сфокусированный свет вашего существа разрешает ее. А когда проблема разрешена, вы знаете ответ.

Ваше так называемое мышление больше сродни беспокойству, чем мышлению. Нынешнее мышление заставляет вас искать ответ на ощупь, и этот поиск происходит в темноте. Сегодня вы думаете, что что-то решили, а завтра та же проблема возникает вновь, все опять становится запутанным, и вы продолжаете поиски в темноте. Вот почему мыслители меняют мнение каждый день. То, что вчера было истиной, сегодня уже не истина, а то, что является истиной сегодня, завтра уже не будет истиной. Так что все относительно истинно: ничто не истинно, ничто не ложно, истинное с ложным в любой момент могут поменяться местами.

Истина Будды имеет совершенно иное качество... она существует вне времени. Истина Иисуса существует вне времени. Их истина не может стать ложью, потому что она найдена не через мышление, а через медитацию, не через безостановочное прослушивание мыслей, а в глубоком путешествии внутрь без каких-либо мыслей. Запомните: когда вы в настоящем, мыслей нет.

Любовь к другим создает во мне напряжение. Но любовь к тебе приносит удовлетворение, свежесть. Почему так?

Это тоже в любой момент может обернуться разочарованием, потому что центром по-

прежнему остается другой. Кто бы это ни был... другой не должен быть вашим центром.

Если ты действительно ощущаешь близость со мной, тогда запомни: я не должен быть твоим центром. В тот момент, когда твоя любовь перестанет центрироваться на мне, ты будешь счастлив. Если твоя любовь центрирована на мне, это только создает проблемы.

Ты будешь любить меня и найдешь кого-то другого, чтобы ненавидеть.

Именно это и происходит. Вы любите своего гуру и начинаете ненавидеть и осуждать всех остальных гуру. Вы любите Раму, а Кришна становится врагом. Вы любите Иисуса и не можете любить Мухаммеда. Вам нужно создать врага.

Если вы кого-то любите, даже если вы любите меня и испытываете свежесть, удовлетворение, все равно глубоко внутри вас таится другая сторона. В любой момент она может прорваться и стать разрушительной. Вы должны быть удовлетворены в самом себе, потому что только тогда вас не ждет разочарование. Вы будете испытывать многие чувства, но они не будут чем-то отдельным от вас. Центр будет оставаться внутри вас. Если вы научитесь тотально быть с самим собой, тогда, даже если меня здесь не будет, даже если вы не сможете меня найти, даже если вы меня совершенно забудете, удовлетворение останется, свежесть останется. И вот тогда, когда вы центрированы в себе, вы можете испытать утонченную благодарность к другому человеку, но это нечто совершенно особенное.

Не привязывайтесь. Не мыслите в терминах любви, потому что то, что мы принимаем за любовь, тесно связано со своей противоположностью. Возможно, это трудно понять. Если вы меня любите, кажется непостижимым, чтобы вы могли меня ненавидеть. Но это распространенное явление. Когда кому-то снится сон, он не знает, что это просто сон. Все, что с ним происходит, для него реальность; ему даже в голову не приходит, что это может быть нереальным. То же самое происходит, когда кто-то влюблен: он не может себе представить, как можно ненавидеть возлюбленного. Но потом, когда он все-таки начинает его ненавидеть, он не может представить, как он был влюблен.

Тот, кто любит, а потом ненавидит, на самом деле не любит истинно. Но ум постоянно находит оправдания. Если вы кого-то любите и не можете представить, как можно его или ее ненавидеть, ум говорит, что это истинная любовь. Затем, когда вы начинаете ненавидеть этого же самого человека, ум говорит, что хотя вы и были истинно любящим, другой человек не стоил вашей любви. Сначала вы находите множество оправданий, причин и рациональных объяснений для любви, а затем вы находите такое же множество рациональных объяснений ненависти.

Я наблюдал это не раз, это происходило со многими людьми. Иногда бывает так, что кто-то меня очень глубоко любит, а потом начинает ненавидеть. Одновременно с глубокой любовью внутри живет и глубокая ненависть; другого не дано. Пока человек меня любит, он не может представить, что возможна ненависть, а потом, когда он меня ненавидит, он не может понять, как вообще могла быть возможной любовь.

От любви к ненависти перейти легко, а вот перейти от ненависти к любви очень трудно. На это есть много причин. Вы не можете сразу ненавидеть; сначала вам нужно любить. Любовь является необходимым условием для появления ненависти; вы не можете ненавидеть просто так, без предшествующей любви. Но потом склеить разбитое зеркало очень трудно. Вы можете опять полюбить, но ненависть, которая предшествовала возобновленной любви, будет отбрасывать на нее свою тень. От ненависти что-то остается; какая-то ее часть выживает. Прежняя иллюзия тотальной любви не может быть восстановлена.

Если ты меня любишь, то от этих слов почувствуешь обиду. Не обижайся. Если ты хочешь идти к самореализации, если ты пытаешься найти путь к конечной истине, тогда еще много раз тебе будет больно, потому что много раз мне придется сражаться с твоими заблуждениями. Я знаю, что твоя любовь может стать ненавистью. И точно так же, как любовь обладает свежестью,

ненависть тоже обладает свежестью, жизненностью.

Но существует любовь, которую я называю состраданием, и она тоже может к тебе прийти. Но она придет, только если твой центр будет внутри тебя, а не в ком-то другом. Становись все более и более центрированным в самом себе. Если я смогу помочь тебе это сделать, я выражу свое сострадание. Мое сострадание может иногда причинять тебе боль, но это необходимо.

Так что я говорю вам: тот, кто центрирован на другом человеке, кем бы тот ни был, в конечном итоге будет разочарован. Освобождайтесь от других все больше и больше. Именно для этого я позволяю вам сблизиться со мной, именно в этом цель того, что я допускаю близость с вами: я хочу, чтобы вы стали самими собой! Если я смогу помочь вам прийти в центр внутри вас самих, где нет ни ненависти, ни любви, тогда между нами будут возможны совершенно другие отношения. Качество этих отношений находится за пределами известных вам любви и ненависти, они не будут ни любовью, ни ненавистью. Вы не будете воспринимать меня как другого, вы будете воспринимать меня как себя.

И так будет не только со мной... Вы будете воспринимать весь мир, всю вселенную как самих себя. Когда вы центрированы в себе, вы обретаете единство со всей вселенной. Но если вы центрированы в ком-то другом, тогда у вас возникнут проблемы, это естественное следствие, закон природы. А законы природы не допускают исключений. Они абсолютны и абсолютно беспощадны.

Глава 13

Между смертью и новым рождением

Ты говорил, что помнишь свою прошлую жизнь семисот лет назад. Можешь ли ты вспомнить свое имя в то время и обстоятельства своей смерти? И меня интересует, что происходило между твоей последней и твоей нынешней жизнью.

На самом деле, это бессмысленный вопрос. Жизнь означает, что что-то происходит, а между двумя жизнями не происходит ничего.

Между двумя жизнями — пауза. Если что-то происходит, значит, это снова новая жизнь. В промежутке ничего не происходит. Вы можете помнить его только как ничем не заполненную паузу.

Когда мы говорим, что кто-то живет, мы имеем в виду, что с ним что-то происходит. Жизнь — это череда событий. Вне тела ничего не происходит: тело предоставляет возможность того, чтобы происходили события. Когда вы находитесь вне тела, когда вы не в теле, ничего не происходит.

Тогда вы можете быть либо осознанны, либо бессознательны: есть только эти две возможности. Если вы бессознательны, вы ничего не помните. Если вы осознанны, вы можете помнить, помнить о паузе. Никаких событий там нет.

Был ли ты полностью осознан между твоей последней смертью и этим рождением?

Да, в течение этих семисот лет я был полностью осознан. Я был полностью осознан, но это было осознание паузы, вакуума, пустоты, осознание того, что ничего не происходит. Происходить ничего не могло. Что-то происходит только с воплощенными. Только если вы в теле, что-то может происходить.

Не скучно ли, в таком случае, быть без тела?

Нет, потому что концепция скуки относится к сфере событий. Если что-то происходит постоянно, тогда вам скучно. Скука — это повторение событий. Если вам каждый день приходится есть одну и ту же пищу, вам скучно. Но когда ничего не происходит, скука невозможна. Нечему наскучить.

Возникало ли у тебя в течение этих семисот лет желание опять родиться?

В промежутке между жизнями желания невозможны. Желание возникает, только когда вы

умираете. Даже для того, чтобы возникло желание, вы должны быть живыми и в теле. Желание возникает, когда вы умираете, и последнее желание, которое у вас было в одной жизни, становится первым желанием в начале новой жизни. Но в самом промежутке желаний нет.

Например, когда вы ложитесь спать, последняя мысль, которую вы осознаете, будет первой мыслью утром. Но в промежутке, когда вы спите, продолжения этой мысли нет. Последняя мысль останавливается на границе бодрствования и сна, на этом контрольно-пропускном пункте, и так там и остается. Просыпаясь, вы снова походите через тот же самый контрольно-пропускной пункт, через ту же самую границу, и последняя мысль, которая была у вас вечером, становится первой мыслью утром.

То же самое происходит, когда вы умираете: последнее желание этой жизни станет первым желанием в начале следующей жизни.

В промежутке между двумя жизнями все, что причастно к жизни, прекращается, останавливается даже время. Так что, когда я говорю «семьсот лет», это не мое воспоминание о промежутке, это лишь образ. В самом промежутке нет времени.

С этим многое связано. Время возможно только тогда, когда происходят события, иначе время создать невозможно. Именно поэтому, когда много всего произошло, вы ощущаете, что прожили много времени. Если ничего не происходит, если целый день ничего не происходит, день кажется очень долгим. Он кажется очень долгим, потому что он ничем не заполнен, время тянется еле-еле. Но если вы вспомните тот же самый день потом, оглядываясь назад, он покажется очень коротким, потому что в нем не было никаких событий, благодаря которым он казался бы долгим.

С другой стороны, если в какой-то день происходит много событий, день кажется очень коротким. Но если вы будете вспоминать этот день позже, он покажется очень длинным, потому что так много всего произошло.

По существу, время связано с событиями. Если ничего не происходит, вы не осознаете время — вы не можете его осознавать; и сознание пространства тоже утрачивается.

Между одной жизнью и другой нет никаких помыслов. Помыслы невозможны, потому что даже для помыслов нужно тело. Вы *ничего* не можете переживать без тела, только тело умеет переживать.

Поэтому если вы осознанны между одной жизнью и другой, вы осознаете только сознание. Ничто: ни мысли, ни желания, кроме последнего желания, — не будет оказывать на вас никакого влияния. А влияние вашего последнего желания автоматическое, потому что последним наказом вашего ума было вновь войти в тело; с этим ничего не нужно делать. Если в момент смерти вы умираете полностью осознанно, без каких-либо желаний, без каких-либо мыслей, новое рождение становится невозможным.

Если вы заснете совершенно осознанно, без мыслей и без желаний, то утром, когда вы проснетесь, у вас не будет никаких мыслей и никаких желаний. Точно так же последняя мысль, которая была у вас в момент смерти, действует подобно семени, неся потенциал. Она действует автоматически. Как только появится возможность, как только возникнет ситуация, в которой вы сможете родиться вновь, вы родитесь. И если вы были осознанны в прошлой жизни, вы будете осознанны также и в этой жизни. Ваше рождение будет осознанным рождением; вы будете знать, что происходит.

Тогда это будет вашей последней жизнью. Если рождение было осознанным, то и смерть будет осознанной. И тогда больше не будет рождений. Если кто-то рождается полностью пробужденным, то это его последнее рождение. Конечно, еще одна смерть произойдет, но после этого не будет больше ни рождений, ни смертей.

Так что когда я говорю, что перед этим моим рождением прошло семьсот лет, это просто

образ...

Примечания

1

Мескалин — психотропное средство, вызывает расстройство сознания и сновидения с иллюзиями и галлюцинациями. — *Примеч. ред.*

2

Fall in love (*англ*) означает «влюбиться», буквально «упасть в любовь». — *Примеч. ред.*

3

От англ. *disease* (болезнь) — *dis-ease* , что означает отсутствие покоя. — *Примеч. Перев.*